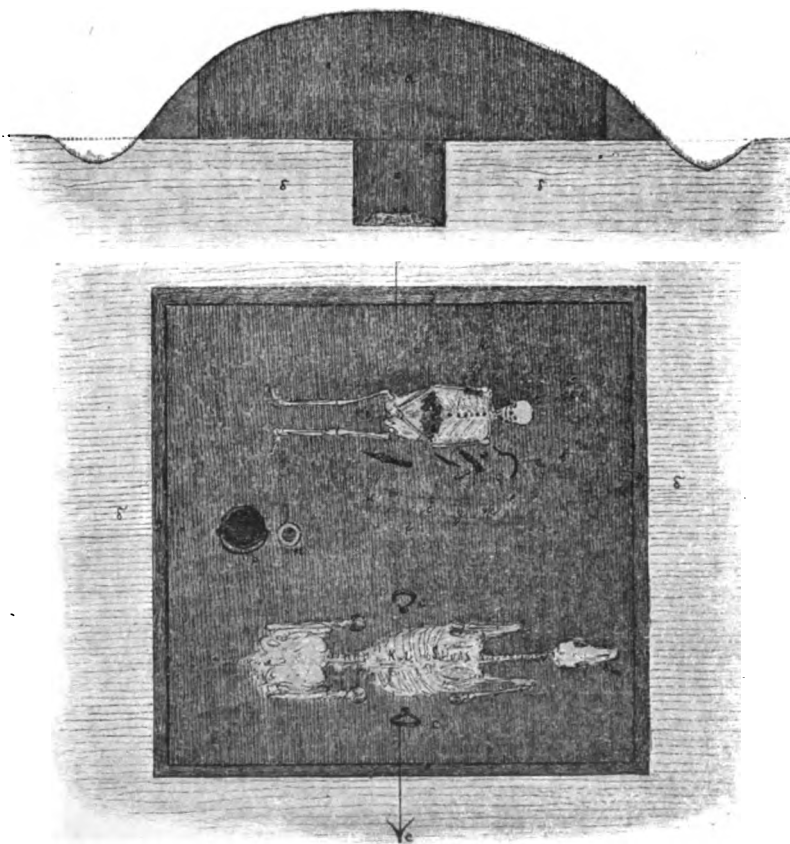

Д. Самоквасовъ.

Съверянская земля и Съверяне

ПО

ГОРОДИЩАМЪ и МОГИЛАМЪ.

Гуцино у Чернигова.

Москва. Синодальная Типографія. 1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Съверянская земля и Съверяне по городищамъ и могиламъ.	
I. Источники знанія	1
1. Съверянскія городища	9
2. Съверянскія могилы.	14
3. Значеніе языческихъ городищъ и могилъ для историка и юриста-историка.	18
II. Границы, волости и старѣйшіе города Съверянской земли.	23
1. Границы Съверянской земли	23
2. Волости Съверянской земли	27
3. Старѣйшіе города волостей Съверянской земли.	35
III. Происхожденіе городовъ и городскихъ союзовъ.	46
1. Первоначальная русская городская колонизація	46
2. Происхожденіе и значеніе городскихъ союзовъ.	56
IV. Происхожденіе Съверянъ	63
1. Постановка и значеніе вопроса.	63
2. Прародина и предки Славянъ	70
3. Прародина и предки Руссовъ Съверянъ	84
V. Культура Съверянъ языческой эпохи.	93
Приложенія.	
1. Указатель городищъ Черниговской губерніи.	103
2. Карта городищъ Черниговской губерніи.	

Сѣверянская земля и Сѣверяне

ПО ГОРОДИЩАМЪ и МОГИЛАМЪ.

I. Источники знанія.

Въ первомъ томѣ «Русской Исторіи» Бестужева-Рюмина, изданномъ въ 1872 году, въ первый разъ помѣщенъ отдѣлъ вещественныхъ памятниковъ въ ряду средствъ научнаго познанія исторіи нашихъ предковъ; но историкъ не имѣлъ возможности воспользоваться этимъ источникомъ, потому что «до сихъ поръ», говоритъ онъ, «большія усилія были направлены на южную часть Россіи, такъ какъ здѣсь были греческія поселенія, добыча здѣсь можетъ быть богаче, результаты яснѣе при усиліяхъ сравнительно меньшихъ; а между тѣмъ, самые важные вопросы для всей русской исторіи въ центральныхъ губерніяхъ, а *сюда почти еще не заходили работники*» (Р. И.; I, 160).

Равнодушіе прежнихъ историковъ и археологовъ къ подземнымъ хранилищамъ древностей Русской земли объясняется господствовавшими въ первой половинѣ истекшаго столѣтія литературными возрѣніями, по которымъ городища признавались «памятниками языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, не заключающими въ себѣ ничего болѣе, кромѣ пепла, угля и жженныхъ костей,—остатковъ языческихъ жертвоприношеній», а курганы, — «наслоеніемъ массы могилъ древнихъ народовъ, въ которомъ нѣтъ возможности распознать могилы Славянъ и Славяноруссовъ». Эта теорія была основана въ двадцатыхъ годахъ Адамомъ Черноцкимъ, извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Зоріана-Доленги-Ходаковского¹⁾,

¹⁾ Ж. М. Н. П. за 1838 г.; № 12, с. 488 и слѣд. Рус. Ист. Сборникъ; изд. Погодина; т. I, с. 53, т. IV, с. 10. Эта теорія была принята и пропагандирована Шафарикомъ (Слав. Древн.: I, с. 372), Срезневскимъ (Зап. Од. Общ. Ист. и Др.; т. II, с. 335. Свят. и Обр. язык. богослуж. Славянъ, с. 40) и особенно Погодинымъ (Изсл. Зам. и Лек.; II, с. 40).

который доказывалъ, что городища должны быть признаны мѣстами языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, нашими locus, священными насыпями, ограждавшими посвященныя многобожію мѣста. Въ 1763 году былъ разрытъ въ Новороссіи курганъ, въ которомъ нашли золотую цѣпь, четыре серебряныхъ подсвѣчника, золотую рукоятку отъ кинжала и пр. (Миллеръ, — Ежемѣсячн. Сочин., с. 497. 1764 г.). По поводу этой находки А. Л. Шлецеръ высказалъ: «Новороссія есть та земля, черезъ которую всѣ народы, переселявшіеся изъ Азіи въ Европу, не только проходили, но и останавливались въ ней. Чего еще впередъ не выроютъ изъ здѣшнихъ кургановъ...; но всѣ эти рѣдкости не принадлежатъ туда, гдѣ говорится о первыхъ столѣтіяхъ Россіи» (Шлец. Несторъ; I; введ.; с. ре—ри). Еще въ 1868 году А. А. Котляревскій, въ специальномъ изслѣдованіи о погребальныхъ языческихъ обычаяхъ Славянъ, повторилъ ученіе Шлецера: «Какъ младшій побѣгъ индоевропейской семьи», говорить онъ, «Славяне шли по торной дорогѣ; многочисленныя вѣтви ихъ сѣли на насиженныхъ гнѣздахъ, на остаткахъ цивилизаціи предшественниковъ... Принимая въ соображеніе эти обстоятельства водворенія Славянъ въ Европѣ, можно ли надѣяться отыскать могилы славянскихъ праотцевъ при помощи и руководствѣ историко-географическихъ свидѣтельствъ? Думаемъ, что вообще едва ли» (О погр. Обр. языч. Славянъ, с. 160. Изд. 1868 г.).

Археологическія раскопки въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, произведенныя въ прошедшемъ полустолѣтіи, фактически доказали возможность распределенія древнихъ земляныхъ насыпей по историческимъ эпохамъ и отличить между ними могилы русскія языческой эпохи.

Собирая матеріалы для диссертациі, имѣвшей своею задачею выясненіе вопросовъ о происхожденіи, количествѣ и значеніи древнихъ городовъ Россіи, я встрѣтилъ въ источникахъ указанія на количество древнихъ городовъ, стоявшія въ рѣзкомъ противорѣчій съ господствовавшимъ тогда въ исторической литературѣ воззрѣніемъ по этому вопросу; а въ 1870 году, осмотрѣвъ городища въ Новгородѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, я пришелъ къ заключенію, что древнія насыпи этого рода представляютъ собою остатки городовъ въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній. Въ этомъ смыслѣ я сдѣлалъ сообщеніе въ Петербургскомъ Географическомъ Обществѣ, встрѣтившее возраженіе со стороны

И. И. Срезневскаго, защищавшаго ученіе Ходаковскаго о богослужебномъ значеніи городищъ и ученіе Шлецера объ отсутствіи какихъ бы то ни было общественныхъ укрѣпленій или городовъ у русскихъ Славянъ до времени призванія Рюрика.

По заявленію И. И. Срезневскаго, мое мнѣніе о селидебномъ значеніи городищъ, основанное на осмотрѣ памятниковъ этого рода только въ одномъ уѣздѣ, не можетъ поколебать установившагося въ исторической наукѣ воззрѣнія, по которому въ эпоху призванія Рюрика въ Русской землѣ не было городовъ въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній; «городища, какъ доказаль уже Ходаковскій, исходившій всю Русскую землю и раскопавшій много городищъ, имѣли богослужебное значеніе; я лично, осмотрѣвъ городища по Сѣверному Донцу,—Донецкое, Хорошевское и др., убѣдился, что въ городищахъ имѣются только остатки языческихъ жертвоприношеній,—уголь, кости, черепки, о чемъ и заявилъ въ своемъ изслѣдованіи святилищъ древнихъ Славянъ».

Для провѣрки теоріи богослужебнаго значенія городищъ, я совершилъ въ 1872 и 1873 гг. спеціальныя путешествія по Россіи и осмотрѣлъ 72 городища въ губерніяхъ Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Тульской, Орловской, Курской, Харьковской, Полтавской, Кіевской и Черниговской,—на побережьяхъ Невы, Назы, Лавы, Волхова, озера Ильменя, Ловати, Тверицы, Волги, Москвы, Упы, Орла, Куры, Сейма, Рати, Сѣвернаго Донца, Псла, Сулы, Ромна, Трубежа, Дгѣпра, Роси, Россавы, Десны, Снова, Малотечны, Вабли, Бабинича, Вары, Судости, Клевени и Есмани.

Осматривая внѣшнія формы городищъ, я знакомился и съ ихъ внутреннимъ устройствомъ и содержаніемъ посредствомъ пробныхъ ямъ. Между прочимъ мною изслѣдовано было и Дьяково городище въ шести верстахъ отъ Москвы, на р. Москвѣ, у села Коломенскаго, признанное Ходаковскимъ типичною формою городищъ богослужебнаго значенія. Бытовья бронзовыя, желѣзныя, костяныя и глиняныя издѣлія, найденныя въ Дьяковомъ городищѣ, были тогда же показаны въ засѣданіи Московскаго археологическаго общества и переданы въ его собраніе древностей.

Результаты моихъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій по вопросамъ о происхожденіи, количествѣ и значеніи древнихъ городовъ были напечатаны въ диссертациі, подъ заглавіемъ

«Древніе города Россіи», изданной въ 1873 году и представленной въ университетъ св. Владимира. Спеціальная Коммиссія, при соучастіи историка В. Б. Антоновича, какъ знатока русскихъ древностей и специалиста по вопросамъ диссертации, заявила на диспутѣ, что моя диссертация должна обратить на себя особое вниманіе ученыхъ изслѣдователей новымъ методомъ удачнаго приложенія археологическаго матеріала къ рѣшенію историко-юридическихъ вопросовъ.

Вслѣдъ затѣмъ, основные выводы моей диссертации о происхожденіи, количествѣ и значеніи городовъ древней Россіи и городищъ нашего времени были внесены въ серьезные курсы университетскаго преподаванія русской исторіи и исторіи русскаго права¹⁾, и въ настоящее время между русскими археологами и историками, посѣщающими археологическіе съѣзды, уже нѣтъ сомнѣній по вопросу объ историческомъ значеніи городищъ. Множество сохранившихся памятниковъ этого рода признаются безспорно остатками общественныхъ поселеній древнихъ осѣдлыхъ народовъ, содержащими разнородные бытовые предметы, подобные встрѣчаемымъ при раскопкахъ дворищъ, селищъ и монастырищъ, и представляющіе собою средства научнаго познанія условій общественнаго и домашняго быта древнихъ народовъ, населявшихъ въ разныя историческія эпохи Русскую землю.

Предъ русской археологіей сталъ новый вопросъ: какими средствами въ средѣ множества сохранившихся древнихъ городищъ, принадлежащихъ разнымъ временамъ и народамъ, можно отличить русскія городища, и въ частности городища племенъ русскихъ Славянъ языческой эпохи, и тѣмъ обратитъ городища въ историческій источникъ,—въ средство фактическаго знанія условій древняго общественнаго и домашняго быта русскаго народа?

Осматривая городища въ разныхъ губерніяхъ, я замѣтилъ, что многія изъ нихъ сопровождаются курганными насыпями, именуемыми въ народѣ могилами и могилками, какъ именуются въ Малороссіи

¹⁾ Напримѣръ, во всѣхъ изданіяхъ учебника по исторіи русскаго права М. Ф. Владимірскаго—Буданова отдѣлъ о внутреннемъ составѣ древнерусской земли начинается такъ: „Городомъ называется въ обширнѣйшемъ смыслѣ всякое укрѣпленное мѣсто, — въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—всякое укрѣпленное поселеніе, — въ тѣснѣйшемъ собственномъ смыслѣ,—центральная община, владѣющая землею и, конечно, наиболѣе укрѣпленная. Были-ли города-общины въ началѣ русской исторіи (IX и X вв.)? Споръ объ этомъ между Д. Я. Самохвасовымъ и Ф. И. Леонтовичемъ приводитъ къ утвердительному отвѣту“.

общественныя кладбища. Нетрудно было сообразить, что если городища были въ древности мѣстами общественныхъ поселеній, то курганныя группы, ихъ сопровождающія, были общественными кладбищами обитателей такихъ поселеній. Но такъ какъ въ христіанскую эпоху не было обычая насыпать курганы надъ могилами покойниковъ, и уже княгиня Ольга въ X в. завѣщала, по ея смерти, «тризны не творити и могилы вверхъ холмомъ не суги», то городища и сопровождающіе ихъ курганы должны относиться къ языческому времени; а въ такомъ случаѣ, раскапывая курганные могильники и городища въ предѣлахъ земель русскихъ Славянъ, указанныхъ Несторомъ, можно получить фактическій бытовой матеріалъ нашихъ предковъ и обратить древнія земляныя насыпи въ историческіе источники,—въ средства познанія древнѣйшей исторіи и культуры русскихъ племенныхъ княженій языческой эпохи.

Первоначальную повѣрку сказанныхъ соображеній я сдѣлалъ въ Суджанскомъ уѣздѣ, у Николаевской Бѣлогорской пустыни, на правомъ берегу р. Псла, гдѣ сохранились два городища и языческій могильникъ, содержащій болѣе 300 кургановъ, расположенныхъ на протяженіи двухъ верстъ и поросшихъ старымъ дубовымъ лѣсомъ. Раскопка показала, что городища и курганы содержали однородныя по формѣ и составу издѣлія, принадлежавшія народу, жившему въ городищахъ и хоронившему своихъ покойниковъ въ курганахъ эпохи, датированной серебряною германскою монетою X-го вѣка, найденною при костякѣ одного изъ кургановъ въ значеніи привѣски къ ожерелью.

Тогда я задумалъ и привелъ въ исполненіе планъ раскопки курганныхъ могильниковъ на всемъ пространствѣ Сѣверянской земли, состоявшій въ томъ, чтобы въ каждомъ изъ нынѣшнихъ уѣздовъ, расположенныхъ по Деснѣ, Сейму и Сулѣ, на которыхъ, по свидѣтельству Нестора, жили Сѣверяне, изслѣдовать группы кургановъ, расположенныя вблизи городищ¹⁾).

Въ 1871 году, въ засѣданіи Петербургскаго Географическаго Общества, я высказался за необходимость поуѣздныхъ систематическихъ раскопокъ кургановъ въ Черниговской и другихъ центральныхъ губерніяхъ; на это мое предложеніе было высказано, что по изслѣдованіямъ Ходаковского и по указателю кургановъ, составлен-

¹⁾ См. Труды III Кіевскаго арх. съѣзда. Рефераты Д. Самоквасова о городищахъ и курганахъ Сѣверянской земли.

ному Калайдовичемъ, въ Черниговской и другихъ центральныхъ губерніяхъ кургановъ не имѣется, за исключеніемъ двухъ кургановъ въ Обоянскомъ уѣздѣ, Курской губерніи. Но уже осенью 1872 года была привезена въ Петербургъ коллекція бытовыхъ предметовъ, найденныхъ въ курганахъ Суджанскаго уѣзда Курской губерніи и въ курганахъ Гульбище и другихъ, раскопанныхъ мною на Болдиной горѣ, у г. Чернигова, о которыхъ въ напечатанномъ дневникѣ Н. И. Костомарова говорится, какъ о новости важной и неожиданной для русскаго историка.

Для осуществленія сказаннаго плана систематическихъ поуѣздныхъ раскопокъ въ Черниговской губерніи, я нуждался въ свѣдѣніяхъ о мѣстонахожденіи городищъ, сопровождаемыхъ курганными могильниками. При археологическихъ развѣдкахъ 1871 и 1872 гг. мнѣ приходилось тратить много труда, времени и средствъ на бесполезныя поѣздки, по неопредѣленнымъ указаніямъ, въ такія мѣстности, гдѣ не имѣется городищъ и кургановъ. Тогда выяснилась положительная необходимость для археологовъ сборника свѣдѣній о мѣстонахожденіи и внѣшнихъ формахъ древнихъ земляныхъ насыпей, во множествѣ сохранившихся въ предѣлахъ Россіи, но остававшихся неизвѣстными археологической литературѣ. Сборникъ этого рода облегчилъ бы археологамъ изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей и сохранилъ для исторіи память о городищахъ и курганахъ, нынѣ существующихъ, но подлежащихъ уничтоженію подъ плугами пахарей и вслѣдствіе раскопокъ при проведеніи дорогъ, при возведеніи построекъ, при добываніи глины, камня и пр.

Обдумывая средства составленія сборника этого рода, я призналъ наиболѣе цѣлесообразнымъ обратиться къ волостямъ, такъ какъ опытъ показалъ мнѣ, что волостные и сельскіе сходы всего лучше знаютъ, гдѣ и въ какомъ количествѣ сохранились городища и курганы въ предѣлахъ волостныхъ владѣній. Слѣдовало только поставить вопросы волостямъ въ формѣ краткой и понятной для народа ¹⁾ и предложить ихъ отъ имени мѣстной администраціи, чтобы

¹⁾ Безполезно обращаться къ народу съ вопросами на языкѣ, для него непонятномъ; одна изъ программъ для собиранія свѣдѣній археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ обращается къ мѣстнымъ духовенству, землевладѣльцамъ, народнымъ учителямъ, врачамъ, фельдшерамъ и грамотнымъ сельскимъ обывателямъ, съ такими темными словами: „Чисто научныя *проблемы* требуютъ *детальнаго* изученія народа; напримѣръ, вопросы объ исторіи *эволюціи* семьи требуютъ изученія

власти волостей сознавали необходимость дать серьезные отвѣты на основаніи свѣдѣній, непосредственно собранныхъ на мѣстахъ нахождения древнихъ земляныхъ насыпей.

Въ виду такихъ соображеній, я составилъ краткій запросъ къ волостямъ о мѣстонахожденіи городищъ и кургановъ и просилъ губернатора послать его во всѣ волости Черниговской губерніи. Опытъ оказался удачнымъ: осенью 1872 года, черезъ два мѣсяца по передачѣ моей программы вопросовъ губернатору, я получилъ отъ него отвѣты волостей, по которымъ преимущественно составленъ «указатель сохранившихся городищъ въ Черниговской губерніи», напечатанный въ приложеніи къ моей диссертаци «Древніе города Россіи». Этотъ матеріалъ послужилъ главнымъ источникомъ и для «карты городищъ Черниговской губерніи», приложенной къ той-же диссертаци. Въ указатель описаны и на картѣ обозначены 152 городища, сохранившіяся въ предѣлахъ Черниговской губерніи¹⁾.

На основаніи этого опыта, въ 1873 году я составилъ болѣе подробный запросъ къ волостямъ, состоявшій изъ 12 вопросовъ, отвѣчая на которые немногими словами, волости могли дать свѣдѣнія не только о мѣстонахожденіи сохранившихся городищъ и кургановъ, но также объ ихъ формахъ, размѣрахъ, степени сохранности и содержаніи раскопанныхъ. Запросъ, по распоряженію директора Центрального Статистическаго Комитета П. П. Семенова, былъ разосланъ въ губернскіе Статистическіе Комитеты, а оттуда во всѣ волости европейской Россіи. Такъ какъ до времени моихъ раскопокъ не было археологической литературы по Сѣверянской землѣ,

свадебнаго ритуала, обычаевъ, пѣсенъ и т. п. въ которыхъ скрываются обрывки отношеній и фактовъ, давно исчезнувшихъ...»; между вопросами, обращенными къ «грамотнымъ сельскимъ обывателямъ», встрѣчаются такіе: «Какъ называется въ народѣ гражданскій бракъ?» «Просятъ записать съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей мѣстнаго говора (?) и не измѣняя текста произведенія народнаго творчества по слѣдующимъ рубрикамъ»: 1, пѣсни и рассказы мифологическаго, космогоническаго и религіознаго содержанія... Сельскіе обыватели, хотя бы и грамотные, не могутъ понять такихъ вопросовъ и дать на нихъ отвѣты, годные для науки.

1) Эти указатель и карта послужили источникомъ для новыхъ научныхъ выводовъ, выраженныхъ въ моей диссертаци и въ сочиненіяхъ о Сѣверянской землѣ профессоровъ Багалѣя и Голубовскаго; а на послѣднемъ, Екатеринославскомъ арх. съѣздѣ было заявлено, что «профессоръ Голубовскій совершилъ новый ученый трудъ по опредѣленію мѣстонахожденія черниговскихъ городовъ до татарскаго времени, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, положивъ въ основаніе своей работы карту городищъ, приложенную къ диссертаци Древніе города Россіи». См. въ приложеніи.

то волостные отвѣты на мои вопросы послужили единственнымъ руководителемъ въ изысканіи курганныхъ могильниковъ, сопровождающихъ городища въ губерніи Черниговской, настолько полезнымъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ я имѣлъ возможность изслѣдовать много курганныхъ могильниковъ, сопровождающихъ древнія городища (см. Могилы Рус. Земли, отд. III).

Ко времени изданія «Трудовъ» III-го Кіевского арх. съѣзда были раскопаны мною 313 кургановъ въ группахъ, сопровождавшихъ древнія городища, въ десяти уѣздахъ, лежащихъ въ областяхъ Десны, Снова, Малатечи, Вабли, Бабинича, Сейма, Клевени, Рати и Псла.

Въ каждой изслѣдованной группѣ я раскапывалъ насыпи малой, средней и большой величины, не останавливаясь предъ наибольшими, и оставлялъ раскопку каждой группы тогда, когда она давала могилы только повторительнаго устройства и содержанія. Къ нѣкоторымъ группамъ, напримѣръ Черниговскимъ и Сѣднєвскимъ, я возвращался для провѣрочныхъ раскопокъ, когда кабинетная обработка найденнаго матеріала приводила къ вопросамъ, требовавшимъ дополнительныхъ раскопокъ.

Раскопки и описаніе устройства и содержанія могилъ были введены мною по правиламъ, вошедшимъ въ инструкцію для раскопки кургановъ, составленную В. Б. Антоновичемъ, Л. К. Иवानовскимъ и мною, разсмотрѣнную и утвержденную общимъ собраніемъ археологическаго съѣзда 1874 года и напечатанную въ первомъ томѣ «Трудовъ» этого съѣзда (стр. LXIX—LXXIII).

Въ первые годы раскопокъ, закончивъ лѣтнія работы, я привозилъ найденный въ могилахъ матеріалъ въ Кіевъ, Москву и Петербургъ, чтобы показать его В. Б. Антоновичу, графу А. С. Уварову, И. Д. Бѣляеву, Н. И. Костомарову и К. Н. Бестужеву—Рюмину, совмѣстно съ ними обсудить результаты раскопокъ, опредѣлить время найденныхъ монетъ и выяснить вопросы, требовавшіе дополнительныхъ раскопокъ. Могильные черепа я доставлялъ для изслѣдованія А. П. Богданову, и его работы по этому матеріалу напечатаны въ изданіяхъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ.

Результаты археологическихъ раскопокъ я сопоставлялъ съ лѣтописнымъ матеріаломъ, разясняя имъ вопросы о значеніи, времени и народности новооткрытыхъ вещественныхъ памятниковъ, а

съ другой стороны, дополняя неполныя и разъясняя сомнительныя лѣтописныя свидѣтельства вещественными памятниками. Параллельное изученіе вещественныхъ и лѣтописныхъ памятниковъ необходимо для археолога и историка, потому что бытовыя издѣлія, сохранившіяся въ городищахъ и курганахъ рѣдко содержатъ въ себѣ указанія на время поселеній и могилъ и никогда не содержатъ сами по себѣ указаній на ихъ народность. Только изученіе географическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ письменными источниками по отношенію къ мѣстностямъ и народностямъ въ предѣлахъ изслѣдованнаго раскопками района, даетъ возможность опредѣлить время и народность открытаго въ городищахъ и могилахъ бытового матеріала и обратить этотъ матеріалъ въ средство фактическаго рѣшенія вопросовъ о происхожденіи, поземельныхъ владѣніяхъ, обычаяхъ и исторіи культуры народностей, занимавшихъ области, изслѣдованныя археологическими раскопками.

Результаты моихъ раскопокъ въ Сѣверянской землѣ, произведенныхъ до 1874 г., были представлены на выставку III-го Кіевскаго арх. съѣзда, причѣмъ бытовые предметы,—оружіе, вооруженіе, сосуды и др.,—найденные въ Черниговскихъ и Сѣдневскихъ курганахъ съ кострищами, были отправлены въ Кіевъ съ мѣста раскопки въ томъ видѣ, въ какомъ вынуты изъ могилъ, безъ очистки, въ грудяхъ желѣзной окиси, соединенныхъ съ углемъ, пепломъ и костями. Разборъ и очистка такихъ грудъ были произведены въ музеѣ Кіевскаго университета, подъ наблюденіемъ и по указаніямъ В. Б. Антоновича.

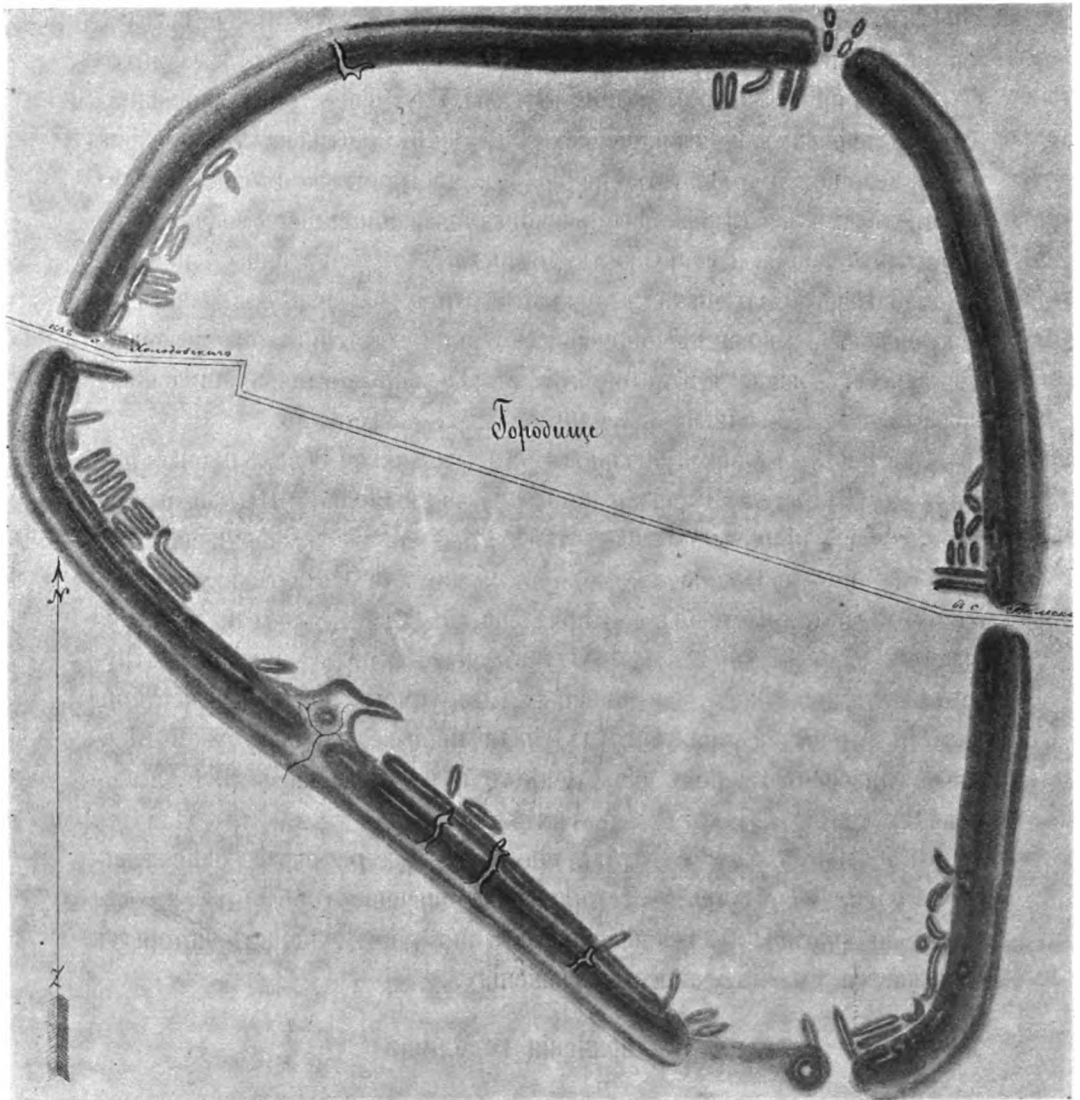
На III-емъ Арх. съѣздѣ я сообщилъ два реферата, напечатанные въ его «Трудахъ»: «Историческое значеніе городищъ» и «Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи», сущность которыхъ выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Сѣверянскія городища¹⁾.

Научная важность каждаго вещественнаго памятника и каждой группы памятниковъ, какъ средствъ познанія условій быта даннаго

¹⁾ Помѣщенный на стр. 10 рисунокъ Бѣльскаго городища представляетъ собою уменьшенный на половину „планъ“ городища, составленный въ 1895 г. и представленный гр. А. А. Бобринскимъ въ Имп. Арх. Коммиссію, при масштабѣ 50 саж. въ дюймѣ. Планъ помѣщается въ Дѣлѣ Коммиссіи № 84 за 1895 г. Въ описаніи городища между

народа въ данную историческую эпоху, обусловливается предварительнымъ рѣшеніемъ вопросовъ объ историческомъ значеніи памятниковъ, времени ихъ происхожденія и принадлежности данному народу.

прочимъ говорится: „За селомъ Бѣльскъ, по дорогѣ въ село Саранчево расположено на общественной землѣ громадное городище, которое по своимъ грандіознымъ размерамъ напоминаетъ извѣстныя укрѣпленія у Матронинскаго монастыря и г. Грубска въ Кіевской губ. и у села Немирова въ Подольской губерніи.“

Городищами или городками называются площади земли разной величины и формы, обведенныя искусственными валами и рвами¹⁾.

Историческое значеніе городищъ опредѣляется слѣдующими фактами. По своей конструкціи, слово «городище» соотвѣтствуетъ словамъ «монастырище», «селище» и «дворище», означающимъ оставленные пункты народныхъ поселеній, нежилые, запустѣвшіе, на которыхъ нѣкогда стояли монастырь, село, дворъ; соотвѣтственно тому, городище должно означать мѣсто бывшаго города. И дѣйствительно, въ лѣтописи и древнихъ актахъ слово «городище» означаетъ только мѣсто бывшаго города. Несторъ, въ разсказѣ о походѣ въ Грецію Кія говоритъ: «Приде къ Дунаеву, возлюби мѣсто и сруби *градокъ* малъ, *хотяше състи* съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущіе, еже и донинѣ наричють дунайцы *городище* Кіевецъ»²⁾.

Формы городищъ, ихъ мѣстоположеніе, укрѣпленія, состоящія изъ рововъ и валовъ, народныя преданія о значеніи многихъ сохранившихся городищъ (какъ опустѣвшихъ городовъ), сличеніе мѣстонахожденія многихъ городищъ съ мѣстонахожденіемъ древнихъ городовъ, обозначенныхъ лѣтописями, и вещи, находимыя при раскопкахъ валовъ и площадей городищъ, доказываютъ, что эти памятники представляютъ собою остатки древнихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній³⁾.

Величина площадей русскихъ городищъ, то есть внутреннихъ

¹⁾ Названіе городище и городокъ въ народѣ не различаются; одну и ту же насыпь крестьяне называютъ то городищемъ, то городкомъ.

²⁾ П. С. Л.; I, 4. Въ Книгѣ Большого Чертежа, за перечисленіемъ населенныхъ деревень за Волгою, читаемъ: «А за тѣми деревнями и до Сибирскаго камня *жиля* никакого *нѣтъ*; *есть пустыя городища* чудскія, Манкоръ и иныя» (с. 24). Въ «Собраніи рукописей гр. Толстого» № 65 озаглавленъ такъ: «Описаніе о начатіи города Чернаго Яра и о сгорѣніи перваго *города*, *которое мѣсто нынѣ называется городищемъ*». Въ отвѣтѣ Менгли—Гирея Ивану Васильевичу III 1492 года говорится: «Я съ братомъ моимъ великимъ княземъ всегда одинъ человекъ и строю теперь при устьѣ Днѣпра *на старомъ городищѣ новую крѣпость*, чтобы оттуда вредить Польшѣ». Ист. Госуд. Рос. Карамзина; т. VI, с. 146.

³⁾ Археологъ Кеппентъ, осмотрѣвшій нѣсколько городищъ въ земляхъ западныхъ Славянъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Городищъ, каковыя находятъ г. Ходаковскій, я не встрѣчалъ ни въ Славоніи, ни въ Сирміи; здѣсь градищами называютъ развалины древнихъ замковъ». Съвер. Архивъ, 1823 г. № 1, с. 25. По изслѣдованіямъ гр. Уварова: «Городища служили укрѣпленными мѣстами для самихъ жилищъ обитателей». Меряне и ихъ бытъ; с. 94. Съ 1871 г.

частей ихъ, безъ рововъ и валовъ, соответствуетъ величинѣ древнихъ русскихъ городовъ. Городища, въ большинствѣ случаевъ, заключаютъ въ себѣ отъ 300 до 500 аршинъ въ окружности; но встрѣчаются меньшія до 200 и большія 1000 аршинъ въ окружности. Эту же величину имѣли города древней Руси. По описанію историка Костомарова, величина городищъ важнѣйшихъ изъ бывшихъ пригородовъ Псковской земли заключаетъ въ себѣ отъ 500 до 800 шаговъ въ окружности по вѣнцу насыпнаго вала¹⁾). Площадь крѣпости, заложенной въ Ладогѣ посадникомъ Павломъ въ 1116 году и сохранившейся до настоящаго времени, заключаетъ въ себѣ около 400 аршинъ въ окружности; площадь городища древняго Путивля около 500 аршинъ въ окружности; ту же величину имѣютъ сохранившіяся городища древнихъ городовъ Чернигова (нынѣ «валъ»), Новгородсѣверска (нынѣ «замокъ»), Воргола, Сновска, Вышгорода и мн. др.

Большое количество сохранившихся городищъ соответствуетъ большому количеству городовъ древней Руси. Лѣтопись говоритъ о 80 городахъ на Дунаѣ, взятыхъ въ одинъ походъ Святославомъ Игоревичемъ въ 967 году; о 8 городахъ, лежавшихъ по Волгѣ между Кснятинымъ и Угличемъ, на пространствѣ около 60 верствъ, разрушенныхъ Ростиславомъ и Изяславомъ Мстиславичами въ 1148 году; о многихъ городахъ, лежавшихъ по Деснѣ между Сосницею и Черниговомъ, и по Днѣпру между Вышгородомъ и Рѣчицею; и т. д. (См. Др. Гор. Рос., с. 80 и слѣд.).

По изложеннымъ фактахъ городища представляютъ собою пункты, на которыхъ въ древности стояли города въ смыслѣ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній. На очереди сталъ вопросъ о возможности опредѣленія времени происхожденія и народности городищъ.

Во многихъ случаяхъ, при посредствѣ вѣрнаго признака, возможно отличить городища, сооруженныя въ языческую эпоху; этотъ признакъ,—присутствіе языческаго кладбища вблизи городища. Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ погребальнаго обряда обитателей Руси языческой эпохи было сооруженіе холма-кургана надъ могилою покойника,—обычай, исчезающій со времени введенія христиан-

¹⁾ «Пространство Изборскаго городища менѣе иного помѣщичьяго двора; площадь Вревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину; площадь Котельничьяго городища до 600 шаговъ въ окружности; окружность Краснаго городища 515 шаговъ; Опочское городище имѣетъ въ окружности 750 шаговъ.» «Сѣверно-рус. Народноправства»; т. II, с. 78—81.

ства въ Россіи¹⁾. Отсюда мы имѣемъ право предположить, что городища, сопровождаемыя языческими кладбищами, по времени происхожденія, относятся къ языческой эпохѣ. Это предположеніе вполне оправдывается результатами раскопокъ, произведенныхъ графомъ Уваровымъ во Владимірской и Ярославской губерніяхъ, а мною въ предѣлахъ земель древнихъ Сѣверянъ и Полянъ. По результатамъ раскопокъ графа Уварова: «Городища были населены...; вѣрнѣйшимъ признакомъ древнихъ поселеній были группы кургановъ...; древнія городища почти всегда находятся вблизи кургановъ». (Меряне и ихъ бытъ, с. 22, 47, 94). Къ тому же заключенію привели и мои изслѣдованія въ губерніяхъ Черниговской, Курской, Полтавской и Кіевской, въ которыхъ сохранилось болѣе 600 городищъ, сопровождаемыхъ языческими кладбищами. Но должно замѣтить, что далеко не всѣ городища, несопровождаемыя въ настоящее время языческими могилами, по времени ихъ происхожденія относятся къ христіанской эпохѣ. Курганы исчезаютъ во множествѣ отъ различныхъ причинъ, а особенно отъ распахки; мѣстность, прежде изобиловавшая курганами, въ настоящее время можетъ не имѣть ихъ вовсе, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстное городище лишается этого признака опредѣленія его древности.

Еще болѣе общимъ и точнымъ, а при отсутствіи языческихъ могилъ въ окрестностяхъ и единственнымъ средствомъ опредѣленія древности городищъ, служить изученіе ихъ содержанія. Площадь древнихъ городищъ обыкновенно покрыта болѣе или менѣе толстымъ слоемъ перегной растительныхъ веществъ, мусора и щебня, подобнымъ мусорному слою, покрывающему древнія селища и дворища. Въ этомъ слое встрѣчаются уголь, зола, кости животныхъ, битый камень, кирпичъ, черепки глиняной посуды и разные предметы домашней обстановки: ножи, топоры, наконечники стрѣлъ, кинжалы, украшенія костюма и сбруи, монеты и пр. Иногда эти находки такъ характерны, что непосредственно, сами по себѣ, рѣшаютъ вопросъ о древности даннаго городища. Такъ напримѣръ, въ окопѣ городища

¹⁾ Княгиня Ольга сыну своему Святославу—,заповѣда съ землею равно погребись, а могилы не сути“. Когда Константинъ Муромскій похоронилъ сына своего по христіанскому обычаю, то „невѣрніи людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребяему сыну самодержцеву, а могилы вверхъ холмомъ не сыпаху, но ровню съ землею“. См. А. Котляревскаго: О погреб. обыч.; с. 118, 126.

близь Новгорода-Волынскаго былъ найденъ кладъ римскихъ монеть II-го вѣка, ясно указавшій, что валъ этого городища уже существовалъ во II-мъ вѣкѣ (Фундуклей, — «Обозрѣніе», с. 7). При раскопкѣ городища на р. Саръ, у с. Діаболь, былъ найденъ кладъ восточныхъ монеть VIII и первой половины IX столѣтій. Въ томъ же городищѣ было найдено много предметовъ, представлявшихъ собою дублеты предметовъ, найденныхъ въ мѣстныхъ курганахъ, эпоха происхожденія которыхъ опредѣляется открытыми въ нихъ монетами VIII—XI столѣтій (гр. Уваровъ, — «Меряне», с. 33, 34). Въ моей коллекціи древностей имѣются монеты, браслеты, серьги, кольца, бусы, привѣски, пряжки, бляхи, ножи, ключи, наконечники стрѣлъ и проч., найденные при раскопкѣ городищъ и совершенно сходные съ такими же предметами, найденными въ сопровождавшихъ городища курганахъ, время которыхъ опредѣляется открытыми въ нихъ монетами.

2. Сѣверянскія могилы.

Русскіе могильники языческой эпохи представляютъ собою курганныя кладбища, помѣщающіяся обыкновенно вблизи городищъ и заключающія десятки, сотни, а иногда и тысячи донныхъ сохранившихся кургановъ, то есть отдѣльныхъ могилъ, представляющихъ собою холмообразныя земляныя насыпи формы, измѣняющейся отъ полушара до правильного остраго или усѣченного конуса, разныхъ размѣровъ.

Сѣверянскія языческія могилы представляютъ три типа: курганы съ кострищами, курганы съ погребальными сосудами и курганы съ костяками, остатками погребенныхъ, несожженныхъ покойниковъ.

1. По обряду погребенія, возстановленному раскопками кургановъ съ кострищами, на избранномъ мѣстѣ устраивали костеръ, а на кострѣ помѣщали тѣло покойника и предметы, долженствовавшіе служить ему въ загробной жизни. Послѣ сожженія, надъ кострищемъ (остатками костра) возводили конусообразную земляную насыпь, въ центрѣ которой часто помѣщали сосудъ съ обугленными костями жертвеннаго животнаго, а возлѣ этого сосуда иногда клали вооруженіе, оружіе и другіе предметы, принадлежавшіе покойнику. Обрядъ похоронъ въ курганахъ съ кострищами соотвѣтствуетъ обряду сожженія знатнаго Русса, описанному арабскимъ писателемъ первой

половины X вѣка Ибнъ-Фадланомъ (см. Гаркави: Сказ. Мус. пис., 96—101. Изд. 1870 г.). Въ жертвенной части кургановъ Черной Могилы и Гульбища, раскопанныхъ въ Черниговѣ, открыты сосуды со жжеными костями барановъ и слѣдующіе предметы: бронзовое изображеніе чловѣка (божка?), сидящаго на корточкахъ, со сложенными на груди руками, два турьихъ рога (кубки), обтянутые серебряными бляхами, съ различными на нихъ изображеніями, 3 желѣзныхъ шлема съ остроконечными шишаками, 3 желѣзныхъ кольчуги, желѣзный мечъ, съ серебряною рукояткою, украшенной рѣзбою и камнями, желѣзные копыя и наконечники стрѣлъ, бронзовые щиты, желѣзныя удила и стремена, 2 золотыя византійскія монеты конца IX вѣка; ниже, въ кострищахъ тѣхъ же кургановъ, открыты: въ одномъ—саманидскій диргемъ, въ другомъ—половина золотой византійской монеты X вѣка, дѣйствиємъ огня и времени слитые въ общую массу 2 желѣзныхъ меча, 2 копыя, шашка или сабля, 3 ножа, пара стремень и дротикъ, фрагменты двухъ бронзовыхъ щитовъ, желѣзные наконечники копій и стрѣлъ, бронзовый наконечникъ ноженъ кияжала, бронзовый набалдашникъ, остатки золотого шитья и холстяныхъ тканей, золотыя, серебряныя, бронзовыя и костяныя пуговицы, серебряныя сережки съ привѣсками, ожерелья изъ стекляныхъ, каменныхъ и глиняныхъ бусъ, множество серебряныхъ бляхъ различной формы и величины, украшенныхъ позолотой и рѣзбой различныхъ рисунковъ, бронзовыя бляхи различныхъ рисунковъ, бронзовые бубенчики, бронзовыя и желѣзныя пряжки и кольца, костяныя гребенки, украшенныя рѣзбой, игральныя кости, рѣзныя костяныя украшенія, желѣзныя удила и стремена, бронзовые, желѣзные и глиняные сосуды, остатки деревянныхъ ведеръ, окованныхъ желѣзными обручами, желѣзные замки, ключи и ножи съ костяными ручками, каменные оселки, огнива съ кремнями къ нимъ, топоры и долота, гвозди, множество мелкихъ золотыхъ, а также мелкихъ и крупныхъ серебряныхъ, бронзовыхъ и стекляныхъ слитковъ, обугленные зерна ржи, ячменя и пшеницы, желѣзные серпы, обугленные кости чловѣка и разныхъ животныхъ (Труды III-го арх. съѣзда, с. 189—194, 209 и слѣд.).

2. Обрядъ похоронъ, раскрытый раскопками въ курганахъ, со-державшихъ сосуды со жжеными чловѣческими костями,—урны (пепельницы или праховницы), отличается отъ обряда похоронъ кургановъ

съ кострищами тѣмъ, что покойниковъ сожигали гдѣ то внѣ кургановъ, хранящихъ ихъ остатки, а послѣ сожженія, перегорѣвшія кости собирали въ глиняный сосудъ и ставили его въ приготовленный курганъ. Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ это видно по находимымъ въ праховницахъ остаткамъ украшеній, состоявшихъ изъ бусъ, сережекъ, колець, пряжекъ и пр. вмѣстѣ съ трупомъ чело-вѣка сожигали домашнихъ животныхъ, а потому почти въ каждомъ погребальномъ сосудѣ различаются жженныя кости чело-вѣческія и различныхъ домашнихъ животныхъ, преимущественно птицъ. Иногда въ одномъ курганѣ встрѣчаются два, даже три сосуда со жженными чело-вѣческими костями. Часто, рядомъ съ сосудами, содержащими жженныя кости, встрѣчаются сосуды пустые, заключающіе въ себѣ только землю, а иногда землю и кости несожженныхъ животныхъ; эти сосуды (страницы) содержали въ себѣ пищу и питье, поставленныя въ могилу. Обрядъ погребенія въ курганахъ съ урнами соотвѣтствуетъ слѣдующимъ свидѣтельствамъ Нестора и арабскаго писателя первой половины X вѣка Ибнъ-Даста: «Радимичи, Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху.... Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложашуть на кладу мертвеца, и сожжаху; а посемъ, собравши кости, вложашу въ судину малу, и поставяху на столпѣ на путѣхъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычай Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божія, но творяще сами собѣ законъ»; «когда умираетъ кто либо у Славянъ, они сожигаютъ трупъ его... на слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмѣ» (П. С. Л.; I, 6. Гаркави: Сл. Мус. Ис., с. 264, 265). Курганные могильники съ погребальными урнами открыты въ м. Сѣднєвъ, подъ Стародубомъ, у с. Волокитина, вблизи Рыльска, Конотона и др. мѣстностяхъ Сѣверянской земли.

3. Курганы съ остатками трупосожженія были могилами лицъ богатыхъ и болѣе знатныхъ, а курганы съ несожженными остовами прикрываютъ собою могилы черни, бѣдняковъ, почему, сравнительно съ курганами трупосожженія, курганы съ костями сохранились въ большемъ количествѣ, составляя кладбища, заключающія въ себѣ нерѣдко сотни, а иногда и тысячи могилъ. Представляя собою земляныя насыпи, рѣдко болѣе трехъ аршинъ отвѣсной высоты и сорока

аршинъ въ окружности основанія, курганы съ костяками прикрываютъ могильныя ямы, подобныя могиламъ нашего времени; вырытыя въ материкъ на глубину отъ одного до трехъ аршинъ, съ костяками безъ украшеній и бѣдно украшенными, въ положеніи головою на западъ, на спинахъ, руки сложены на груди или на животѣ, съ признаками истлѣвшихъ гробовъ изъ досокъ, иногда связанныхъ желѣзными гвоздями.

Форма, величина, внутреннее устройство и содержаніе курганныхъ кладбищъ съ костяками одинаковы въ уѣздахъ Черниговскомъ, Новгородсѣверскомъ, Стародубскомъ, Переяславльскомъ, Глуховскомъ и Курскомъ, принадлежавшихъ сѣверянскому племени въ IX и X столѣтіяхъ. При костякахъ встрѣчаются слѣдующіе бытовые предметы: у головы,—золотыя, серебряныя и бронзовыя сережки, серебряныя и бронзовыя привѣски формы полумѣсяца, бусы различнаго состава, мелкія бронзовыя пуговицы; у рукъ,—серебряныя и бронзовыя кольца; у пояса,—бронзовыя и желѣзныя пряжки и желѣзные ножки; встрѣчаются остатки кожаной обуви, глиняные сосуды, желѣзныя кирки. Курганъ съ костякомъ, разрытый подъ Черниговомъ, при впаденіи рѣки Бѣлоуса въ Десну, заключалъ въ себѣ болѣе богатое содержаніе. Курганъ этотъ былъ господствующимъ въ группѣ могилъ, состоявшей изъ 62 насыпей; имѣлъ 60 аршинъ въ окружности основанія и 4 аршина отвѣсной высоты; прикрывалъ срубную деревянную гробницу въ размѣрѣ 4 аршинъ длины и ширины и 4 аршинъ глубины; на днѣ могилы обнаружены человѣческой и лошадиный остовы, погребенные рядомъ и обращенные головами на западъ; при остовахъ найдены: глиняный сосудъ, желѣзный серпъ, шесть бронзовыхъ пуговокъ, четыре бронзовыя рѣзныя бляхи, желѣзное огниво и два кремня къ нему; каменный оселокъ и желѣзный ножикъ; желѣзные топоръ, наконечникъ копья, удила, стремяна и пряжки; остатки двухъ ведеръ съ желѣзными обручами. Перечисленные предметы изъ кургановъ съ костяками совершенно сходны съ такими же предметами, найденными въ описанныхъ курганахъ съ кострищами. Два кургана съ костяками подъ Съдневымъ и два Стародубомъ, у с. Левинки, также прикрывали собою срубныя гробницы сравнительно богатаго содержанія.

Курганы съ костяками, иногда совмѣстно съ курганами, покрывающими погребальныя урны, во многихъ мѣстностяхъ Сѣверянской

земли составляют многомогильныя кладбища, обыкновенно сопровождающія городища, служившія древнѣйшими поселеніями Сѣверянъ,—городища Чернигова, Сѣднева, Рогощи, Шестовицы, Любеча, Стародуба и др.

Русская, именно сѣверянская народность описанныхъ трехъ видовъ кургановъ доказывается совокупностью слѣдующихъ данныхъ: извѣстіями русскихъ лѣтописей о Черниговѣ и Переяславлѣ, какъ политическихъ центрахъ русскаго племени Сѣверянъ, обитавшихъ въ сказанныхъ городахъ въ X вѣкѣ, къ которому относятся монеты, найденныя въ черниговскихъ курганахъ; языческимъ способомъ погребенія, раскрытымъ въ курганахъ, содержавшихъ сказанныя монеты, и соотвѣтствующимъ обрядамъ погребенія русскихъ племенъ X вѣка, описаннымъ Несторомъ и арабскими писателями; полнымъ сходствомъ, по формамъ и составу предметовъ быта, найденныхъ въ курганахъ съ кострищами, съ погребальными сосудами и костяками, раскопанныхъ подъ Чернигомомъ, Сѣднемомъ, Переяславлемъ, Стародубомъ и въ другихъ мѣстностяхъ, бывшихъ общественными селитьбами и могильниками Сѣверянъ IX и X столѣтій.

3. Значеніе языческихъ городищъ и могилъ для историка и юриста-историка.

Свой рефератъ о курганахъ Сѣверянской земли, сообщенный на III-емъ археологическомъ сѣздѣ, я заключилъ слѣдующимъ выводомъ о значеніи археологическихъ матеріаловъ для русской исторіи и исторіи русскаго права, открытыхъ въ Черниговскихъ языческихъ могилахъ.

Въ ряду средствъ познанія условій быта нашихъ предковъ языческой эпохи вещественные памятники занимаютъ важное мѣсто. Археологія даетъ возможность познать и опредѣлить формы, составъ и способы изготовленія многихъ предметовъ древняго домашняго и общественнаго быта, неизвѣстныхъ письменнымъ памятникамъ, или извѣстныхъ имъ только въ названіи; поясняетъ темныя и дополняетъ неполныя извѣстія письменныхъ памятниковъ, давая многимъ изъ нихъ значеніе положительныхъ историческихъ фактовъ; даетъ много новыхъ фактовъ, характеризующихъ условія религіознаго, государственнаго, гражданскаго и домашняго быта нашихъ предковъ со

времени Геродота до времени рецепции христианства русскими Славянами.

Основываясь на Нестеровомъ сопоставленіи языческихъ обычаевъ съ христіанскими, по которому «Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвicia; и Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечисто» (П. С. Р. Л.; I, 6), Шлецеръ, Карамзинъ, Эверсъ, Каченовскій, Погодинъ, Сергѣевичъ и многіе другіе историки и юристы-историки признавали славянорусскія племена языческой эпохи народами дикими, неимѣвшими никакихъ сношеній съ иноземными народами, незнавшими учреждений и предметовъ, свойственныхъ культурнымъ народамъ своего времени. Свидѣтельства же иноземныхъ писателей и Несторова лѣтописнаго свода о сношеніяхъ Руссовъ съ иноземными народами, о русскихъ княженіяхъ, князьяхъ, городахъ и т. д., признавались или неотносящимися къ исторіи нашихъ предковъ или позднѣйшими вставками въ Несторовъ сводъ.

Открытія въ наше время подземныя хранилища древностей реставрируютъ намъ условія быта русскихъ Славянъ языческой эпохи въ новомъ свѣтѣ. Фактъ существованія въ русской землѣ множества городищъ, остатковъ укрѣпленій общественныхъ поселеній, а при нихъ общественныхъ кладбищъ языческаго содержанія, состоящихъ изъ сотенъ и тысячъ могилъ, донинѣ сохранившихся, между которыми встрѣчаются громадныя могильныя сооруженія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ, доказываетъ существованіе у Руссовъ языческой эпохи общественныхъ союзовъ, общественныхъ главъ и множества городовъ, въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній. Сходные обряды погребенія, открываемые въ могильникахъ Руссовъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни и тысячи верстъ, доказываютъ существованіе одинаковыхъ обычаевъ у политически разрозненныхъ славянскихъ племенъ языческой эпохи, наследованныхъ ими отъ Праславянъ, принесенныхъ въ новую родину изъ общей славянской прародины. Различная величина могильныхъ насыпей въ общественныхъ кладбищахъ и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ той или

другой могилѣ, доказываютъ неравенство общественнаго положенія и имущественнаго состоянія отдѣльныхъ лицъ въ древнерусскихъ обществахъ. Находимыя въ кладахъ и могилахъ монеты указываютъ на отдаленныя сношенія нашихъ предковъ съ другими народами, опредѣляютъ направленія такихъ сношеній и культурныя влiянія на бытъ нашихъ предковъ ихъ сосѣдей въ разныя историческія эпохи. Содержаніе славянорусскихъ городищъ, могильниковъ и кладовъ реставрируетъ передъ нами домашнюю жизнь Русса-язычника: пайдены въ русскихъ языческихъ могилахъ остатки холстяныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ и парчевыхъ тканей; разныя формы и различнаго состава серьги, ожерелья, привѣски, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, фибулы, булавки; шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья, дротики, кинжалы, стрѣлы; глиняные, желѣзные и бронзовые сосуды, роговые кубки, украшенные серебряными узорчатыми бляхами; замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, игральныя кости (шашки, зернь и бабки); удила, стремена и стременныя пряжки; серпы и хлѣбныя зерна (рожь, овесъ, ячмень и пшеница), найденные въ языческихъ могилахъ, доказываютъ земледѣльческій бытъ язычника Славянорусса; стравницы, остатки погребальныхъ тризнь, остатки жертвоприношеній, изображенія божковъ и другіе предметы языческихъ кургановъ поясняютъ вѣрованія нашихъ предковъ.

Слѣдовательно, по результатамъ археологическихъ раскопокъ, Руссы не «живяху въ лѣсѣ якоже всякій звѣрь», не были дикими звѣрьодами, не жили только «въ обособленныхъ другъ отъ друга охотничьихъ хижинахъ и пастушескихъ шалашахъ, отдѣльными семействами и родами». По свидѣтельствамъ вещественныхъ памятниковъ, русскіе Славяне эпохи язычества были народы земледѣльческіе, сплоченные въ общественные союзы, имѣли сношенія съ цивилизованными народами и владѣли предметами искусства и учрежденіями, свойственными культурнымъ народамъ того времени.

Сообщая на III-мъ археологическомъ съѣздѣ, состоявшемъ изъ многихъ русскихъ и иностранныхъ историковъ и археологовъ, результаты первыхъ трехъ лѣтъ моихъ археологическихъ раскопокъ и находокъ, я имѣлъ въ виду слѣдующія цѣли:

1. Ознакомить членовъ съѣзда съ вѣншими формами Сѣверянскихъ городищъ и могилъ, моимъ планомъ ихъ изслѣдованія, количествомъ и мѣстностями уже раскопанныхъ насыпей, моимъ спо-

собомъ раскопки кургановъ и описанія ихъ внутренняго устройства и содержанія.

2. Ознакомить членовъ съѣзда съ устройствомъ и содержаніемъ городищъ и могилъ кургановъ всѣхъ мѣстностей, изслѣдованныхъ въ областяхъ бассейновъ Десны и Сейма, бывшихъ во владѣніи Сѣверянъ по свидѣтельству лѣтописи.

3. Доказать лѣтописными свидѣтельствами, монетными находками въ могилахъ и языческимъ способомъ погребенія, что курганы Черниговской и Курской губерній, покрывающіе кострища, погребальныя урны и ямы съ костяками, представляютъ собою могилы Сѣверянъ послѣднихъ столѣтій русскаго язычества, а городища, лежащія вблизи такихъ могилъ, были общественными поселеніями той-же эпохи.

4. Доказать, что систематическія археологическія раскопки въ предѣлахъ Сѣверянской земли уже предоставили въ распоряженіе русской археологіи и исторіи новый и богатый фактическій матеріалъ для научнаго познанія условій домашняго и общественнаго быта русскихъ Славянъ языческой эпохи.

5. Выслушать возраженія членовъ съѣзда для разъясненія и дополненія неясно и неполно выраженнаго въ моихъ рефератахъ.

Тезисы моихъ рефератовъ возраженій на Съѣздѣ не встрѣтили; наоборотъ, въ протоколѣ засѣданія Съѣзда 16-го августа, въ которомъ былъ сообщенъ рефератъ о Сѣверянскихъ курганахъ, между прочимъ говорится, что историкъ «Д. И. Иловайскій заявилъ полное согласіе съ выводами Д. Я. Самоквасова, и указалъ на то обстоятельство, что произведенныя имъ раскопки и добытыя находки ясно доказываютъ, что Сѣверяне въ IX и X вѣкѣ стояли на гораздо болѣе высокой степени культуры, чѣмъ предпологали обыкновенно историки, руководясь исключительно текстомъ лѣтописи, недостаточно провѣреннымъ критикою»¹⁾...

По реферату «Историческое значеніе городищъ» сообщенному въ засѣданіи съѣзда 15-го августа, графъ А. С. Уваровъ, соглашаясь съ моими выводами о значеніи сѣверянскихъ городищъ, высказалъ: «При опредѣленіи значенія городищъ необходимо отличать древнія, представляющія слѣды бывшихъ поселеній, отъ позднѣйшихъ временныхъ укрѣпленій, а признакомъ для отличія должно принять существо-

¹⁾ Труды III арх. съѣзда; т. I, с. XXVIII.

ваніе или отсутствіе кургановъ вблизи городищъ». В. Б. Антоновичъ, «согласно съ заключеніемъ моего реферата, указаль на возможность распределить до извѣстной степени городища, въ хронологическомъ порядкѣ даже по внѣшнимъ ихъ очертаніямъ»¹⁾...

Въ виду особой важности для русской исторіи археологическихъ открытій въ Черниговскихъ курганахъ, я предложилъ на Съѣздѣ назначить спеціальную комиссію для дослѣдованія сѣверянскихъ кургановъ и провѣрки раскопками моихъ выводовъ, сообщенныхъ Съѣзду, дѣлающихъ радикальный переворотъ въ понятіяхъ о культурѣ русскихъ Славянъ языческой эпохи. Но назначеніе такой комиссіи не состоялось; а взамѣнъ того, по закрытіи Съѣзда, Имп. Моск. Арх. Общество поручило проф. В. Б. Антоновичу провѣрить раскопками сказанные мои выводы и сообщить свое заключеніе на одномъ изъ ближайшихъ археологическихъ съѣздовъ. В. Б. Антоновичъ осмотрѣлъ мои раскопки въ Черниговѣ и Сѣдневѣ, произвелъ провѣрочныя раскопки въ области р. Бѣлоуса, въ окрестностяхъ Любеча и другихъ мѣстностяхъ, чѣмъ дополнилъ мое поуѣздное изслѣдованіе языческихъ могильниковъ Сѣверянской земли; а затѣмъ, на V-мъ Тифлисскомъ арх. съѣздѣ заявилъ, что моя схема сѣверянскихъ городищъ и кургановъ, выраженная въ рефератахъ, напечатанныхъ въ Трудахъ III-го Кіевскаго арх. съѣзда, «абсолютно вѣрна».

Такой приговоръ общепризнаннаго знатока могильныхъ южно-русскихъ древностей былъ равенъ признанію со стороны спеціалиста, историка и археолога, правильности моего метода изысканія и изученія подземныхъ источниковъ научнаго знанія начальныхъ періодовъ русской исторіи и исторіи русскаго права, и я слѣдовалъ тому же методу въ моихъ послѣдующихъ археологическихъ работахъ, направленныхъ къ изысканію предковъ Сѣверянъ и другихъ русскихъ племенъ въ могилахъ и жилищахъ древнихъ Сарматовъ, Скитовъ и Киммеріанъ.

По изданіи «Трудовъ» III-го археологическаго съѣзда не только В. Б. Антоновичъ, но и многія другія лица производили археологическія раскопки въ теченіе тридцатилѣтія въ предѣлахъ земли Сѣверянъ и сосѣднихъ ей земель русскихъ Славянъ языческой эпохи, въ земляхъ Полянъ, Древянъ, Радимичей, Дреговичей, Кривичей

¹⁾ Тамъ же, стр. XXXIII—XXXV.

и Вятичей. Результаты раскопокъ были сообщаемы на археологическихъ сѣздахъ и печатаемы въ «Трудахъ» сѣздовъ и въ изданіяхъ ученыхъ учреждений и обществъ преимущественно въ «Отчетахъ» и «Извѣстіяхъ» Имп. Арх. Коммисіи, въ «Древностяхъ» и «Извѣстіяхъ» Имп. Моск. Арх. Общества, въ «Запискахъ» Петер. Рус. Арх. и Рус. Геогр. Обществъ, въ изданіи Общ. Люб. Ест. Ант. и Этн. при Моск. Университетѣ, подъ заглавіемъ «Антропологическая выставка 1879 года» и др. Появились и богатѣйшія частныя изданія, специально посвященныя публикаціи и изученію археологическихъ матеріаловъ, добытыхъ раскопками въ области средняго теченія Днѣпра, въ предѣлахъ русской прародины: изданіе графа А. А. Бобринскаго, подъ заглавіемъ «Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы». (1887, 1894 и 1901 гг.); и изданіе Б. И. Ханенко, подъ заглавіемъ «Древности Приднѣпровья» (пять выпусковъ, 1899—1902 гг.). Въ старыхъ музеяхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, подобныхъ Имп. Эрмитажу и Музею Общества Исторіи и древностей при Одесскомъ университетѣ, образовались новые громадныя отдѣлы древностей, извлеченныхъ изъ могилъ области Приднѣпровья и сосѣднихъ областей; возникли новые музеи, подобные Моск. Имп. Рос. Ист. Музею и Кіев. Городскому Музею, уже переполненные могильными древностями до того, что въ нихъ трудно размѣщать вновь поступающія коллекціи. Богатыя собранія могильныхъ древностей имѣются и у многихъ частныхъ лицъ. Сказанныя изданія и правительственныя, общественныя и частныя собранія древностей предоставляютъ въ распоряженіе историка богатѣйшій матеріалъ для фактическаго рѣшенія такихъ вопросовъ, какихъ не могла даже поставить историческая наука половины XIX столѣтія.

II. Границы, волости и старѣйшіе города Сѣверянской земли.

1. Границы Сѣверянской земли.

Территорія Сѣверянскаго племеннаго княженія опредѣляется въ лѣтописи только слѣдующими словами: «А друзии сѣдоша на Дѣсиѣ и по Семи и по Сулѣ, и наркошася Сѣвера» (Лѣт. по Плат. сп., с. 4).

Исслѣдованіе городищъ и курганныхъ могильниковъ, сохра-

нившихся въ областяхъ бассейновъ Десны, Сейма и Сулы, дало возможность точно опредѣлить Сѣверянскую землю языческой эпохи.

Отмѣтка на географической картѣ Черниговской, Курской и Полтавской губерній поселеній, у которыхъ сохранились древнія городища, и въ частности городища, сопровождаемыя языческими курганными кладбищами сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ, показала города Черниговской земли до татарскаго времени, и въ частности города Сѣверянскаго племеннаго княженія языческой эпохи; а соединеніе на картѣ общою чертою пограничныхъ городищъ дало очерченіе границъ территоріи Сѣверянскаго племеннаго княженія. Нижеслѣдующее описаніе границъ Сѣверянской земли слѣдуетъ за порядкомъ, въ какомъ были ведены изысканія городищъ и раскопки кургановъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ уѣздовъ, лежащихъ въ областяхъ бассейновъ Днѣпра, Десны, Сейма, Сулы и Псла.

На западѣ Сѣверянской земли, въ предѣлахъ Остерскаго уѣзда, не было сѣверянскихъ поселеній въ языческую эпоху; здѣсь не имѣется городищъ, сопровождаемыхъ языческими курганными кладбищами; а имѣющіяся городища въ Остерскомъ уѣздѣ представляютъ собою памятники великокняжескихъ городовъ христіанскаго времени, начало которымъ положило распоряженіе князя Владиміра Святославича 988 года: «Рече Володимерь: се не добро, еже малъ городъ около Кіева, и нача ставити города *по Деснь и по Востри* и по Трубежеви и по Сулѣ и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшіи отъ Словенъ и отъ Кривичъ и отъ Чуди и отъ Вятичъ, и отъ сихъ надели грады» (И. С. Р. Л., 1, 52).

По теченію Днѣпра, на Сѣверянской сторонѣ сохранилось десять городищъ, у поселеній: Любеча, Мысы, Редьковки, Губичей, Неданчичей, Навоза и Стараго Глыбова, ниже устья р. Припяти. Курганные могильники сѣверянскаго погребальнаго обряда имѣются только въ окрестностяхъ Любечскаго и Редьковскаго городищъ, а остальная частію киммерійской эпохи, подобныя Юхновскому въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, частію остатки городовъ, возникшихъ въ христіанское время, когда владѣнія Черниговской земли были подвинуты вверхъ по Днѣпру до города Рѣчицы. На пути изъ Новгорода въ Кіевъ князь Олегъ встрѣтилъ въ 882 году только одинъ сѣверянскій городъ Любечъ; а въ 1214 году, на пути изъ Смоленска въ Кіевъ, Новгородцы «начаша воевати по *Днѣпру* городъ *Черниговскъ*, и

взяша Рѣциць на щитъ и иные городъ мнозъ Черниовскыя, и придоша подъ Вышегородъ» (тамъ же; т. III, с. 32).

На сѣверо-западѣ землю Сѣверянъ отъ земли Радимичей отдѣляли непроходимыя и пустынные области болотъ Перистаго и Замглая и лѣсныя области средняго теченія Снова и Ваги, въ которыхъ не имѣется городищъ и курганныхъ кладбищъ. Пограничныя городища Сѣверянской земли со стороны земли Радимичей сохранились у поселеній Любеча, Старога Листвена, Буховца, между Раищемъ и Звѣничовымъ, у Великаго Листвена, между Большимъ Щимелемъ и Шишкою, у старога Робска, Сытой Буды и Мизиричь. Въ области бассейна Сожи, по лѣвымъ ея притокамъ Ипути и Бесѣдъ, поселенія Радимичей выдвигались въ предѣлы Новозыбковского и Суражскаго уѣздовъ до городищъ у Старыхъ Бобовичъ, между Покопомъ и Ирванцемъ, и у Поповой Горы, между которыми и ближайшими поселеніями Сѣверянъ Стародубскаго уѣзда лежала лѣсная и болотистая незаселенная полоса земли, не имѣющая городищъ и кургановъ.

На сѣверѣ болотистая и лѣсная область истоковъ Унечи, Ельни и Дубны отдѣляла поселенія Сѣверянъ отъ южныхъ поселеній земли Вятичей, о которыхъ въ лѣтописи подъ 1147 годомъ говорится: «*Выбѣгоша посадници Володимери и Изяслави изъ Вятичь, изъ Брянска и изъ Мьченьска и изъ Блове; и оттуда иде (Святославъ Ольговичъ) Девягорску, заемя вси Вятичи и до Брянскъ и до Воробинь...* Того-же лѣта посла Володимиръ и Изяславъ Давыдовича изъ Чернигова послы къ Изяславу князю Кіевскому, река: брате! се заялъ Ольговичъ Святославъ *волюсть мою Вятичь*» (тамъ же; т. II, с. 30). Сѣверныя пограничныя городища Сѣверянской земли сохранились у поселеній Стародубскаго уѣзда: Пайтоповичей, Гарцева, Щекотова и Рогова, а южныя земли Вятичей у поселеній Мглинскаго уѣзда: Овчинца, Ляlicher, Разрытаго, Старопочепья, Доманичей и Волжина.

На восточной границѣ Сѣверянской земли, съ лѣвой стороны р.р. Судости и Десны, тянулась незаселенная обширная полоса земли до сѣверянскихъ городовъ, лежавшихъ въ предѣлахъ областей бассейновъ р.р. Клевени и Сейма. Пограничными черниговскими поселеніями съ этой стороны были города, памятниками которыхъ служатъ городища, сохранившіяся на р. Судости, у поселеній: Рогова, Юркова, Подсудичей, Погара и Чубарова, и на правомъ берегу р. Десны,

у поселеній: Очкина, Пушкарей, Лѣсконогъ, Лѣнькова, Новгородсѣверска, Команя, Чулатова, Арановичей, на р. Свѣтъ у с. Пустогорода, на р. Клевени у с. Ястребицины, на р. Сеймъ у поселеній: Студенка, Коробина и Городянска на р. Курицъ у с. Путова и на р. Рати у с. Городища.

Съ лѣвой стороны Сейма, въ предѣлахъ Курскаго и Обоянскаго уѣздовъ не имѣется городищъ, сопровождаемыхъ кладбищами сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ; но такія городища и курганные могильники имѣются въ областяхъ бассейновъ Псла и Сулы, ограниченныхъ городищами, сохранившимися у слѣдующихъ поселеній: въ Суджанскомъ уѣздѣ при р.р. Пслѣ и Рябицѣ, у поселеній: Корочекъ, Ломаковки, Бѣлой, Суходола, Куриловки, Николаевской пустыни, Мирополья, Рыбицы, Глиницы и Кричиного; въ Сумскомъ уѣздѣ, при р. Пслѣ, у поселеній: Барановки, Сумъ и Закладной; въ Лебединскомъ уѣздѣ, при р. Пслѣ, у поселеній: Михайловки, Горокъ или Анненберга и Городища; въ Посульскихъ уѣздахъ, у поселеній Липоваго, Медвѣжьяго, Ромна, Сенчи, Снѣтина и Горошина.

Въ указанныхъ предѣлахъ Сѣверянской земли языческой эпохи курганные могильники, сопровождавшіе древнія городища въ уѣздахъ Черниговскомъ, Сосницкомъ, Стародубскомъ, Повгородъ-Сѣверскомъ, Глуховскомъ, Путивльскомъ, Рыльскомъ, Львовскомъ и Курскомъ до впаденія р. Рати въ Сеймъ, вполнѣ однородны по устройству и содержанію съ языческими кладбищами сѣверянскаго погребальнаго обряда окрестностей Чернигова и Сѣднева съ монетами IX и X столѣтій. Сѣверянскіе курганные могильники сказанныхъ уѣздовъ, подобно Черниговскимъ и Сѣдневскимъ, содержали или кострища, или погребальныя урны, или могильныя ямы съ костяками, подобныя сельскимъ могиламъ нашего времени, но покрытыя курганами; тождественны по формамъ и составу и бытовые предметы, найденные въ кострищахъ, урнахъ и при костякахъ Сѣверянскихъ курганныхъ группъ, сопровождающихъ вышеуказанныя городища; слѣдовательно, всѣ изслѣдованные курганные могильники въ предѣлахъ сказанныхъ уѣздовъ принадлежать одному племени и относятся къ послѣднимъ столѣтіямъ русскаго язычества.

Но въ областяхъ верхняго и южиѣ нижняго и средняго теченія Сейма, въ областяхъ Псла и Сулы, рядомъ съ курганными

кладбищами Сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ, часто встрѣчаются курганы разныхъ временъ, не принадлежащіе Сѣверянамъ. Здѣсь встрѣчены одиночные курганы древнѣйшаго періода скитской эпохи, курганы времени существованія Сколотскаго царства, могильники со срубными гробницами и погребальными урнами скито-сарматской эпохи,—громадные курганвые могильники, содержащіе, рядомъ съ варварскими бытовыми предметами, издѣлія классическаго искусства, греческаго и римскаго, и обширные курганные могильники времени существованія Сѣверянскаго племеннаго княженія, но не сѣверянскаго погребенія. За областями сѣвернаго теченія р. Псла и средняго и нижняго теченія р. Сулы сѣверянскихъ могильниковъ языческой эпохи уже не встрѣчается; здѣсь господствуютъ исключительно могильники Сколотовъ и Россовъ,—предковъ Сѣверянъ, подобные Аксютинскимъ и Волховскимъ, со срубными гробницами, и могильники чужеродныхъ Сѣверянамъ народовъ, подобные Бѣлогорскимъ и Глинскимъ, безъ гробовъ и глубокихъ могильныхъ ямъ.

Такимъ образомъ, городища и могилы языческихъ обрядовъ погребенія, оправдавъ лѣтописное свидѣтельство о заселеніи Сѣверянами областей р.р. Десны, Сейма и Сулы, дали мнѣ возможность точно опредѣлить границы Сѣверянской земли въ языческую эпоху, а затѣмъ приступить къ выясненію ея внутренней организаціи въ ту же эпоху.

2. Волости Сѣверянской земли.

Въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку говорится: «Рюрикъ раздая мужемъ своимъ *грады*,—овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро» (П. С. Л.; I, 9); а въ Ипатскомъ спискѣ эти города именуется волостями: «Рюрикъ... раздая мужемъ своимъ *волости*...,—овому Полѣтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро» (Л. по Ип. сп., с. 11). Такой же смыслъ слова городъ и волость имѣютъ въ извѣстномъ лѣтописномъ свидѣтельствѣ о стародавнихъ вѣчахъ русскихъ славянъ: «*Новгородци бо изначала, и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же приороди стануть*» (П. С. Л.; I, 160).

Князья Рюриковичи сажали въ старѣйшихъ городахъ своихъ посадниковъ, и тѣмъ подчиняли своей власти не только эти города,

но и ихъ волости—пригороды. Въ 882 году князь Олегъ «прия городъ Смоленскъ и посади въ немъ мужъ свой; оттуда поиде внизъ, и пришедъ, взя Любечъ и посади мужъ свой» (Л. по Ип. сп., с. 13); въ 1096 году князь Олегъ Святославичъ «перей всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городамъ и дани поча брати» (Н. С. Л., I, 108); въ 1127 году «Ярополчи бяхуть посадники по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскъ» (тамъ же, 130); въ 1148 году князь Глѣбъ Юрьевичъ «взяша градъ Курескъ, и тамо посажаше по всей земли Курской Намѣстники своя» (Н. Л. Шлец. изд.; ч. II, с. 104); въ 1152 году «пришедъ Изяславъ Володимирю, посла посадники своя въ городы... въ Бужескъ, въ Шюмескъ, въ Тихомль, у Выгошевъ, у Гноиницю» (Л. по Ип. сп., с. 313).

Въ X столѣтїи княжескіе посадники назывались князьями: въ 907 году князь Олегъ потребовалъ отъ Грековъ «даяти уклады на Рускіе города,—первое на Кїевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Польтескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая города, *по тѣмъ бо городомъ съдяху князья подѣ Олгомъ суще*» (Н. С. Л.; I, 13); въ 945 году явились къ византїйскимъ царямъ «посланїи *отъ Игоря великаго князя Рускаго и отъ всякаго князья*», и въ томъ-же году послы Древлянъ говорили Кїевской княгинѣ Ольгѣ: «*Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю*» (тамъ же, с. 20, 24).

Слѣдовательно, во второй половинѣ IX и въ X столѣтїяхъ территория русскаго племенного княженїя дѣлилась на волости, состоявшїя изъ старѣйшихъ городовъ и пригородовъ. Въ волостяхъ правили племенные князья, признавшїе надъ собою завоевательную власть князей Рюриковичей,—великихъ князей. Въ племенныхъ княженїяхъ, объединенныхъ завоеванїями первыхъ Рюриковичей въ одну Русскую землю, сохранялось прежнее дѣленїе племенныхъ княженїй на города—волости, и въ нихъ Кїевскїй великїй князь сажалъ своихъ подручныхъ князей,—мужей, бояръ, посадниковъ.

Но о количествѣ волостей, составлявшихъ племенные княженїя языческой эпохи и послѣдующїя удѣльные княжества, а равно о количествѣ городовъ и границахъ поземельныхъ владѣній въ племенныхъ княженїяхъ и удѣльныхъ княжествахъ не имѣется никакихъ свѣдѣній въ лѣтописныхъ источникахъ. Единственнымъ источникомъ

научнаго знанія по вопросамъ этого рода являются изысканіе, раскопка и изученіе русскихъ общественныхъ поселеній до-татарскаго времени, а въ частности городищъ, сопровождаемыхъ курганными общественными кладбищами.

Помѣта на географической картѣ поселеній Черниговской, Курской и Полтавской губерній, у которыхъ сохранились древнія городища, показала мнѣ не только границы Сѣверянскоіи земли, но и ея волости,—группы городищъ, обособленныя другъ отъ друга болѣе или мѣнѣе широкими полосами незаселенной земли, неимѣющей городищъ, сопровождаемыхъ языческими могильниками, а соединеніе на картѣ общими чертами пограничныхъ городовъ каждой группы показало дѣленіе территоріи Сѣверянскаго племеннаго княженія на десять нижеслѣдующихъ волостей.

1. Черниговская волость. Городища бывшихъ городовъ Черниговской волости, въ числѣ 40, помѣщаются на бережьяхъ Днѣпра отъ Любеча до Стараго Глыбова, Десны отъ Моровска до Сосницы, лѣвыхъ притоковъ Днѣпра и правыхъ притоковъ Десны въ сказанныхъ границахъ. На югъ Черниговская волость была изолирована отъ сосѣднихъ волостей обширнымъ непроходимымъ болотомъ Великой вершины, лежащимъ противъ устья Тетерева, праваго притока Днѣпра, и противъ устья Остра, лѣваго притока Десны, и обширною незаселенною полосою земли, составлявшею области нижняго теченія Остра, Смолянки и Загоровки, лѣвыхъ притоковъ Десны. На востокъ отъ волостей Воргольской, Новгородсѣверской и Стародубской Черниговскую волость отдѣляла обширная пустыня областей нижняго теченія Сейма, части средняго теченія Десны, Убеди, Турьей, Слоды, Ревны и средняго теченія Снова. На сѣверъ и на западъ города Черниговской волости отъ городовъ ближайшихъ волостей земель Радимичей, Дреговичей, Древлянъ, и Полянъ отдѣляли пустыни и теченіе Днѣпра, указанныя выше, въ очеркѣ границъ территоріи Сѣверянскаго племеннаго княженія.

2. Стародубская волость. Городища Стародубской волости, въ числѣ 26, помѣщаются на бережьяхъ средняго теченія Судости и ея правыхъ притоковъ и верхняго теченія Снова съ его притоками. Пустынные полосы земли, изолировавшія Стародубскую группу городовъ на западъ, сѣверъ и востокъ отъ городовъ ближайшихъ волостей земель Радимичей и Вятичей, указаны въ опредѣленіи

границь Сѣверянской земли; а на югъ Стародубская волость отдѣлялась отъ Новгородсѣверской незаселенными областями нижняго теченія Судости, части средняго теченія Десны и Ревны, лѣваго притока Снова.

3. Новгородсѣверская волость. Городища бывшей Новгородсѣверской волости, въ числѣ 32, расположены по среднему теченію Десны и правымъ ея притокамъ,—Смячъ, Ромъ, Малатечи и Головесни. Обширныя пустыни, изолировавшія эту волость съ запада, сѣвера и востока, указаны выше, въ очеркахъ границъ Черниговской и Стародубской волостей. На юго-востокъ и югъ Новгородсѣверскую волость отъ волостей Воргольской и Всеволожской изолировали пустынные области бассейновъ Ивотки, Шостки, Эсмани и Рѣти,—лѣвыхъ притоковъ Десны,—и нижняго теченія Сейма. Особенною скученностью отличаются городища Новгородсѣверской волости, лежащія по Деснѣ на протяженіи отъ устья Ивотки до устья Эсмани; но здѣсь, рядомъ съ сѣверянскими городищами, встрѣчаются относящіяся къ эпохѣ каменной культуры, оставшіяся въ сѣверянскую эпоху незаселенными, напримѣръ, два городища въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ въ разстояніи версты отъ д. Юхнова по пути къ Путивльской Горѣ и городище въ томъ-же уѣздѣ въ двухъ верстахъ отъ с. Дегтяревки, съ лѣвой стороны луговой дороги въ с. Горки.

4. Воргольская волость. Городища бывшей Воргольской волости, въ количествѣ 21, помѣщаются на побережьяхъ рѣкъ и озеръ области бассейновъ Сейма и его праваго притока Клевени. Эту волость изолировали отъ Новгородсѣверской волости вышеуказанныя пустыни бассейновъ Ивотки, Шостки, Эсмани и Рѣти; отъ Всеволожской и Посульской волостей,—обширная пустыня, лежавшая съ лѣвой стороны нижняго теченія Сейма, отъ Курской волости,— незаселенная полоса земли, отдѣлявшая восточные города Воргольской группы, городища которыхъ сохранились у поселеній Городища, Коренска, Дроновки и Мартьяновки, отъ западныхъ городовъ Курской волости,—городищъ у поселеній Студенокъ, Малѣвки, Рыльска, Жадина, Ржавца, Юрасова и Комаровки.

5. Волость Посемье. Городища Посемской волости, въ числѣ 26, представляютъ собою памятники изолированной группы сѣверянскихъ городовъ, именуемыхъ въ лѣтописи «Посемьемъ», занимавшихъ область средняго теченія Сейма отъ устья Снагости, лѣваго

притока Сейма, до устья Рати, его праваго притока. Со всѣхъ сторонъ эту сѣверянскую волость, выдвинутую на востокъ до степей кочевниковъ, окружали широкія полосы незаселенной земли, неимѣющей древнихъ городищъ. Пограничными поселеніями Сѣверянской земли на востокъ были два города волости Посемья на р. Рати, между городищами которыхъ, у поселеній Городища, Звегинцевой, Александровки и Клюквы, сохранились группы кургановъ сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ, каковыхъ въ области Сейма восточнѣе р. Рати уже не встрѣчается.

6. Переяславская волость. Городища Переяславской волости, въ числѣ 22, помѣщаются въ области бассейновъ Трубежа и Супоя. Города этой волости были обособлены на западъ отъ городовъ земли Полянъ широкою пустыней, лежавшей между Днѣпромъ и Трубежомъ; на сѣверъ отъ городовъ Черниговской волости,—пустыней бассейновъ нижняго теченія Десны и Остра, на которыхъ первые русскіе города были построены только въ 988 году по распоряженію князя Владиміра Святославича, на востокъ и югъ отъ городовъ Всеволожской волости и Посульскихъ,—широкою пустыней, лежавшей между Супоемъ, Удаемъ, Оржицей, Ирклемемъ и Золотоношей.

7. Всеволожская волость. Помѣщалась внутри Сѣверянской земли, ниже Черниговской и рядомъ съ Липовскою, въ области верхняго теченія Остра, лѣваго притока Десны и Удая праваго притока Сулы. Города этой волости, въ числѣ болѣе 20, подобно группамъ городовъ всѣхъ другихъ сѣверянскихъ волостей, были окружены пустынями, болѣе или менѣе широкими полосами земли, неимѣющими городищъ и курганныхъ кладбищъ.

8. Липовская волость. Группа городищъ Липовской волости, въ числѣ 21, помѣщается подъ Воргольской волостью, въ области Ромна, праваго притока Сулы; изолирована съ запада и сѣвера незаселенными полосами земли, указанными выше въ очеркахъ границъ Воргольской и Всеволожской волостей, а съ востока и юга пустынными областями истоковъ и начальнаго теченія Сулы, Груни и Хороля.

9. Суджанская волость. Городища Суджанской волости, въ числѣ 22, помѣщаются подъ волостью Посемьемъ въ области бассейна Псла, отъ устья Долгаго Колодезя до устья Груни; на западъ и сѣверъ была обособлена отъ ближайшихъ сѣверянскихъ волостей

пустынями, указанными выше, въ очеркахъ границъ Липовской и Посемской волостей, а съ востока и юга граничила съ степями, немѣющимися городищъ, сопровождаемыхъ языческими кладбищами сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ.

10. Свѣтинская или Посульская волость. Въ лѣтописи «Посульемъ» именуется города, лежавшіе ниже устья Ромна по теченію Сулы до ея впаденія въ Днѣпръ. Но область средняго и нижняго теченія Сулы представляетъ такую сложность въ археологическомъ отношеніи, что въ настоящее время невозможно опредѣлить число городовъ и границы сѣверянскихъ владѣній въ Посульской волости. Наслоеніе въ этой области городищъ и могилъ разныхъ историческихъ эпохъ и разныхъ народовъ задерживаетъ археологическія изслѣдованія и выводы. Въ частности неизвѣстны городища городовъ, построенныхъ на Сулѣ по распоряженію князя Владиміра Святославича въ 988 году, населенныхъ разными народами, Славянами и Финами: «Нача ставити городы... и по Сулѣ, и поча нарубати мужѣ лучшіе отъ Словенъ и отъ Кривичъ и отъ Чюди и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады»¹⁾. Географическая-же особенность Посульской волости выражается въ вышеуказанныхъ границахъ ближайшихъ къ ней волостей Сѣверянской земли, — Переяславской, Всеволожской, Липовской и Суджанской.

Слѣдовательно, по археологическимъ изысканіямъ, въ десяти волостяхъ Сѣверянской земли, обозначенныхъ могилами сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ, сохранилось не менѣе 300 городищъ, представляющихъ собою памятники древнихъ укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній. Въ этомъ числѣ значатся не только русскія поселенія до-татарскаго времени, но также и городища эпохи каменной культуры, а равно и городища, принадлежащія народамъ, оставившимъ курганные могильники Аксютинскаго типа въ Роменскомъ уѣздѣ и Бѣлогорскаго и Глинскаго типовъ въ уѣздахъ Суджанскомъ и Роменскомъ. Однакоже имѣется фактическое средство опредѣлить положеніе и число русскихъ городищъ до-татарскаго времени, а въ ихъ числѣ положеніе многихъ сѣверянскихъ городищъ языческой эпохи. Это средство состоитъ въ извлеченіи названій городовъ до-татарскаго времени, существовавшихъ въ предѣлахъ Черниговскаго и Переяславскаго

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 52.

княжествъ по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ и въ опредѣленіи числа городищъ въ предѣлахъ сказанныхъ княжествъ, сопровождаемыхъ курганными кладбищами сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ.

По дѣленію Русской земли между сыновьями князя Ярослава Владиміровича, къ Черниговскому княжеству изъ 10 волостей Сѣверянской земли принадлежали слѣдующія: Черниговская, Стародубская, Новгородъ-Сѣверская, Воргольская и Всеволожская; а къ Переяславскому княжеству, по тому же дѣленію, принадлежали волости: Переяславская, Липовская или Роменская, Посемская, Суджанская и Посульская.

Въ предѣлахъ Черниговскаго княжества лѣтописи именуютъ слѣдующіе русскіе города до-татарскаго времени¹⁾: Березой, (1152), Блестово (1151), Боловось (1148), Бохмачъ (1147), Бѣлавѣжа (1147), Всеволожь (1147), Выхань (1149), Глебль (1147), Глуховъ (1152), Гюричевъ (1152), Зартый (1160), Канинъ (1152), Крырово (1160), Любечъ (882), Моровійскъ (1152), Новгородъ-Сѣверскій (1041), Носовъ на Рудѣ (1147), Олговъ (1152), Оргощъ (1159), Путивль (1146), Радоцъ (1155), Роговъ (1194), Ропескъ (1159), Семинъ (1152), Сининъ Мостъ (1155), Сновъ (1067), Сосница (1234), Спаць (1152), Стародубъ (1096), Стояннич (1160), Уненѣжь (1147), Хороборъ (1153), Черниговъ (907) и Ярышево (1149); а въ предѣлахъ Переяславскаго княжества лѣтописи именуютъ слѣдующіе русскіе города того же до-татарскаго времени: Баручъ (1125), Бронь-княжь (1125), Варинъ (1085), Воинъ (1079), Вороница (1104), Вырь (1113), Выревецъ (1147), Выхань (1147), Голтва (1095), Городецъ Острецкій (1098), Горошинъ (1084), Деменескъ (1155), Дубенець (1155), Евхапець (1147), Желди (1106), Зарѣческъ (1106), Коранъ (1140) Кудново (1149), Курскъ (1095), Липицы (1177), Лубно (1107) Мажево (1151), Малотинъ (1140), Нѣжатиинъ (1135), Обровъ (1079), Переволока (1092), Переяславль (1054), Песочень (1092), Полкостень (1125), Попанъ (1147), Прилукъ (1085), Римовъ (1095), Ромень (1095), Русотина (1147), Серебряной (1174), Снѣтинъ (1106), Устье (1096) и Янчино (1149); а всего въ предѣлахъ Сѣверянской земли 72 города.

Но лѣтописи не географическія, а историческія сочиненія, упо-

¹⁾ Въ скобкахъ послѣ названія городовъ означены годы, подъ которыми эти города упоминаются въ лѣтописяхъ.

минающія о городахъ той или другой мѣстности только случайно, при описаніи политическихъ событій въ Русской землѣ; въ дѣйствительности же русскихъ городовъ въ до-татарское время существовало болѣе числа городовъ, именуемыхъ въ лѣтописяхъ, что доказываютъ лѣтописныя свидѣтельства, говорящія о городахъ данныхъ мѣстностей, но ихъ не именующія. Подъ 988-мъ годомъ лѣтопись говоритъ о новыхъ городахъ, построенныхъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ по Деснѣ, Остру, Трубежу, и Сулѣ, но ихъ не именуетъ (П. С. Л.; I, 52); подъ 1147-мъ годомъ лѣтопись говоритъ о многихъ городахъ Всеволожской волости, бѣжавшихъ въ Черниговъ отъ князей Изяслава и Ростислава Мстиславичей: «Уненѣжъ, Бѣлавѣжа, Бохмачъ... побѣгоша Чернигову, и *иѣи гради мнози бѣжаша*» (Л. по Ип. сп., с. 252), но ихъ не именуетъ; въ 1127 году «Ярополчи бяхуть посадници по всей Семи», а въ 1147 году «Глѣбъ Юрьевичъ отъиде отъ Переяславля..., и шедше взяша градъ Курскъ, и тамо посажаше по всей землѣ Курской намѣстники своя», но эти города не именованы (П. С. Л.; I, 130; II, 35. Ник. Л. Шлец. изд.; ч. II, с. 104); въ 1214 году Новгородцы «начаша воевати по Двѣпру городъ Черниговскыи, и взяша Рѣчицѣ на цитѣ и *иѣи городъ мнози Черниговскыи*, и придоша подъ Вышегородъ» (П. С. Л.; III, с. 32), но изъ многихъ городовъ Черниговской волости, лежавшихъ по Двѣпру, именованъ въ лѣтописяхъ только одинъ Любечъ; въ 1234 году князь Даниилъ Галицкій «поимаша грады многи по Деснѣ, ту-же взяша и Хороборъ и Сосницю и Сновескъ и *иѣи грады мнози*, и придоша опять Чернигову» (Лѣт. по Ипат. сп., с. 514), но изъ многихъ Черниговскихъ городовъ, лежавшихъ по Деснѣ, именованы въ лѣтописяхъ только три, названные въ этомъ извѣстіи,—Хороборъ, Сосница и Сновскъ...

По археологическимъ изысканіямъ, почти всѣ городища, сохранившіяся въ предѣлахъ десяти волостей Сѣверянской земли X-го вѣка, представляютъ собою остатки русскихъ укрѣпленныхъ общественныхъ населеній до-татарскаго времени, разрушенныхъ Батыемъ и его сподвижниками, которые по лѣтописному свидѣтельству, въ 1240 году взяли и уничтожили въ южной Россіи «грады многи, имѣ-же нѣсть числа» (тамъ же с. 523). Опредѣленіе-же количества и положенія всѣхъ сѣверянскихъ городовъ эпохи русскаго язычества далеко еще не закончено, потому что зависитъ исключительно отъ

→ изысканія и раскопки русскихъ городищъ и кладбищъ языческаго времени, сопровождавшихъ общественныя поселенія, а это дѣло требуетъ труда многихъ лицъ, большихъ матеріальныхъ затратъ и продолжительнаго времени. Но и теперь уже, на основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, можно признать выясненными границы Сѣверянскаго племеннаго княженія языческой эпохи, границы десяти волостей этого княженія, географически обособленныхъ, но связанныхъ политически общими подчиненіемъ городу Чернигову, главному—старѣйшему въ Сѣверянской землѣ.

3. Старѣйшіе города волостей Сѣверянской земли.

Въ группахъ городищъ, составлявшихъ сѣверянскія волости, различаются большія городища, состояція изъ двухъ, а въ Черниговѣ изъ трехъ укрѣпленныхъ площадей, лежащихъ рядомъ, обведенныхъ валами и рвами, и малыя городища, состояція только изъ одной площади, обведенной валомъ и рвомъ, имѣющія только отъ 300 до 500 аршинъ въ окружности. Большія городища имѣются въ каждой волостной группѣ и представляютъ собою остатки городовъ, служившихъ въ древнихъ волостяхъ общественными, административными, судебными, военными и религіозными центрами; здѣсь жилъ волостной князь и собиралось народное вѣче, рѣшенія котораго было обязательно для волостныхъ пригородовъ. Въ старѣйшихъ городахъ помѣщались органы волостнаго суда, религіознаго культа и средства общественной самообороны; населеніе старѣйшихъ городовъ было многочисленнѣе населенія пригородовъ, а вблизи ихъ укрѣпленій хоронили трупы органовъ общественной власти; по этой причинѣ вблизи двойныхъ городищъ сосредоточено наибольшее количество сѣверянскихъ языческихъ могилъ, и эти могилы богаче могилъ, сопровождающихъ малыя городища.

→ 1. **Черниговъ и Сѣднєвъ.** Въ X вѣкѣ старѣйшимъ городомъ Сѣверянской земли, ея политическимъ центромъ, былъ городъ Черниговъ, лежащій на правомъ высокомъ берегу р. Десны, при поворотѣ ея теченія на югъ, у впаденія въ нее рѣчки Стрижня. Первоначально г. Черниговъ занималъ только площадь въ размѣрѣ около 500 арш. въ окружности, гдѣ нынѣ помѣщается зданіе общественнаго клуба. Въ XI вѣкѣ городъ Черниговъ составляли два города,—внутрен-

ній и вѣшній; въ 1078 году кѣвскій князь Изяславъ съ сыномъ Ярополкомъ и его братъ, переяславскій князь Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ «поидоша къ Чернигову, и Черниговци затворишася въ градъ... Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ, отъ стрѣжній отя врата, и отвориша *градъ околній*, и пожгоша и; людемъ-же вбѣгшимъ въ *двнльшній* градъ» (П. С. Л.; I, 86). Эти два города, внутренній и вѣшній, занимали уже очень большую площадь, ограниченную нынѣ крутымъ спускомъ изъ города къ Деснѣ, бульваромъ и рѣкою Стрижнемъ; впоследствии къ этой площади былъ прибавленъ третій городъ, въ который вошла мѣстность отъ сказаннаго крутаго спуска къ Деснѣ до Черной могилы и другаго крутаго спуска къ Деснѣ, лежащаго за Елецкимъ монастыремъ по дорогѣ въ Троицкій монастырь. Въ московскую эпоху къ тремъ старымъ городамъ присоединенъ четвертый, площадь котораго также была обведена землянымъ валомъ и рвомъ, слѣды которыхъ еще и нынѣ замѣтны за Краснымъ мостомъ и базарною площадью. Быстрый ростъ городовъ X—XII столѣтій, въ которыхъ жили князья, выражаетъ слѣдующее лѣтописное извѣстіе о первоначальномъ построеніи города Холма и послѣдующемъ его расширеніи, какъ княжеской резиденціи: князь Данилъ «видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, объходящу округъ его поле, и вопроша тоземець: «како именуется мѣсто се?» Они же рекоша: «Холмъ ему имя есть». И возлюбивъ мѣсто то...; и створи градець малъ, и видѣвъ же, яко Богъ помощникъ ему и Иоанъ спѣшникъ ему есть; и созда градъ иной...; и нача призывати прихожаѣ Нѣмцѣ, и Русь, иноязычники, и Ляхы; идяху дель и во день, и употы, и мастерьъ всяци бѣжаху изъ Татаръ, сѣдѣльници, и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру; и бѣ жизнь и наполниша двory окрестъ града поле, и села» (тамже; II, 196).

Многолюдство г. Чернигова IX—X стол. доказываютъ языческіе могильники въ его окрестностяхъ. Еще недавно у г. Чернигова сохранилось множество кургановъ; все пространство между Черной могилой, Болдыными горами и дорогой, ведущей изъ Чернигова на Любечъ, было покрыто курганами; другая большая группа помѣщалась на полѣ и въ огородахъ при выѣздѣ изъ Чернигова по улицѣ Гончей, по теченію рѣчки Стрижня. Еще въ началѣ 70-хъ годовъ я считалъ съ западной стороны Чернигова, въ мѣстности, ограниченной Десною и рѣчками Бѣлоусомъ и Стрижнемъ, болѣе 500 кургановъ.

По преданію, записанному въ польской хроникѣ, живущему донынѣ у мѣстныхъ старожилѣвъ, Черниговъ былъ основанъ княземъ Чернымъ, прахъ котораго покоился въ Черной могилѣ, раскопанной въ 1874 году. По золотымъ монетамъ, въ этой могилѣ найденнымъ, князь Черный жилъ въ X вѣкѣ; изслѣдованіе языческихъ могильниковъ въ окрестностяхъ Чернигова показало, что здѣсь сохранилось только пять княжескихъ могилъ, и что Черниговъ основанъ не ранѣе конца IX-го вѣка; а слѣдовательно, Черниговъ не былъ древнѣйшимъ сѣверянскимъ городомъ въ области Десны,—приобрѣлъ старѣйшинство въ Сѣверянской землѣ въ концѣ IX-го или въ началѣ X вѣка, когда былъ основанъ княземъ Чернымъ, сдѣлавшимъ его своею резиденціей. Въ договорѣ Руссовъ съ Греками 907 года Черниговъ упоминается уже въ числѣ старѣйшихъ городовъ Русской земли.

По могиламъ сѣверянскаго погребальнаго обряда, до времени основанія Чернигова и обращенія его въ резиденцію князей Сѣверянской земли старѣйшимъ городомъ Сѣверянъ былъ Сѣднєвъ, большое городище котораго помѣщается въ саду усадьбы Ѳ. А. Лизогуба, а другое вблизи выѣзда изъ м. Сѣднева въ г. Березну.

На географической картѣ м. Сѣднєвъ пишется «Седнєвъ»; но мѣстные малороссы-старожилы именуютъ его «Сиднєвъ»; а въ основѣ этого слова лежитъ корень сидь-сѣдъ=сѣдой-старикъ; что, по моему мнѣнію, указываетъ на значеніе въ древности г. Сѣднева, какъ старѣйшаго, древнѣйшаго въ Сѣверянской землѣ. Въ такомъ значеніи представляютъ Сѣднєвъ и сохранившіяся въ его окрестностяхъ могилы.

По «Описанію Черниговскаго намѣстничества» А. Шафонскаго, въ 1786 году вокругъ Сѣднєвскаго городища насчитывалось 74 большихъ и 241 малыхъ могилъ; изъ нихъ въ 1874 году сохранялось уже большихъ только половина, а малыхъ около 150; въ огородахъ сохранялось еще нѣсколько разрозненныхъ большихъ кургановъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что на мѣстѣ, занятомъ нынѣ домами и другими постройками м. Сѣднева, существовалъ въ древности громаднѣйшій языческій могильникъ, занимавшій все пространство, заключенное нынѣ между выѣздами изъ м. Сѣднева на г.г. Городню, Черниговъ и Березну (см. Мог. Рус. Земли, с. 201).

Раскопки показали, что 74 большіе курганы этого кладбища, насчитанные Шафонскимъ, прикрывали собою кострища и срубныя гробницы князей или старѣйшинъ, подобныя пяти могиламъ черни-

говскихъ могильниковъ. По монетамъ, найденнымъ въ могилахъ, Сѣд-невскіе курганы древнѣе Черниговскихъ, такъ какъ въ послѣднихъ найдены золотыя византійскія монеты X в. и саманидскій диргемъ того же времени: на немъ имѣется слово Аллахъ; на саманидскихъ же и аббасидскихъ диргемахъ, найденныхъ въ Сѣдневскихъ курганахъ съ кистрицами сказаннаго слова не имѣется; обрубокъ серебряной восточной монеты, найденный въ Сѣдневской срубной гробницѣ, по мнѣнію В. Г. Тизенгаузена, нельзя точно опредѣлить, но по размѣрамъ ободка, его можно признать сассанидскою монетою.

Въ эпоху Рюриковичей Сѣдневская группа городовъ составляла нераздѣльную часть Черниговскаго великокняжескаго владѣнія, называемую Сновскою тысячею, такъ какъ нераздѣльное Черниговское великокняжеское владѣніе дѣлилось на тысячи Черниговскую и Сновскую, подобно дѣленію Кіевского великаго княжества на тысячи Кіевскую, Вышегородскую и Бѣлгородскую.

Названіе Сновской тысячи произошло отъ имени р. Снова и города Сновска, городище котораго сохранилось при впаденіи р. Снова въ р. Десну, съ правой стороны устья. О Сѣдневѣ же лѣтопись не упоминаетъ; вѣроятно, съ перенесеніемъ резиденціи сѣверянскаго князя изъ Сѣднева въ Черниговъ, туда было переведено и народонаселеніе бывшаго старѣйшаго города Сѣверянской земли; въ Черниговѣ же помѣщалось и новое кладбище сѣверянскихъ князей и народонаселенія новаго старѣйшаго города Сѣверянской земли.

Остальныя волости Сѣверянской земли языческой эпохи въ эпоху Рюриковичей поступили въ раздѣлъ между потомками Святослава Ярославича и образовали удѣльныя княжества: Стародубское, Новгородсѣверское, Воргольское и др., причемъ въ основѣ дѣленія Черниговскаго княжества на удѣлы лежало дѣленіе Сѣверянской земли на волости языческой эпохи.

2. Стародубъ. Въ группѣ городовъ Стародубской волости старѣйшимъ городомъ былъ Стародубъ, въ окрестностяхъ котораго въ 1874 году я нашелъ четыре городища: въ Стародубѣ, у с. Мериновки въ урочищѣ Зарѣчье, у с. Левинки и у с. Десятихи, и остатки пяти курганныхъ могильниковъ: при выгздѣ изъ Стародуба въ с. Десятиху, въ с. Мериновкѣ, на поляхъ этого села, въ лѣсу въ урочищѣ Зарѣчье и на поляхъ с. Левинки, у древняго городища. Раскопки показали, что городища и курганы Стародуба и его окрестностей

однородны съ Черниговскими и Сѣдневскими по устройству и содержанию. Въ Левинскомъ курганномъ могильникѣ, подъ большими курганами, открыты кострища и срубныя гробницы, содержащія бытовые предметы, найденные въ кострищахъ и срубныхъ гробницахъ большихъ кургановъ Черниговскихъ и Сѣдневскихъ; малые Стародубскіе курганы прикрывали могильныя ямы, однородныя съ могилами малыхъ кургановъ въ окрестностяхъ Чернигова и Сѣднева.

3. Новгородсѣверскъ. Городище Новгородсѣверска помѣщается на высокомъ побережьи праваго берега р. Десны, при впаденіи въ нее Криничнаго ручья, именуется мѣстными жителями «зѣмокъ»; зѣмокъ на древнемъ городищѣ былъ построенъ въ польскую эпоху, одновременно съ построениемъ возлѣ замка Доминиканскаго монастыря (нынѣ Соборъ). Остатки древняго городища найдены мною только на окраинѣ площади зѣмка со стороны Криничнаго ручья, за которымъ помѣщается Заручейная часть современнаго города. Курганныхъ могильниковъ въ окрестностяхъ Новгородсѣверска не сохранилось, можетъ быть, потому, что поля, выгоны и лѣса, окружавшіе его въ древности, давно обращены подъ городскіе постройки и огороды; только на третьей верстѣ дороги изъ Новгородсѣверска на Воронежъ были найдены одинъ уцѣлѣвшій и два распаханыхъ кургана, въ одномъ изъ которыхъ, уцѣлѣвшемъ, открыта могильная яма сѣверянскаго погребальнаго обряда.

По раскопкамъ, произведеннымъ мною въ предѣлахъ Новгородсѣверскаго у., древнѣйшими сѣверянскими поселеніями въ группѣ городовъ Новгородсѣверской волости были городища, сохранившіяся по р. Малотечи, впадающей въ Десну съ правой стороны въ 20 верстахъ отъ Новгородсѣверска. На этой рѣчкѣ, представляющей собою нынѣ скорѣе ручей, нежели рѣку, еще въ XVI ст. существовали «бобровыя ловли», о которыхъ упоминаютъ грамоты, хранящіяся въ новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ. Мною найдены на побережьяхъ Малотечи три сѣверянскихъ городища: у с. Кудлаевки, у с. Стагорцины, въ урочищѣ Чайкинъ логъ и между с.с. Бугриновкою и Лариновкою, и остатки трехъ курганныхъ могильниковъ: у с. Рыкова, съ лѣвой стороны большой дороги на с. Стагорцину и съ правой стороны дороги изъ того же села въ х. Малотечь или Самоквасова, на поляхъ между селами Бугриновкою и Хворостовичами и у с. Лариновки, при выѣздѣ на с. Хворостовичи, вблизи Ларинов-

скаго городища. Первый могильникъ, въ донесеніи Рыковской волости 1872 г. именуется «курганьемъ»; но въ настоящее время этотъ могильникъ до того распаханъ, что никакихъ признаковъ курганныхъ насыпей не сохранилось. Отъ большаго, по мѣстнымъ сказаніямъ, второго курганнаго могильника, также распаханнаго, сохранились только немногія, едва замѣтныя возвышенія и сѣрая пятна, подъ которыми мною были найдены могилы съ костяками сѣверянскаго погребальнаго обряда. Въ большомъ могильникѣ окрестностей Лариновскаго городища я нашелъ только 32 уцѣлѣвшихъ кургана, подъ которыми были открыты могильныя ямы съ костяками и бытовыми предметами, представляющими собою дублиеты бытовыхъ предметовъ, найденныхъ въ такихъ же могилахъ Черниговскихъ и Сѣдневскихъ могильниковъ. Въ томъ же Новгородсѣверскомъ у. имѣются остатки сѣверянскихъ курганныхъ могильниковъ въ шести верстахъ отъ Новгородсѣверска по дорогѣ въ с. Комень, съ лѣвой стороны дороги изъ Чайкина хутора въ с. Костобобры, и на границѣ Новгородсѣверской и Стародубской группъ городищъ, на возвышенности между с.с. Колпинкою и Каменкою (Мог. Рус. Земли, с. 207).

4. Ворголь. Въ Глуховскомъ у., на правомъ возвышенномъ берегу р. Клевени сохранились два большихъ двойныхъ городища, лежащихъ въ разстояніи около 4-хъ верстъ другъ отъ друга. На памяти мѣстныхъ старожиловъ все пространство, раздѣляющее эти городища, изобиловало курганами, частію скрытыми для возведенія построекъ, частію распаханными подъ огороды и поля. Сохранившіеся курганы этой мѣстности, изслѣдованные мною въ 1872 году, прикрывали собою могилы сѣверянскихъ обрядовъ погребенія, съ костяками и урнами, однородныя съ могилами Сѣдневскихъ кургановъ.

Въ эпоху Рюриковичей Воргольская волость языческой эпохи была раздѣлена на два удѣльныхъ княжества,—Воргольское и Путивльское, съ центральными городами Ворголомъ и Путивлемъ,—княжескими резиденціями. Городище Путивля сохранилось, въ его окрестностяхъ никакихъ признаковъ языческихъ могилъ мною не было найдено (М. Р. З., с. 210).

5. Рыльскъ и Ратманъ. Волость Посемье Сѣверянской земли составляла группа городовъ, городища которыхъ сохранились въ уѣздахъ Курскомъ, Львовскомъ и Рыльскомъ. Курскъ несомнѣнно новый городъ, возникшій въ христіанскую эпоху; никакихъ признаковъ язы-

ческой древности въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ не сохранилось. Не имѣется языческихъ могильниковъ и въ окрестностяхъ г. Льгова; ближайшій языческій могильникъ сѣверянскаго погребальнаго обряда удаленъ отъ Льговскаго городища на 7 верстъ. Изъ городищъ Курской группы наибольшими размѣрами и наибольшимъ скопленіемъ языческихъ могилъ въ окрестностяхъ отличаются Рыльское городище, сохранившееся при впаденіи р. Рыла въ р. Сеймъ, и Ратманское городище, лежащее на окраинѣ Сѣверянской земли, на правомъ берегу р. Рати, въ 6-ти верстахъ отъ ея впаденія въ р. Сеймъ. Курганные могильники у Рыльскаго городища были изслѣдованы Дмитрюковымъ, и оказались могилами сѣверянскаго погребальнаго обряда, покрывающими урны и костяки. Курганные могильники окрестностей Ратманскаго городища, изслѣдованные мною, оказались могилами сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ, покрывающими урны и костяки въ могильныхъ ямахъ, однородными съ Рыльскими.

Трудно сказать, Рыльское или Ратманское городище представляетъ собою остатки старѣйшаго города въ Сѣверянской волости, именуемой въ лѣтописяхъ «Посемьемъ»; можетъ быть, эта группа городовъ въ языческую эпоху составляла двѣ волости,—Рыльскую и Ратманскую; изъ сохранившихся городищъ въ этой группѣ наибольшими размѣрами отличается Ратманское, имѣвшее болѣе версты въ окружности по сохранившимся остаткамъ валовъ и рововъ (М. Р. З., с. 212).

6. Мирополье. Миропольскимъ городищемъ я называю большое городище, состоящее изъ двухъ оконцовъ, рядомъ лежащихъ на правомъ возвышенномъ берегу р. Псла, у Николаевской Бѣлогорской пустыни, въ Суджанскомъ у., Курской г. По моему мнѣнію, поселеніе языческой эпохи, помѣщавшееся на самомъ высокомъ пунктѣ сказанной возвышенности, окруженное громаднымъ курганнымъ могильникомъ, въ христіанскую эпоху передвинулось ближе къ водѣ, на равнину, на мѣсто нынѣшняго м. Мирополя, лежащаго въ разстояніи пяти верстъ отъ Николаевской Бѣлогорской пустыни, возникшей въ христіанскую эпоху на мѣстѣ бывшаго языческаго города, имѣвшаго значеніе старѣйшаго въ Миропольской волостной группѣ городовъ языческой эпохи. Въ этомъ городѣ въ X ст. было уже смѣшанное народонаселеніе, славянское—сѣверянское и не славянское. Памятниками сѣверянскихъ могилъ служатъ курганы раскопанные Дмитрюковымъ и мною въ распаханномъ курганномъ могильникѣ, содержавшемъ

въ себѣ погребальныя урны; а памятниками неславянскаго населенія служатъ курганы, сохранившіеся въ лѣсу и у большой дороги изъ Бѣлогорской пустыни въ Мирополье, покрывающіе костяки, погребенные на материкѣ, безъ могильныхъ ямъ, датированные монетою X-го вѣка (М. Р. З., с. 213).

7. Липовое. Въ рефератѣ проф. В. Г. Ляскоронскаго, напечатанномъ въ «Трудахъ» XI-го Кіевскаго арх. съѣзда (т. I, с. 404—457), подъ заглавіемъ «Городища, курганы и змїевыя валы, находящіяся въ бассейнѣ р. Сулы», о городищѣ и курганахъ у с. Липоваго, Роменскаго у., Полтавской г., между прочимъ, говорится слѣдующее: «У с. Липоваго находится круглое городище. Величина городища нѣсколько больше 2 десятинъ... У с. Липоваго находится огромное количество кургановъ; количество кургановъ доходитъ здѣсь до нѣсколькихъ тысячъ; это цѣлый некрополь, насынавшійся въ теченіе очень долгаго времени. По рассказамъ мѣстныхъ жителей въ курганахъ находятся человѣческіе скелеты, имѣющіе на ручныхъ костяхъ браслеты и кольца: серебряные, мѣдные и золотые. Говорятъ, что здѣсь жили когда-то веледни (веледни), т. е., народъ такой».

Въ отчетѣ г. Макаренко Имп. Арх. Коммисіи «Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ Полтавской губерніи въ 1906 году» о курганахъ у с. Липоваго говорится: «У с. Липоваго, занимая нѣсколько десятковъ десятинъ земли, расположена курганная группа, можетъ быть единственная на югѣ группа славянскихъ кургановъ по своему количеству и сохранности... Всего кургановъ нѣсколько тысячъ».

Проф. В. З. Завитневичъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Научное значеніе археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ системѣ р. Сулы, въ Роменскомъ у., Полтавской г.», напечатанной въ № 8 Трудовъ Кіев. Дух. Академіи, говоритъ: «Громадная группа Липовскихъ кургановъ... составляетъ самостоятельную новую категорію съ твердо установленными типическими особенностями...; въ этой группѣ раскопано около 150 кургановъ. Формы погребенія покойниковъ и добытые изъ кургановъ предметы служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ Славянами. Липовскіе курганы занимаютъ громадное пространство,—десятигъ въ 80» (стр. 13 и 14).

Въ предѣлахъ группы городовъ, составлявшихъ сѣверянскую волость въ области р. Ромна, я не знаю городища, въ окрестностяхъ котораго было бы сосредоточено вышеуказанное множество могиль

сѣверянскаго погребальнаго обряда, а потому признаю Липовское городище волостнымъ центромъ или старѣйшимъ городомъ Липовской волости въ языческую эпоху (М. Р. З., с. 219).

8. Снѣтинъ. Въ предѣлахъ группы городовъ, составлявшихъ Снѣтинскую волость размѣрами и количествомъ кургановъ въ окрестности отличается Снѣтинское городище, о которомъ Снѣтинское волостное правленіе сообщило въ 1873-мъ году слѣдующія свѣдѣнія: «Городокъ сохранившійся въ м. Снѣтинѣ имѣетъ въ дл. 80, въ ш. 72 и въ окр. 640 саж.; занимаетъ высокое мѣсто на правомъ берегу р. Сулы; форму имѣетъ кругообразную; сохранились рвы и валы съ южной стороны, длина которыхъ одного 300, другого 400, а третьяго 200 саж., а ширина каждаго около 5 саж.; сохранились входы со всѣхъ четырехъ сторонъ; значительно разрушено, такъ какъ въ немъ стояла церковь».

Въ томъ же донесеніи о курганахъ окрестностей Снѣтинскаго городища говорится: «Сохранились въ самомъ м. Снѣтинѣ двѣ сопки или могилы, 16 сопокъ или кургановъ разбросано по два и по три въ разныхъ урочищахъ окрестностей городища и 1700 могилъ въ одной группѣ, изъ которыхъ 1000 на высокомъ мѣстѣ и 700 на отлогомъ; въ нихъ находили кости». Городища и курганы м. Снѣтина не изслѣдованы; въ текущемъ году я предполагалъ произвести раскопки отъ м. Снѣтина до устья р. Сулы, такъ какъ нижнее теченіе этой рѣки, очень важное для русской археологіи и исторіи, въ частности для опредѣленія южной границы Сѣверянской земли, до настоящаго времени не было изслѣдовано систематическими раскопками; по печатанію настоящаго изданія для Черниговскаго археологическаго съѣзда не дало возможности осуществить сказанное предположеніе. Однако-же я просилъ слушателя М. Арх. Института г. Стеллецкаго произвести пробныя раскопки въ Снѣтинскихъ курганахъ, и далъ на то небольшія средства, въ надеждѣ, что ко времени открытія работъ съѣзда сѣверянство могилъ громаднаго Снѣтинскаго могильника будетъ выяснено раскопками. По матеріаламъ, у меня имѣющимся, въ группѣ городищъ средняго теченія р. Сулы не имѣется городища, подобнаго Снѣтинскому по количеству языческихъ могилъ въ окрестностяхъ; а потому Снѣтинское городище я признаю памятникомъ старѣйшаго города Снѣтинской сѣверянской волости языческой эпохи.

9. Переяславль. О построении древняго сѣверянскаго города Переяславля имѣется въ лѣтописи слѣдующій разсказъ подъ 992 годомъ: пришли Печенѣги съ той стороны Сулы, а князь Владиміръ встрѣтилъ ихъ у переправы чрезъ р. Трубежъ, «кдѣ нынѣ Переяславль». Князь печенѣжскій предложилъ, не вступая въ сраженіе, рѣшить войну единоборствомъ двухъ мужей; предложеніе было принято русскимъ княземъ, и въ единоборствѣ русской мужъ побѣдилъ печенѣжскаго великана, «и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ, съкуще, и прогнаша я; Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ, и нарече и Переяславль, зане перея славу отрокъ отъ» (Н. С. Л.; I, 53).

Въ видимомъ противорѣчій съ этимъ разсказомъ стоитъ лѣтописное свидѣтельство подъ 907 годомъ, по которому князь Олегъ заповѣдалъ Грекамъ «даяти уклады на Рускіе города: первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на *Переяславъ*, и на Польтескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая города; *по тѣмъ бо городомъ съдяху князя подѣ Ольгомъ суще*» (тамъ же, стр. 13); слѣдовательно, Переяславль былъ основанъ не при князѣ Владиміръ, а существовалъ уже при первомъ Кіевскомъ князѣ Рюрика рода, и былъ тогда центромъ, старѣйшимъ городомъ мѣстной волости,— группы городовъ, лежавшихъ въ предѣлахъ областей р.р. Трубежа и Суноя; въ этомъ городѣ сидѣлъ мѣстный князь, состоявшій подъ рукою Кіевского великаго князя.

Могильники окрестностей Переяславля, изслѣдованные мною и Браденбургомъ, оправдываютъ свидѣтельства лѣтописи подъ 907 годомъ о старости г. Переяславля. Городище этого города давно срыто и застроено новыми городскими постройками, но возлѣ него сохранились четыре группы языческихъ могилъ, по формѣ и содержанію, совершенно сходныхъ съ курганными могильниками окрестностей Чернигова. Въ группѣ городищъ области Трубежа и Суноя не имѣется городища, изобилующаго такою массою кургановъ сѣверянскаго погребальнаго обряда, какимъ изобиловали еще недавно окрестности Переяславля, а потому я признаю этотъ городъ старѣйшимъ въ Переяславской сѣверянской волости языческой эпохи (М. Р. З., с. 220).

10. Всеволожь. Въ волостной группѣ городовъ, лежавшихъ въ областяхъ Удая и верхняго теченія рѣки Остра волостнымъ центромъ былъ городъ Всеволожь, обширное городище котораго со многими древними земляными насыпями сохранилось у нынѣшняго м. Си-

воложа Борзенскаго уѣзда. Значеніе этого города, какъ волостного центра, выражаетъ слѣдующее лѣтописное свидѣтельство. Въ 1147 году Изяславъ Мстиславичъ съ полками своими подошелъ къ Чернигову, «и ста, идѣже есть Черная Могила, и ту приде къ нему братъ Ростиславъ съ Смолняны, съ множествомъ вой». Узнавъ здѣсь, что Черниговскіе князья на Сулѣ, Мстиславичи рѣшили идти къ нимъ «перекры» — на встрѣчу, и «поидоша на Сулу». Узнавъ о томъ, Черниговскіе князья, бывшіе на Сулѣ, «поидоша на Глѣбль къ Чернигову». Городище Глѣбля сохранилось у с. Глѣбовки, на лѣвомъ берегу Ромна, притока Сулы. На прямомъ пути между Глѣблемъ и Черниговомъ помѣщалась группа городовъ, составлявшихъ Всеволожскую волость, въ предѣлахъ которой должны были встрѣтиться полки Мстиславичей съ полками Черниговскихъ князей. Но встрѣчи не послѣдовало, потому что Мстиславичи шли противъ Черниговскихъ князей «перекры ко Всеволожю», и «не перестигоша ихъ до Всеволожа, уже бо бѣ Изяславъ Давыдовичъ и Святославъ Ольговичъ и Всеволодичъ Святославъ ушли бяху мимо Всеволожь». Тогда Мстиславичи приступили къ разрушенію городовъ Всеволожской волости: «Изяславъ же Мстиславичъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ не идоста по нихъ, но ту пришедше ко Всеволожю полкы своими, и взяша Всеволожь градъ на щить, *и ина въ немъ бѣста два города вошла. Слышавше инии гради, Унепѣжь, Бѣлавѣжа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣдоша Чернигову, и инии гради мнози бѣжаша.* Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, посласта по нихъ, и постигоша на поли, и ту взяша ты три города, а инии уйдоша. Изяславъ же повелѣ зажечи грады ты» (Л. по Ип. сп., с. 251, 252).

Въ случаѣ движенія въ предѣлы данной волости сильнаго непріятеля, противъ котораго не въ силахъ были бороться отдѣльные города—пригороды, ихъ населеніе искало спасенія въ соединеніи личной силы всѣхъ городовъ волости въ ея старѣйшемъ, главномъ городѣ (Всеволожь). Если-же населеніе пригородовъ на пути къ своему волостному центру узнавало, что опъ уже въ рукахъ непріятеля, то, минуя свой старѣйшій городъ, бѣжало въ старѣйшій—главный городъ всей земли (Черниговъ). Непріятель предавалъ огню опустѣвшіе города, вводилъ въ плѣнъ часть захваченнаго населенія волости, но не получалъ никакихъ правъ на волостную землю и на оставшуюся часть ея населенія, потому что сохранялась надъ ними власть уцѣлѣвшаго старѣйшаго города земли.

III. Происхожденіе городовъ и городскихъ союзовъ въ Сѣверянской землѣ.

I. Первоначальная городская колонизація.

Въ основѣ древнихъ сѣверянскихъ городскихъ союзовъ лежало начало общественной самообороны, требовавшее, по условіямъ жизни древнихъ осѣдлыхъ народовъ, соединенія личныхъ силъ въ городскомъ союзѣ, союза городовъ въ волостномъ союзѣ и союза волостныхъ союзовъ въ племенной землѣ или племенномъ княженіи; предъ началомъ общественной самообороны имѣли второстепенное значеніе начала родства между союзниками, сожительства въ общемъ поселеніи и общаго владѣнія прилегавшими къ поселенію полями, лѣсами и лугами,—начала, на которыхъ историки и юристы строили теоріи родового и общиннаго быта русскихъ Славянъ эпохи призванія Рюрика Новгородцами.

Такъ какъ городской союзъ, жившій въ укрѣпленномъ общественномъ поселеніи, былъ необходимою формою жизни древнихъ осѣдлыхъ народовъ, то другихъ формъ общественныхъ поселеній, именуемыхъ селами, деревнями и хуторами, въ древности не могло существовать и не существовало. Этотъ выводъ, полученный мною путемъ изученія историческихъ и археологическихъ фактовъ, характеризующихъ бытъ древнихъ осѣдлыхъ народовъ, былъ выраженъ и аргументированъ въ диссертациі, подъ заглавіемъ «Древніе города Россіи», изд. въ 1873 году.

Секретарь черниговскаго Комитета по устройству XIV археологическаго съѣзда П. М. Добровольскій, письмомъ отъ 21 іюня текущаго года, обратился ко мнѣ съ просьбою выслать въ бібліотеку мѣстной Архивной Коммисіи мою диссертацию «Древніе города Россіи», такъ какъ «мы нигдѣ не могли достать эту бібліографическую рѣдкость», говоритъ онъ. Къ сожалѣнію, я не могъ исполнить этой просьбы, потому что не нашелъ своей диссертациі въ московскихъ книжныхъ магазинахъ, а у меня ее давно уже не имѣется.

Сущность диссертациі «Древніе города Россіи», посвященной вопросамъ о происхожденіи, количествѣ и значеніи древнихъ русскихъ городовъ выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Въ существующихъ спискахъ русскихъ городовъ до-татарскаго времени, составленныхъ Неволлинымъ, Соловьевымъ и Погодинымъ, насчитывается около 350 городовъ, а въ эпоху первыхъ Рюриковичей около 20; по сохранившимся городищамъ городовъ въ древней Россіи было нѣсколько тысячъ.

Нынѣ господствующая въ наукѣ теорія исторіи русскихъ общественныхъ поселеній, принимающая три ступени, въ порядкѣ хуторъ или отдѣльный дворъ, село и городъ, основанная на кажущейся естественности такого порядка, не оправдывается историческими фактами, по которымъ общественная жизнь русскихъ славянъ началась городомъ, а не хуторомъ; изъ городовъ уже, по истеченіи многихъ лѣтъ ихъ существованія, русское народонаселеніе стало занимать открытыя мѣстности и образовало села и хутора.

Въ самомъ началѣ колонизаціи Славянъ въ центральныхъ областяхъ Россіи возникали союзы, жившіе въ городахъ, связанные по естественными родовыми началами, а искусственными, построенные на началѣ общественной самообороны. Этимъ объясняется, почему въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ гражданскаго быта русскихъ Славянъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія рода и родовыхъ отношеній у нашихъ предковъ, въ томъ значеніи, какое придавали этимъ выраженіямъ послѣдователи ученій Эверса и Соловьева.

Когда мое изслѣдованіе о древнихъ городахъ Россіи было напечатано, то послѣдователямъ старыхъ ученій, на примѣръ проф. Леонтовичу и Сергѣевичу, мои выводы казались невѣроятными; но тогда же эти выводы были приняты иначе такими историками, какъ В. Б. Антоновичъ, спеціально занимавшійся исторіей русскихъ и литовскихъ городовъ и знакомый съ археологическими памятниками жизни древняго русскаго народа; а въ 1886 году появилось въ нѣмецкой литературѣ сочиненіе I. Л. Пича, подъ заглавіемъ «Zur Rumänisch-Ungarischen Streitfrage» (Leipzig), въ которомъ имѣется обширный отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Die altslavischen Burgen» (стр. 148—268). Нѣмецкая и русская критика (К. Я. Гротъ) признали въ этомъ отдѣлѣ главный научный интересъ книги г. Пича, по новости и важности аргументаціи и выводовъ; но критики не знали того, что сказанный отдѣлъ сочиненія г. Пича, заимствуя полностью аргументацію изъ моей диссертациі «Древніе города Россіи», упоминаетъ о моихъ изслѣдованіяхъ только въ немногихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Основательно оспаривать выводы сказанной моей диссертации невозможно: они основаны на неоспоримом фактическом материале. Последователи старых учений, конечно, не могли представить себе возможность первоначального заселения центральных областей России славянским народом посредством городов, потому что ближайшее ознакомление с фактическим материалом по этому вопросу лежало вне предметов их специальности. Но ученый юрист, знакомый непосредственно с памятниками древнейшей истории русского народа, известный юрист-историк Владимирский-Будановъ, на вопрос: «Были ли города-общины в начале русской истории (IX и X в.в.)?» отвечает: «Споръ объ этомъ между Д. Я. Самоквасовымъ и О. И. Леонтовичемъ приводитъ къ утвердительному отвѣту» (Обз. Ист. Рус. Права; с. 21; изд. 1905 г.).

Когда я занесъ на географическую карту свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ, полученныя отъ волостей въ 1873 году, то получились карты губерній, подобныя картѣ Черниговской г., приложенной къ диссертации «Древние города России». На этой картѣ въ предѣлахъ только Черниговской г. оказалось столько городовъ России до-татарскаго времени, сколько ихъ насчитывали литературные списки русскихъ до-татарскихъ городовъ на всемъ пространствѣ Русской земли.

Явилась необходимость выяснитъ этотъ археологическій фактъ изученіемъ свидѣтельствъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ количеству древнихъ русскихъ городовъ. Обзорѣнію свидѣтельствъ источниковъ этого рода посвящена была первая за введеніемъ глава моей диссертации, подъ заглавіемъ «Количество городовъ въ России до-татарскаго времени», гдѣ я группирую свидѣтельства летописей, древнѣйшихъ юридическихъ актовъ и иностранныхъ писателей, и прихожу къ заключенію, что въ России до-татарскаго времени существовали многія тысячи городовъ по безспорному фактическому материалу. Естественнымъ слѣдствіемъ этого вывода было обращеніе къ исторіи и археологіи за рѣшеніемъ вопроса о времени первоначальнаго появленія городовъ въ России и ихъ значеніи въ начальные періоды русской исторіи.

Въ рѣшеніи особенно темныхъ, трудныхъ и сложныхъ историческихъ вопросовъ, наилучшимъ методомъ научнаго изслѣдованія должно признать именуемый краковскимъ академикомъ Войцеховскимъ «обратно-историческимъ», по которому должно начинать изученіе

историческаго матеріала съ фактовъ новѣйшихъ, болѣе ясныхъ и несомнѣнныхъ, а отъ нихъ восходить къ фактамъ болѣе древнимъ, менѣе яснымъ, до первоначальныхъ; такимъ способомъ можно выяснитъ научно многіе историческіе вопросы, кажущіеся нынѣ лежащими за предѣлами историческаго знанія. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о способѣ первоначальнаго заселенія Славянами Русской земли вообще и каждаго славянорусскаго племени въ частности, а въ ихъ числѣ и земли древнихъ Сѣверянъ.

Обращаясь къ историческому матеріалу и изучая его сказаннымъ методомъ, я нахожу слѣдующіе безспорные факты.

Русскія земли, возникавшія на глазахъ исторіи, имѣли только города, не имѣли открытыхъ поселеній, именуемыхъ селами, деревнями и хуторами.

Донская земля, напримѣръ, возникла въ XVI вѣкѣ слѣдующимъ образомъ. При в. к. Иванѣ IV партія русскихъ «бѣглецовъ», оставивъ родину, отправилась на востокъ искать новаго поселенія, встрѣтила на Дону татарскій городъ Ахасъ, завоевала этотъ городъ, укрѣпила лучше прежняго, переименовала въ Черкасскъ и поселилась въ немъ¹⁾. Такъ возникла первая община,—старѣйшій, главный городъ земли Донскихъ козаковъ. Народонаселеніе Черкаска быстро разрасталось, такъ какъ первая община колонистовъ радушно принимала новыхъ бѣглецовъ изъ русскихъ областей. Скоро укрѣпленія Черкаска не могли вмѣстить въ себѣ населеніе общины,—явилась необходимость въ построеніи новыхъ городовъ. Одинъ за другимъ были построены еще 4 города, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ союзъ городовъ и расширились предѣлы территоріи земли Донскихъ козаковъ²⁾. Съ дальнѣйшимъ ростомъ народонаселенія земли увеличивалось количество городовъ; а въ концѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ 32 города, лежавшихъ на побережьяхъ рѣки Дона, такъ близко одинъ отъ другого, что въ одинъ день можно было проплыть мимо

¹⁾ См. Карамзина,—Ист. Гос. Рос.; т. VII, стр. 86. По рукописямъ XVI в., Ногайскій мурза Белекъ, жалуясь Московскому князю на „Донскихъ Казаковъ—Черкасцовъ“, говоритъ: „Бѣлаво (русскаго) Князя Черкасы бѣглецы холопы были“...; а Иванъ Грозный, отвѣчая Крымскому хану, говоритъ: „Нашихъ козаковъ на Дону нѣтъ никого; а живутъ на Дону изъ нашего государства *бѣлые люди*“. Тамъ же, прим. 251.

²⁾ Въ 1549 году князь ногайскій Юсуфъ писалъ къ московскому государю: „Холопы твои, нѣкто Сарыазманъ словоеть, на Дону *въ трельхъ и четырьель мѣстельхъ* города подъяли“. Тамъ же, прим. 254.

5 и даже мимо 8 городовъ. Это свѣдѣніе, очень важное для русскаго археолога и историка, найдено мною въ составляющихъ нынѣ большую библиографическую рѣдкость «Воронежскихъ Актахъ», изданныхъ Александровымъ и Дольниковымъ (кн. I; № XVI, с. 47—50),—въ дорожномъ дневникѣ или «Записной Тетрадѣ» московскихъ пѣвчихъ дяковъ, сопровождавшихъ Петра Великаго въ путешествіи подъ Азовъ въ 1694 году, гдѣ говорится:

«Маія въ шестой день поутру приплыли въ первый козацкій городокъ Донецкій, а сидеть онъ на острову Дона рѣки, и были тутъ до обѣда; а послѣ обѣда приплыли во 2-й городокъ Казанка, къ ночи проплыли 3-й городокъ Мигулинъ, 4-й городокъ Ишанка. По утру проплыли 5-й городокъ Ришетовъ, а послѣ обѣда проплыли 6-й городокъ Вешки, а въ ночи проплыли 7-й городокъ Хоперь. Маія въ восьмой день по утру проплыли 8-й городокъ Медвѣдицкой, того жъ числа послѣ обѣда проплыли 9-й городокъ Роспопинъ, 10-й Клецкой, а въ ночи проплыли 11-й Перекопскій, 12-й Кремьяной. Маія въ девятый день проплыли 13-й городокъ Пердуновъ, 14-й Григорьевскій, 15-й Сиротинъ, 16-й Илавка, а въ ночи проплыли 17-й городокъ Качаринъ. Маія въ десятый день проплыли 18-й городокъ Паншинъ, и въ немъ не стояли, а стояли ниже ево. Маія въ одиннадцатый день проплыли 19-й городокъ Голубые, послѣ обѣда 20-й городокъ Пять Избъ, и въ ту ночь проплыли 21-й городокъ Верхній Чиръ, 22-й городокъ Нижній Чиръ. Маія въ двѣнадцатый день проплыли 23-й городокъ Кобыльникъ, а ввечеру проплыли 24-й городокъ Есаулы. Маія въ тринадцатый день проплыли 25-й городокъ Зимовейки, 26-й городокъ Курманъ Яръ, а въ ночи 27-й городокъ Нагавки. Маія въ четырнадцатый день проплыли 28-й городокъ Курманъ Яръ Нижній, а послѣ обѣда проплыли 29-й городокъ Нагавкинъ Нижній, 30-й городокъ Терювыя, 31-й городокъ Цымла. Маія въ пятнадцатый день поутру проплыли 32-й городокъ Кумшикъ, а послѣ обѣда проплыли 33-й городокъ Романовскій, 34-й городокъ Коргола Верхній, 35-й городокъ Комышниковъ, 36-й городокъ Быстрянскъ. Маія въ шестнадцатый день поутру проплыли 37-й городокъ Коргола Нижній, 38-й городокъ Михалевъ Верхній, 39-й городокъ Михалевъ Нижній, а послѣ обѣда проплыли 40-й городокъ Троклинъ, 41-й Кичальникъ, въ немъ зимоваль Стенка Разинъ, 42-й городокъ Ведерниковъ, 43-й городокъ Бабинъ, 44-й го-

родокъ Золотой. Маія въ семнадцатый день проплыли 45-й городокъ Кочетовъ, 46-й городокъ Семи Корокорой, а послѣ обѣда проплыли 47-й городокъ Раздоры. Маія въ восемнадцатый день поутру проплыли 48-й городокъ Милеховъ, 49-й городокъ Безсергневъ, а послѣ обѣда проплыли 50-й городокъ Богай, 51-й городокъ Миничъ. Маія въ девятнадцатый день послѣ обѣда прошли 52-й городокъ Черкасской».

По присоединеніи къ территоріи Россійской Имперіи земли Донскихъ козаковъ, въ области Дона возникла возможность безопасной жизни въ сельскихъ, открытыхъ поселеніяхъ. Общественныя поселенія козаковъ передвинулись съ возвышенностей на равнины, поближе къ водѣ, и растянулись вдоль побережій, по образцу селъ и деревень центральныхъ областей Россіи. Древняя община, скученная въ городъ, постоянно вооруженная, вслѣдствіе бывшаго сосѣдства Татаръ Нагайскихъ и Крымскихъ, получила возможность оставить укрѣпленіе, разоружиться, занять равнины и междурѣчья, построить на нихъ растянутыя и разбросанныя поселенія, въ которыхъ каждая семья владѣтъ своимъ домою, дворомъ, огородомъ и полевымъ участкомъ. Взамѣнъ древнихъ козацкихъ городковъ былъ построенъ русскимъ правительствомъ городъ Новочеркасскъ, какъ центръ управленія и военной обороны области Донскихъ Казаковъ. Всѣ древніе города Донской земли превратились въ неукрѣпленныя станицы, въ селенія; а ихъ старыя укрѣпленія существуютъ и нынѣ, въ видѣ кругообразныхъ и квадратныхъ площадей, обведенныхъ валами и рвами, извѣстныхъ въ народѣ подъ названіемъ городищъ.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ по запросу моей программы въ 1873 году, въ области Войска Донского сохранилось 74 городища, изъ которыхъ 18 были мною осмотрѣны въ 1881 и 1882 г.г.: мѣстоположеніе, форма и устройство городищъ области Дона совершенно сходны съ мѣстоположеніемъ, формою и устройствомъ городищъ, сохранившихся на побережьяхъ Днѣпра, Роси, Сулы, Десны, Сейма, Оки, Волги и другихъ рѣкъ Россіи. Подобно городищамъ центральныхъ областей Россіи, донскія городища покрыты слоею мусора, состоящимъ изъ перегноя растительныхъ веществъ, черепковъ битой посуды, костей, угля и пр., и обведены такими же валами и рвами. Въ нѣкоторыхъ станицахъ еще живутъ старики, помнящіе рассказы своихъ отцовъ и дѣдовъ о томъ времени, когда

«народъ не смѣлъ жить въ открытыхъ поселеніяхъ, а всѣ жили въ городахъ, называемыхъ нынѣ городищами», оставленными народомъ уже подь русскою властью. Въ донесеніи Митякинскаго станичнаго правленія говорится слѣдующее: «Городище лежитъ на берегу рѣки Донца, въ разстояніи 1½ версты отъ станицы Митякинской; изъ преданій извѣстно, что городокъ служилъ предкамъ жителей Митякинской станицы средствомъ защиты отъ набѣговъ Татаръ, разорявшихъ здѣшнюю Украйну». Въ донесеніи Усть-Бузулуцкаго станичнаго правленія говорится: «Въ разстояніи отъ станицы на 1½ версты сохранилась мѣстность, окруженная валомъ и ровомъ, называемая старымъ городкомъ; старожилы говорятъ, что ихъ дѣды, а нѣкоторыхъ прадѣды жили въ этомъ городкѣ, что въ немъ была станица, такъ какъ на болѣе удобномъ мѣстѣ въ то время жить было нельзя, вслѣдствіе нападенія разбойниковъ». По донесенію Добрынскаго станичнаго правленія: «Въ юртѣ станицы сохранились 2 старыхъ городища, лежащія на берегу рѣки Хопра, называемыхъ Добрынскій городокъ и Адинскій городокъ; на первомъ городищѣ, какъ извѣстно, жило въ старину населеніе Добрынскаго городка; до настоящаго времени находятся тамъ ямы, остатки бывшихъ погребовъ и землянокъ, валяется дикій камень, бывший подкладкою подь строенія; изъ найденной въ станичномъ архивѣ древней грамоты видно, что Адинскій городокъ, за пріемъ русскихъ людей, былъ сожженъ въ 1719 году; а жители городка, козаки, сосланы ниже Пяти-Избъ и разселены по другимъ станицамъ; городища, сохранившіяся въ юртѣ Добрынской станицы служили въ давнее время жилищами, какъ объясняютъ теперешніе жители Добрынской станицы и потомки сосланныхъ на жительство ниже Пяти-Избъ». По донесенію Малодѣльской станицы: «Городище, сохранившееся въ разстояніи трехъ верстъ отъ станицы Малодѣльской, въ древнее время было заселено жителями станицы Малодѣльской». По донесенію Петровскаго станичнаго правленія: «Два городища, сохранившіяся на землѣ этой станицы, служили въ древности поселеніями станицъ Левикинской и Безплемяновской». По донесенію Аннинскаго станичнаго правленія: «Островокъ былъ заселенъ станицею, а потому называется городокъ... Есть преданіе, что поселеніе станицы перенесено съ острова на настоящее мѣсто по желанію самихъ жителей»; и т. д. Большинство станицъ нашего времени, лежащихъ на побережьяхъ Дона, у которыхъ по статистическимъ свѣ-

дѣнямъ сохранились городища, носятъ имена городковъ, упоминаемыхъ въ древнемъ путешествіи Петра Великаго, приведенномъ выше.

Въ эпоху удѣльныхъ государствъ возникла Вятская земля. Населеніе Новгорода, тѣснимое возрастающимъ многолюдствомъ и борьбою партій, выдѣлило изъ себя партію выходцевъ, отправившихся искать новой земли для своего поселенія. Доплывъ Волгою до устья р. Камы, новгородскіе выходцы вышли на берегъ, «построили городокъ» и рѣшили въ немъ поселиться. Но это мѣсто оказалось опаснымъ для новыхъ колонистовъ, какъ лежащее на большой судоходной рѣкѣ; а потому часть Новгородцевъ отправилась по р. Камѣ искать болѣе безопаснаго мѣста для поселенія. Доплывъ по Камѣ до устья р. Осы, Новгородцы перетасили свои лодки сухимъ путемъ на р. Ченцу, притокъ р. Вятки. На побережьяхъ р. Ченца они встрѣтили «городки Вотяковъ (Финновъ), обведенные валами и рвами». По р. Ченцу они вошли въ р. Вятку, и проплывъ по ней 5 верстъ, увидѣли «вотяцкій городъ, по имени Болванскій», обведенный валомъ и ровомъ, на высокой горѣ, въ мѣстности удобной для жительства. Новгородцы рѣшились отнять этотъ городокъ у Вотяковъ и поселиться въ немъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ, Болванскій городокъ былъ взятъ, а его жители частью разбѣжались, частью были перебиты завоевателями. Поселившись въ Болванскомъ городкѣ, Новгородцы переименовали его въ городъ Никулицынъ. Другая партія Новгородцевъ также бросила свой городъ, построенный у впаденіи р. Камы въ Волгу, перебралась на р. Вятку, и встрѣтивъ на пути «городокъ Каршаровъ», принадлежавшій Черемисамъ (финское племя), взяла его приступомъ, переименовала въ «городъ Котельничъ» и поселилась въ немъ. Но чувствуя себя слабыми въ раздѣльности, обѣ партіи новгородскихъ выходцевъ соединились снова и построили новый общій городъ при впаденіи р. Хлыновицы въ р. Вятку, назвавъ его Хлыновъ—Вятка. Этотъ городокъ съ сѣверозапада и юга былъ обрѣтъ глубокимъ ровомъ, а съ востока его ограждалъ крутой берегъ р. Вятки. Въмѣсто городской стѣны служили Хлынову дома его жителей, плотно примыкавшіе другъ къ другу боковыми стѣнами, а задними стѣнами обращенные наружу. Среди площади городка былъ вырытъ колодезь. Такъ возникъ старѣйшій, центральный городъ Вятской земли. Населеніе Хлынова быстро возрастало, вслѣдствіе наплыва новыхъ выходцевъ изъ русскихъ земель, особенно изъ Устюга и Новгорода. Когда

населеніе общины возросло такъ, что не могло помѣститься внутри укрѣпленій Хлынова, то внѣ ихъ образовался посадъ или предгорье, обведенное новымъ укрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ деревянныхъ стѣнъ съ башнями. Съ дальнѣйшимъ ростомъ населенія Вятки, появились новые колоніи-пригороды-города: Котельничъ, Никулицынъ, Орловъ, Слободской и другіе. До времени завоеванія Вятской земли Москвою въ ея предѣлахъ, какъ и въ землѣ Донскихъ козаковъ, не было открытыхъ, неукрѣпленныхъ поселеній; всѣ русскія поселенія Вятской земли до времени присоединенія къ Москвѣ были укрѣплены,—города. Описаніе происхожденія Вятской земли мѣстный лѣтописецъ заключаетъ слѣдующими словами: «И тако начаша общежителствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители, и нравы своя отеческія, и законы и обычаи Новгородскія имѣху на лѣта многа, до обладанія Великихъ Князей Русскихъ; и прозвашася Вятчане рѣки ради Вятки... Въ лѣто 6967 (1459) Великій Князь Василій Васильевичъ Московскій Вятскую землю взялъ и дань положилъ. Были самовластны 278 лѣтъ».

Со времени завоеванія Вятскаго народоправства московскимъ княземъ и перехода къ Москвѣ военной обороны Вятской земли, существованіе древнихъ народныхъ городковъ въ этой землѣ потеряло свое основаніе,—стало ненужнымъ; мѣсто городковъ, какъ средства народной обороны отъ непріятеля, заступила сила московскаго воинства. Изъ древнихъ городовъ Вятской земли Москва нѣкоторые расширила, укрѣпила лучше прежняго и дала имъ значеніе центровъ областной администраціи и военной обороны страны; всѣ прочіе городки, помѣщавшіеся на высокихъ побережьяхъ, подобно древнимъ городкамъ Донскихъ козаковъ, обратились въ городища; населеніе ихъ подвинулось ближе къ водѣ и расселилось въ растянутыхъ селеніяхъ, деревняхъ и хуторахъ,—неукрѣпленныхъ поселеніяхъ.

Обращаясь отъ колоніи къ митрополіи, мы встрѣчаемъ въ источникахъ слѣдующіе факты.

По словамъ Нестора: «Словѣни сѣдоша около озера Илмера, прозвашася своимъ именемъ, и сѣлаша городъ» (П. С. Л.; I, с. 3),—построили укрѣпленное общественное поселеніе при первоначальномъ ихъ поселеніи на берегу озера Ильменя. Въ послѣдующихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ, относящихся къ Новгородской землѣ, не встрѣчается указаній на существованіе селъ въ ея пре-

дѣлахъ до времени завоевательнаго объединенія русскихъ и финскихъ племенъ подъ властью князей Рюрикава рода и при первыхъ Рюриковичахъ,—до XII столѣтїя. Но уже въ разсказѣ о призванїи Рюрика называются по именамъ славянскіе и финскіе города: «Сѣде старѣйшїй въ Ладозѣ Рюрикъ, а другїй Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третїй Труворъ въ Изборьсцѣ... и по тѣмъ городамъ суть находницѣ Варязи; первїи насельници въ Новѣгородѣ Словене, въ Полотьскѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меряне, на Бѣлѣозерѣ Веси, Муромѣ—Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ (тамъ-же, стр. 9); слѣдовательно, Новгородская земля возникла такимъ же способомъ, какъ земли Вятская и Донская,—была заселена первоначально посредствомъ укрѣпленныхъ общественныхъ поселенїй, составлявшихъ союзъ городовъ, высшая власть котораго была сосредоточена въ старѣйшемъ городѣ.

Подобно Новгородской землѣ, возникла земля Полянъ. По сказанїю Нестора, родъ князя Кїя, поселившись на горахъ дѣбировскихъ, основалъ городъ Кїевъ, названный именемъ старшаго родоначальника (тамъ же, 13). Князь Кїй, задумавъ возвратиться въ славянскую прародину, построилъ на Дунаѣ городокъ съ цѣлью жить въ немъ; но сосѣди не позволили ему укрѣпиться тамъ, и Кїй возвратился въ свой городъ Кїевъ на Дѣбирѣ (тамъ-же стр. 4). Въ лѣтописныхъ описанїяхъ событїй времени княженїя Рюриковичей упоминаются многіе города Кїевской земли, какъ существовавшїе издавна Бѣлгородъ, Триполь, Саковъ, Витичовъ, Городецъ, Зарубъ, Вороничъ, Родня и др. О существованїи сельскихъ поселенїй въ предѣлахъ Кїевской земли какъ и Новгородской IX и X столѣтїй источники не упоминаютъ.

Съ политическою организаціей земли Древлянъ лѣтопись знакомитъ насъ только въ разсказѣ о смерти Игоря и мщенїи Ольги Древлянамъ; изъ этого разсказа ясно видно, что Древлянская земля, подобно землямъ Новгородской и Кїевской, представляла собою союзъ городовъ. Древляне, по этому разсказу, разбитые въ полѣ войсками Ольги и Святослава, «побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ»; княгиня Ольга: «посла ко граду, глаголющи: что хочете досѣдѣти? а вси грады ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя» (тамъ же, с. 25).

Лѣтопись говоритъ о землѣ Вятичей только въ разсказахъ подъ

1146 и 1147 годами, при описаніи походовъ въ землю Вятичей черниговскаго князя Святослава Ольговича; «благодаря этому описанію, мы узнаемъ, что въ землѣ Вятичей было множество городовъ» (И. Д. Бѣляевъ).

По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, «русскіе князья, съ приближеніемъ зимы, выступаютъ изъ Кіева въ городки, Тиверцевъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ и другихъ Славянъ, зависящихъ отъ Руссовъ» (Неволинъ, — Пол. С. С.; VI, 321).

О городахъ Уличей и Тиверцевъ въ лѣтописи имѣется слѣдующее свидѣтельство: «Уличи, Тиверци съяху по Бугу и по Днѣпру, и присъяху къ Дунаеву; и бѣ множество ихъ, съяху бо по Бугу и по Днѣпру оли до моря, *суть города ихъ и до сего дне*» (П. С. Л.; I, 5).

Лѣтопись упоминаетъ только о двухъ сѣверянскихъ городахъ языческой эпохи, — Любечѣ и Черниговѣ, а сохранившіеся курганные могильники свидѣлствуютъ положительно о многихъ сѣверянскихъ городищахъ, какъ о памятникахъ городовъ Сѣверянской земли языческой эпохи. На основаніи изложенныхъ фактовъ, должно признать положительно рѣшеннымъ вопросъ о времени происхожденія сѣверянскихъ городовъ: сѣверянскіе города возникли одновременно съ появленіемъ Сѣверянъ въ областяхъ Десны, Сейма и Сулы.

2. Происхожденіе и значеніе городскихъ союзовъ.

По изложеннымъ фактамъ, союзы русскихъ городовъ возникали одновременно съ образованіемъ русскихъ городскихъ общинъ, племенъ и племенныхъ княженій слѣдующимъ способомъ. Партія колонистовъ, вышедши изъ своей прародины въ данную область, избирала мѣсто новаго поселенія, ограждала это мѣсто рвомъ, валомъ и полисадомъ, — превращала его въ городъ, въ значеніи укрѣпленной общественной селитбы. Съ дальнѣйшимъ ростомъ населенія городской общины, являлась необходимость увеличить размѣры прежняго укрѣпленія, рядомъ съ нимъ, при городѣ прежнемъ, старѣйшемъ, построить новое укрѣпленіе, — пригородъ стараго города¹⁾. Но когда мѣстныя условія

¹⁾ Отсюда во всѣхъ древнѣйшихъ городахъ Россіи были по два и по три города, какъ ихъ составныя части; напримѣръ, въ Новгородѣ внутренній и внѣшній

(островъ, мысь и пр.) не дозволяли построить пригородъ рядомъ со старымъ городомъ, а также, когда населеніе стараго города возрастало до такой степени, что прилегавшія къ нему поля становились недостаточными для прокормленія разросшагося населенія, то часть жителей выселялась въ мѣстность болѣе или менѣе удаленную отъ митрополіи. Выходцы изъ стараго города (если оставляли его не вслѣдствіе борьбы партій) выбирали новое мѣсто поселенія, какъ можно ближе къ митрополіи, чтобы, въ случаѣ нужды, найти защиту въ старѣйшемъ, болѣе многолюдномъ и болѣе сильномъ городѣ. Колонія, удалившаяся отъ митрополіи хотя бы только на 2—3 версты, ограждала мѣсто своего поселенія укрѣпленіемъ,—превращала его въ городъ, по отношенію къ старѣйшему городу называвшійся пригородомъ. Предгородья или пригороды, лежавшіе вблизи старѣйшаго города, и пригороды, удаленные отъ митрополіи на болѣе или менѣе значительное разстояніе, при общемъ ихъ происхожденіи отъ старѣйшаго города и общей нуждѣ въ его защитѣ, стояли къ нему въ положеніи младшихъ къ старшему, слабѣйшихъ къ сильнѣйшему,—зависѣли отъ старѣйшаго города въ политическомъ отношеніи. Эта зависимость выражена лѣтописцемъ словами: «Новгородцы бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть» (П. С. Л.; I, 160). Съ расширеніемъ населенія въ пригородъ, являлась необходимость образованія пригородовъ пригорода,—пригородковъ, подчиненныхъ центральному городу черезъ посредство своей митрополіи. Такъ возникали группы городовъ, связанныхъ общимъ подчиненіемъ старѣйшему или центральному городу племенной земли, составлявшихъ племенное государство.

Бездоказательна литературная теорія, по которой «всегда и вездѣ хутора предшествовали селеніямъ, а селенія городамъ», «предки наши строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ..., каждое семейство было маленькою, независимою республикою» (Ка-

городъ, въ Кіевѣ—старый Кіевъ и великій Кіевъ, въ Черниговѣ—внутренній и внѣшній города, въ Переяславлѣ—два города, во Владимірѣ—новый и печерный города, въ Москвѣ—бѣлый городъ, земляной городъ, деревянный городъ и китай городъ, и т. д. П. С. Л. I, 86, 87, 197; III, 144. То же явленіе наблюдается и въ исторіи древнѣйшихъ городовъ другихъ народовъ: напримѣръ, по свидѣтельству Страбона: „Въ древности Сиракузы состояли изъ пяти городовъ, на пространствѣ, обнесенномъ стѣною въ 180 стадій“. Географія; кн. VI, гл. II, § 4.

рамзинъ,—И. Г. Р.; т. I, с. 38, 43), «въ глубокой древности Славяне жили дворами» (Костомаровъ,—Вѣст. Ев. за 1870 г.; к. XI, с. 27), «первичное разселеніе Славянъ по русской странѣ проходило 3 ступени: хуторовъ, сель и погостовъ; народъ жилъ мелкими родами, разбросанно, въ разбивку и въ одиночку» (Леонтовичъ,—Сборн. Гос. Зн.; т. III, с. 24), «восточные Славяне разселялись разбросанными дворами» (Ключевскій,—Крат. Пос. по Рус. Ист.; с. 13)... Последователи этого ученія не указываютъ народовъ осѣдлаго состоянія, дѣйствительно подлежавшихъ историческому наблюденію на степени политической разрозненности семействъ въ обособленныхъ хижинахъ—дворахъ—хуторахъ.

Напротивъ, факты исторіи поселеній осѣдлыхъ народовъ Греціи, Италіи, Иберіи, Галліи, Британіи, Германіи, Ливоніи и другихъ древнихъ государствъ доказываютъ, что общежитіе всѣхъ древнихъ осѣдлыхъ народовъ, подобно общежитію племенъ русскихъ Славянъ, начиналось группою скученныхъ избъ, обведенныхъ общимъ для нихъ укрѣпленіемъ, то-есть городомъ въ древнемъ смыслѣ этого слова,—общиною, а не хуторомъ и семьею. Въ этомъ отношеніи исторія общежитія русскихъ Славянъ не представляетъ исключенія изъ общей исторіи древнихъ народовъ осѣдлаго состоянія¹⁾:

1. На низшей ступени культуры и гражданственности осѣдлыхъ народовъ область, занятая даннымъ земледѣльческимъ племенемъ, является заселенною только городскими общинами, состоящими въ полной политической разрозненности. Каждый городокъ съ прилежащимъ къ нему участкомъ земли составляетъ территорію автократической общины, управляемой общиннымъ собраніемъ и городскимъ начальникомъ, надъ которымъ нѣтъ высшей власти, кромѣ вѣча общины. Сколько городовъ въ области, занимаемой даннымъ племенемъ, столько и отдѣльныхъ государствъ, стоящихъ другъ къ другу въ полной политической независимости. У народовъ, живущихъ отдѣльными городами, частныя жилища (*cabane, aedificium, domus*) помѣщаются только внутри городскихъ укрѣпленій. При размноженіи населенія до степени, когда городское укрѣпленіе становится недостаточнымъ для вмѣщенія разросшагося общества, часть населенія города отдѣляется,

¹⁾ См. Варш. Унив. Извѣстія за 1887 г. №№ I, II и III. Статьи Д. Самоковсова: „Общества осѣдлыхъ народовъ“ и „Исторія городского общежитія древнихъ и дикихъ народовъ“.

выселяется и образует новый городъ, новую общину, новое государство, состоящее внѣ политической связи съ его метрополіей¹⁾.

2. На второй ступени область, занятая даннымъ племенемъ, представляетъ союзы или группы городовъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ бѣльшаго, центрального, главнаго города и меньшихъ городовъ (городъ и пригороды). Въ каждомъ городѣ имѣется свой городской начальникъ, а всѣ начальники меньшихъ городовъ (*principes*, князья, старшины) подчинены власти начальника всего племени, живущаго въ центральномъ городѣ (*rex*, царь, великій князь). На этой ступени вновь возникающія колоніи—города не отдѣляются отъ своей метрополіи въ политическомъ отношеніи, а остаются въ зависимости отъ нея, въ связи съ нею. Младшіе города подчинены старшимъ. Въ эпоху жизни племени въ союзахъ городовъ частныя жилища семействъ помѣщаются частію внутри городскихъ стѣнъ, частію внѣ ихъ, возлѣ укрѣпленія, на участкахъ земли, подлежащихъ обработкѣ семействъ и родовъ, составляющихъ городскую общину; но на этой ступени развитія городского общежитія осѣдлыхъ народовъ частное жилище семейства или рода (*cabane, aedificium, villa, domus*) еще не имѣетъ самостоятельнаго значенія; его существованіе обусловлено присутствіемъ города; гдѣ встрѣчаются частныя жилища, тамъ непременно долженъ быть и городъ, въ значеніи укрѣпленнаго центра жизни общины, средства охраны частныхъ жилищъ. При малѣйшей опасности, населеніе общины бросаетъ свои загородныя жилища и укрывается въ городахъ (тамъ-же).

¹⁾ На первой степени городской организаціи стояли въ историческое время многія племена; напримѣръ: „У племени Даха (занимавшаго во II в. до Р. X. область нынѣшняго Кабулистана) ведутъ осѣдлую жизнь..., не имѣютъ верховнаго государя, а каждый городъ имѣетъ своего правителя“; „правленіе Даньхуаньскаго владѣтеля въ городѣ Даньхуань; народонаселеніе его состоитъ изъ 27 семействъ, 194 душъ, войска 45 человекъ“; „Илау имѣетъ всѣ пять родовъ хлѣба..., государя не имѣютъ, а каждое поселеніе имѣетъ своего владѣтеля“; „Моха лежитъ отъ Гаоли на сѣверъ, въ каждомъ городѣ есть начальникъ, независимый отъ другихъ“; и т. д. „Свѣдѣнія о народахъ средней Азіи“,—Монаха Іакинфа; ч. II, изд. 1851 года, стр. 114; ч. III, стр. 8, 24, 55, 87 и др. „Въ древней Финикіи было множество городовъ; каждый финикійскій городъ управлялся собственнымъ царемъ“. Географія Страбона; кн. VI, гл. II, § 14; „Кипрійцы дѣлились въ древности на города, изъ которыхъ каждый повиновался особому тирану“; тамъ же; кн. XIV, гл. VI, § 6; въ Атикѣ до времени Кекропса „каждый городокъ имѣлъ своего собственного царя; сотня мелкихъ обществъ жили такимъ образомъ порознь, не зная между собою ни религіозной, ни политической связи, имѣя каждое свою землю, часто ведя войны съ сосѣдями“. Фюстель де Куланжъ, — „La cité antique“; кн. III, гл. 3.

3. На третьей ступени племенные союзы городовъ соединяются въ одно государство силою завоевателя. Государственное народонаселеніе распадается на классы: господствующій—военный и подвластный—земледѣльческій. Специальною задачею господствующаго класса военныхъ людей является охрана всей государственной территоріи и всего государственнаго народонаселенія отъ непріятеля. Подъ защитою военнаго класса земледѣльческое народонаселеніе государства получаетъ возможность жить въ поселеніяхъ открытыхъ, неукрѣпленныхъ, изолированныхъ отъ городовъ, вдали отъ нихъ. Земледѣльческое народонаселеніе государства разселяется по его территоріи. Древніе городки осѣдлыхъ, земледѣльческихъ общинъ становятся непугными, оставляются населеніемъ, превращаются въ городища. Възрѣвъ множества общинныхъ городковъ появляются населенные военными людьми города—крѣпости и пограничныя сторожевыя укрѣпленія, дающія возможность государственному народонаселенію центральныхъ областей жить въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ, изолированно отъ городовъ. На этой ступени являются всѣ завоевательныя государства осѣдлыхъ народовъ древняго міра и среднихъ вѣковъ и наше русское государство эпохи Рюриковичей (тамъ же).

До времени кievскаго князя Олега и его преемниковъ русскія племенные княженія, а въ числѣ ихъ и Сѣверянская земля, стояли на второй вышеуказанной ступени общежитія древнихъ осѣдлыхъ народовъ.

По вышензложеннымъ археологическимъ и историческимъ фактамъ, Сѣверянскую землю или Сѣверянское племенное княженіе языческой эпохи составляли три формы городскихъ общественныхъ союзовъ, связанныхъ общимъ подчиненіемъ старѣйшему городу Сѣверянской земли,—сначала Съдневу, а съ конца IX в. Чернигову: община—городъ, волость—союзъ городовъ, земля или племенное княженіе—союзъ городскихъ союзовъ.

Городскую общину составлялъ союзъ лицъ и семействъ, жившій въ укрѣпленномъ поселеніи, владѣвшій своимъ участкомъ земли и управлявшійся своимъ вѣчемъ и своимъ княземъ—старѣйшиною. Каждая община по дѣламъ своей внутренней жизни, касавшимся только ея членовъ, представляла автономное общество, имѣвшее свою власть, административную и судебную; а по дѣламъ вышнимъ, воен-

нымъ и судебнымъ (въ тяжбахъ между общинами), община является частью волости, подчиненною волостному центру и его властямъ.

Волость составляла группа городскихъ общинъ, имѣвшая свою область, свое вѣче и своего князя. Власть волости помѣщалась въ старѣйшемъ ея городѣ. Рѣшенія волостной власти были обязательны для всѣхъ городскихъ общинъ, составлявшихъ волость: «На чемъ старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть». Волость стояла къ землѣ въ такомъ отношеніи, въ какомъ городская община стояла къ волости.

Землю составляла группа волостей, владѣвшихъ общеою территоріею и связанныхъ общимъ подчиненіемъ власти вѣча и князя старѣйшаго города земли. Рѣшенія земской власти были обязательны для всѣхъ волостей, составлявшихъ землю, насколько они касались земской самообороны и отношеній между волостями и общинами.

Основная цѣль земскаго государственнаго союза, проникавшая и связывавшая всѣ его соціальныя формы, состояла въ соединеніи личныхъ силъ для народной самообороны. Отсюда рѣшеніе какой бы то ни было власти (земской, волостной, общиной) о войнѣ наступательной не могло имѣть обязательнаго характера для народа; внѣшнія войны имѣли свободный характеръ, подобный имущественнымъ предпріятіямъ; князь и всякій гражданинъ имѣли право предпринять внѣшнюю войну противъ всякаго народа, не связаннаго договоромъ съ ихъ отечествомъ, но военныя силы такого предпріятія составлялись изъ охотниковъ. Война оборонительная была обязательна для всего государственнаго населенія, для всѣхъ гражданъ способныхъ носить оружіе. Въ виду такой войны заранѣе опредѣлялись сигналы военной тревоги и пункты, въ которыхъ должны были собираться по данному сигналу способные защищаться оружіемъ. Въ виду народной самообороны населеніе волостей, способное защищаться оружіемъ, дѣлилось на сотни и тысячи, состоявшія подъ начальствомъ сотниковъ и тысяцкихъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи времени Владимира Святославича и древнѣйшихъ юридическихъ актахъ, какъ учрежденія старья, наследованныя издавна. Народъ, разбитый непріателемъ въ открытомъ полѣ, бѣжалъ въ города и защищался городскими стѣнами: въ 945 году «Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, собра вои многи и храбры, иде на

Деревьску землю; изидоша Деревляне противу; сънемшемъся объма полкома на скупь...; и побѣдиша Деревляны; *Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ*; Ольга же устремилася съ сыномъ своимъ въ Искоростѣнн градъ». (П. С. Л.; I, 25). Городская община, не надѣявшаяся на крѣпость своего города, оставляла его и искала защиты въ старѣйшемъ городѣ своей волости, или земли: «Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ..., пришедше ко Всеволожю полкы своими, и взяша Всеволожь градъ на щить, и ина въ немъ бѣста два города вошла; слышавше инии гради, Уненѣжь, Бѣлавѣжа, Бохтачь, оже Всеволожь взять, и побѣгоша Чернигову, *и инии гради мнози бѣжаша*» (тамъ же; II, 36).

Поясненіемъ военной организаціи древняго русскаго княженія могутъ служить сообщенія наблюдателей о народной самооборонѣ осѣдлыхъ народовъ, живущихъ нынѣ въ племенной социальной организаціи. Напримѣръ, англичанинъ Бекеръ, въ своемъ сочиненіи «Измаилія», характеризуетъ организацію африканскаго земледѣльческаго племени Барійцевъ слѣдующими чертами: племя владѣетъ опредѣленною областью; народонаселеніе живетъ въ укрѣпленныхъ поселеніяхъ; каждое поселеніе имѣетъ своего начальника, шеика (князя), избраннаго изъ членовъ наиболѣе богатой и знатной семьи; надъ шеиками возвышается власть главнаго шеика (великаго князя), выбираемаго изъ членовъ наиболѣе богатаго и знатнаго рода (Измаилія, с. 128, 140, 141; изд. 1875 г.). Ежедневно, раннимъ утромъ, незадолго до восхода солнца, въ каждомъ поселеніи раздается глухой звукъ барабана, принадлежащаго князьку—шеику, извѣстнымъ числомъ ударовъ извѣщающаго населеніе общины, что пора доить коровъ; когда это дѣло кончено, барабанъ бьетъ снова, извѣщая населеніе, что пора выходить на полевая работы и выгонять скотъ на пастбище; вечеромъ такимъ же сигналомъ народонаселеніе и скотъ созываются съ полей въ укрѣпленія поселеній¹⁾. Каждое поселеніе обнесено крѣпкою оградой изъ свай, тѣсно уставленныхъ одна возлѣ другой, до восьми футовъ вышины; входъ въ ограду только съ одной стороны»²⁾. Въ случаѣ военной тревоги

¹⁾ Ср. Тацита о Германцахъ; гл. XXX: „disponere diem, vallare noctem“.

²⁾ „Всѣ поселенія Барійцевъ“, говоритъ Бекеръ, „помѣщаются на возвышенностяхъ и отъ природы сильныхъ позиціяхъ, а сверхъ того, укрѣплены искусственно...; на этомъ пространствѣ было множество селеній, которыя всѣ были обнесены огра-“

барабанъ шеика призываетъ народонаселеніе къ оружію настолько характерными звуками, что слышавшій ихъ разъ никогда не забудеть; черезъ нѣсколько секундъ такіе звуки барабановъ раздаются во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ, и вѣсть о нападеніи непріятеля разносится по всей странѣ почти съ быстротою звука; народъ спѣшитъ укрыться и укрыть свой скоть въ поселеніяхъ, укрѣпленія которыхъ запираются, а всѣ способные защищаться оружіемъ собираются въ заранѣе назначенный пунктъ. Встрѣтивъ и поразивъ непріятеля, Барійцы преслѣдуютъ его, по возможности, до окончательнаго истребленія; въ случаѣ же пораженія непріятелемъ въ открытомъ полѣ, народъ разбѣгается по своимъ поселеніямъ и защищается при посредствѣ ихъ укрѣпленій» (с. 132 и слѣд. 150, 179 и слѣд.). Это союзы народной самообороны, тождественные съ союзами племенной самозащиты древнихъ Грековъ, Римлянъ, Кельтовъ, Германцевъ, Литовцевъ, Славянъ и Руссовъ¹⁾.

IV. Происхожденіе Сѣверянъ.

1. Постановка и значеніе вопроса.

Естественнымъ слѣдствіемъ вышеуказанныхъ рѣшеній вопросовъ о границахъ и волостяхъ Сѣверянской земли, была у меня постановка вопросовъ: откуда, когда и по какой причинѣ выселились Сѣверяне и построили первые русскіе города въ областяхъ рѣкъ Десны, Сейма и Сулы,—гдѣ лежало то государство, въ которомъ образовались русскій языкъ, русская религія и русское право, гдѣ сложился русскій народъ въ значеніи этнографическаго типа, обособленнаго отъ родственныхъ ему народовъ польскаго, чешскаго, сербскаго, болгарскаго?

Обращаясь за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ ученой литературѣ, я нашель, что ученые юристы, историки и лингвисты, не рѣшая вопроса о происхожденіи племенъ русскихъ Славянъ, въ сво-

дами". Къ этому мѣсту „Измаилія“ приложенъ ландшафтъ, съ изображеніемъ пяти барійскихъ поселеній, по ихъ расположенію, устройству и величинѣ совершенно сходныхъ съ нашими городищами древней формы. Измаилія. стр. 132, 150, 179.

¹⁾ См. Варш. Унив. Извѣстія. 1887 г. №№ 1 и 2. Ст. Д. Самоковскаго: „Общества осѣдлыхъ народовъ“.

ихъ ученіяхъ о ихъ бытѣ сто лѣтъ повторяли сказку о разрозненности дворовъ, родовъ и общинъ русскихъ Славянъ до рюриковской эпохи; но какимъ же образомъ, при политической разрозненности дворовъ, родовъ и общинъ племени русскихъ Славянъ говорили однимъ русскимъ языкомъ и сохранили этотъ языкъ до времени политическаго ихъ объединенія подъ завоевательною властью Кіевскихъ князей X-го вѣка?

Лѣтописецъ говоритъ о политической розни не дворовъ, родовъ и общинъ русскаго народа, а двѣнадцати племенъ; не смотря однако же на эту племенную рознь, «русскій языкъ бѣ имъ единъ» (П. С. Л.; I, 5, 12); «какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи русскій народъ представляетъ единое цѣлое... Если есть полное основаніе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то о единствѣ древне-русскаго языка, напр. XI вѣка, когда различіе между русскими говорами не было сколько нибудь значительно, не можетъ быть даже и вопроса» (А. И. Соболевскій, — «Лекціи по ист. рус. языка», стр. 1—3; изд. 1891 г.)

Если же въ IX—XI столѣтіяхъ 12 русскихъ племенъ, жившихъ въ политической и географической разрозненности, говорили однимъ русскимъ языкомъ, то несомнѣнно было въ исторіи обширное и многолюдное государство, въ которомъ возникъ русскій языкъ, русскій народъ,—была прародина русскаго народа, изъ которой вышли колонисты, образовавшіе племена Сѣверянъ, Полянъ, Древлянъ и др., говорившіе въ новыхъ родинахъ языкомъ своей прародины.

Гдѣ-же помѣщалось это государство,—прародина русскаго языка и народа?

По этому вопросу въ новѣйшемъ археологическомъ изданіи, во второмъ выпускѣ «Древностей Приднѣпровья» Б. И. Ханенко, находимъ слѣдующій отвѣтъ: «Кто были Скиѣы и куда они потомъ исчезли? Объ этомъ существуютъ разныя мнѣнія, одни считаютъ ихъ въ родствѣ съ Готами, другіе со Славянами. Наиболѣе основательнымъ представляется мнѣніе проф. Самоквасова; по его заключенію, Скиѣы были Славянами, только въ ранней стадіи этнографическаго развитія... По мнѣнію проф. Нидерле, Европейское отечество Славянъ было въ Закарпатѣ, гдѣ они жили еще въ каменномъ вѣкѣ» (с. 4).

Въ пятомъ выпускѣ того же изданія говорится: «Когда именно

и откуда явились въ Приднѣпровьѣ Славяне,—неизвѣстно; изъ разныхъ мнѣній по сему вопросу самымъ основательнымъ представляется предположеніе, что Славяне были народомъ, населявшимъ издавна Приднѣпровье и извѣстнымъ въ древности подъ именемъ Скивовъ, пахарей и земледѣльцевъ. Означенное заключеніе основывается на нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствахъ (Геродотъ, Иорнандъ и др.); въ VI в. Иорнандъ упоминаетъ уже о Славянахъ, говоря, что «Славвины» были народомъ скиѣскимъ. Пр. Нидерле полагаетъ, что родиной Славянъ въ Европѣ было Закарпатье» (2).

Неужели же редакція почтеннаго изданія серьезно находитъ мало мальски вѣроятнымъ предположеніе г. Нидерле о происхожденіи Славянъ отъ какого-то народа каменной эпохи, жившаго въ Закарпатьѣ, при чемъ даже неизвѣстно, какое Закарпатье разумѣтъ ученіе г. Нидерле? Археологіи извѣстно, что ни въ какомъ Закарпатьѣ скито-сарматскихъ могилъ не имѣется; во всѣхъ прикарпатскихъ областяхъ надъ могилами неизвѣстныхъ народовъ каменной культуры непосредственно лежитъ слой могильниковъ пришлаго населенія, съ бытовыми издѣліями римскаго искусства императорской эпохи, подобныхъ могильнику подъ Масловымъ въ Силезіи (см. Могилы Рус. Земли, с. 169 и слѣд.).

Одного этого факта достаточно для признанія предположенія г. Нидерле о происхожденіи Славянъ отъ какого то закарпатскаго народа эпохи каменной культуры совершенно невѣроятнымъ; но это предположеніе, сверхъ того, не находитъ ни малѣйшихъ оправданій въ древнихъ историко-географическихъ свидѣтельствахъ.

Издавна, но также бездоказательно, повторяется въ нашей ученой литературѣ ученіе о Скалаунской возвышенности,—области верхняго теченія Западной Двины, Волги и Днѣпра,—какъ прародинѣ Славянъ и Руссовъ; въ пользу этого ученія не имѣется ни одного историческаго свидѣтельства; а сверхъ того, повторяющимъ это ученіе остается неизвѣстнымъ фактъ, доказанный археологическими раскопками послѣднихъ десятилѣтій, по которому въ наслоеніи могилъ областей, лежащихъ сѣвернѣе области Десны на восточной сторонѣ Днѣпра и Припети на западной его сторонѣ, непосредственно надъ могилами каменной культуры лежитъ слой могилъ высоко развитой желѣзной культуры, и этотъ слой датированъ монетами VIII—X столѣтій; не имѣется здѣсь могилъ, которыя сви-

дѣтельствовали бы о заселеніи областей верхняго теченія Западной Двины, Волги и Днѣпра въ бронзовую и древнѣйшіе періоды желѣзной культуры, соотвѣтствующіе періодамъ скито-сарматской эпохи въ южной Россіи; слой могилъ желѣзной культуры въ предѣлахъ областей русскихъ Славянъ, и въ частности Кривичей Смоленскихъ, занимавшихъ области верхняго теченія Западной Двины, Волги и Днѣпра, по археологическимъ фактамъ, несомнѣнно принадлежитъ новому, пришлому народонаселенію.

Археологическій матеріалъ по этому вопросу даетъ слѣдующіе факты.

Въ предѣлахъ владѣній Славянъ ильменскихъ были произведены раскопки множества могилъ Ивановскимъ и Бранденбургомъ, и найдены въ нихъ издѣлія и монеты не древнѣе VII в.; въ областяхъ южнаго Приладожья были найдены болѣе 50 монетъ; изъ нихъ двѣ древнѣйшія—аббасидскія VIII в.; всѣ остальные восточныя, западныя и византійскія IX—XI ст.

Въ предѣлахъ земли древнихъ Кривичей раскопки многихъ древнихъ могильниковъ были произведены гр. Уваровымъ, Кушчинскимъ, Сизовымъ, Соколовымъ, Криштафовичемъ, Горбачевымъ и Чернышевымъ, и найдены въ нихъ издѣлія не древнѣе VII в. съ монетами VIII—XII ст.

Въ предѣлахъ земли древнихъ Вятичей многочисленныя раскопки были произведены экспедиціей проф. Богданова и гг. Булычевымъ, Яременко, Четыркинымъ, Селивановымъ, Керцелли, Городцовымъ, Зографомъ и др.,—въ предѣлахъ губерній Московской, Рязанской, Тульской, Калужской и Орловской,—но нигдѣ не было найдено ни бытовыхъ издѣлій, ни монетъ древнѣе VII в.; древнѣйшія изъ найденныхъ монетъ восточныя, —относятся къ VIII и IX в., позднѣйшія, —восточныя и западныя IX—XII ст.

Въ предѣлахъ земли древнихъ Радимичей и Дреговичей многочисленныя раскопки были произведены гр. Тышкевичемъ, проф. Завитневичемъ, г. Сопочко и др., и въ раскопанныхъ могильникахъ были найдены бытовыя издѣлія и монеты не древнѣе XVIII ст.

Въ предѣлахъ земель древнихъ Полянъ, Древлянъ и Вольнянъ множество древнихъ могилъ было раскопано гр. Бобринскимъ, Антоновичемъ, Мельникъ, Бранденбургомъ, Бѣляшевскимъ, Гамченко, Баторевичемъ, Авенариусомъ и др.; эти раскопки показали, что съ-

вернѣ области р. Припети не встрѣчается могиль съ издѣліями и монетами древнѣ VIII ст.; а ниже этой области повсемѣстно встрѣчаются могилы предшествовавшихъ столѣтій, съ издѣліями ассирійскаго, греческаго и римскаго искусства съ VII в. до Р. Х. по VII в. послѣ Р. Х., не встрѣчающіяся въ могилахъ областей русскихъ племенъ языческой эпохи, содержащихъ бытовыя издѣлія и монеты VIII—XI ст.

Раскопки въ предѣлахъ Сѣверянской земли показали, что въ областяхъ Десны и Сейма, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ племень русскихъ Славянъ, не имѣется могиль содержащихъ бытовыя издѣлія и монеты съ VII в. до Р. Х. по VII в. послѣ Р. Х.; во всѣхъ группахъ городищъ, составлявшихъ сѣверянскія волости по Деснѣ и Сейму, встрѣчаются языческіе могильники, содержащіе только бытовыя издѣлія позднѣйшаго періода желѣзной культуры,—VIII—XI ст.

Слѣдовательно, населеніе русскихъ земель VIII—X ст. выселилось на побережья рѣкъ Десны, Сейма, Припети и верхнихъ теченій западной Двины, Волги и Днѣпра и принесло сюда русскій языкъ изъ такого государства, гдѣ обращались восточныя монеты, составляющія содержаніе русскихъ кладовъ и могиль VIII—X столѣтій. Гдѣ же помѣщалось это государство,—прародина русскаго народа? Нельзя дать фактическаго отвѣта на этотъ вопросъ безъ предварительнаго рѣшенія вопроса о прародинѣ и предкахъ славянскаго народа; русскій народъ представляетъ собою этнографическое выдѣленіе изъ славянскаго народа, а потому вопросъ о происхожденіи русскаго народа, и въ частности племени Сѣверянъ, неразрывно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи Славянъ,—о прародинѣ и предкахъ Руссовъ, Поляковъ, Болгаръ, Сербовъ, Чеховъ и всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ.

Происхожденіемъ народа называется процессъ образованія этнографическихъ признаковъ,—языка, религіи, права,—которыми данный новый народъ отличается отъ другихъ народовъ родственнаго и неродственнаго происхожденія. Напримѣръ, въ области западной Европы, лежащей между Рейномъ, Нѣмецкимъ моремъ, Эльбою и Альпами, въ старину жилъ народъ, именуемый Геродотомъ Кельтоскитами, у Римлянъ эпохи консульства Марія—Кимврами и Тевтонами, а въ эпоху Юлія Цезаря и Тацита—Германцами. Этотъ народъ, по свидѣльствамъ Юлія Цезаря и Тацита, говорившій однимъ язы-

комъ, имѣвшій одну религію и одно право, нынѣ составляетъ многіе новые народы, говорящіе новыми германскими языками. Эти новые германскіе народы возникли слѣдующимъ образомъ.

Въ V в. по Р. Х. германское племя Англо-саксы, подъ предводительствомъ Генгиста и Горзы, выселилось на Британскіе острова, завоевало мѣстное народонаселеніе кельтическаго происхожденія и образовало новое государство Англію, гдѣ въ послѣдующія столѣтія возникъ новый этнографическій типъ, новый англійскій народъ, говорящій особымъ языкомъ, непонятнымъ для Нѣмцевъ. Точно также германское племя Франки, подъ предводительствомъ Клодвига, выселилось въ Галлію, образовало тамъ новое государство Францію и новый народъ, говорящій французскимъ языкомъ и имѣющій особое французское право. Такимъ же способомъ германское племя Свевовъ, выселившееся на Скандинавскіе полуострова завоевало тамъ мѣстныя дикія племена, подобныя Далекарлійцамъ, основало новые государства Данію, Швецію и Норвегію и образовало въ нихъ новые германскіе народы, говорящіе новыми нарѣчіями германскаго языка, датскимъ, шведскимъ и норвежскимъ. Германцы, оставшіеся на материкѣ, съ теченіемъ времени также измѣнили свой древній языкъ и свои древнія религію и право. Въ настоящее время Нѣмцы прародины германскихъ народовъ и новыя германскія этнографическія образованія на западѣ и сѣверѣ Европы являются обособленными другъ отъ друга этнографически, говорятъ на языкахъ непонятныхъ другъ для друга.

Такимъ образомъ всѣ народы нашего времени германскаго происхожденія знаютъ своихъ предковъ и свою прародину, а потому учебники исторіи всѣхъ германскихъ народовъ начинаютъ исторію своего народа изложеніемъ свидѣтельствъ Юлія Цезаря и Тацита о бытѣ древнихъ германцевъ въ границахъ между Рейномъ, Нѣмецкимъ моремъ, Эльбою и Альпами

Подобно Германцамъ западной Европы, Славяне восточной Европы должны были имѣть прародину и предковъ; но прародина и предки Славянъ неизвѣстны историкамъ нашего времени.

Археологическія раскопки послѣднихъ десятилѣтій въ области Приднѣпровья разсѣяли туманъ, покрывавшій начальные періоды русской исторіи и исторіи русскаго права со времени Беера и Шлецера и освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ прародину и предковъ Славянъ и Русовъ, а въ числѣ русскихъ племенъ и племени Сѣверянъ.

Опредѣливъ раскопками 1872—1875 гг. границы и волости Сѣверянской земли въ областяхъ Десны и Сейма, я передвинулъ въ 1876 году мои изслѣдованія въ область р. Сулы, послѣдней изъ рѣкъ, указанныхъ лѣтописью въ предѣлахъ Сѣверянской земли. Въ Посулѣ я встрѣтилъ уже не однородные могильники, какъ въ Подесенѣ и Посемѣ, а разнородные, существенно отличавшіеся другъ отъ друга устройствомъ и содержаніемъ, принадлежавшихъ разнымъ народамъ и разнымъ историческимъ эпохамъ. Одни изъ нихъ были совершенно сходны съ сѣверянскими могилами кургановъ Черниговскихъ, Сѣдневскихъ, Стародубскихъ, Переяславскихъ, Воргольскихъ и др.; другіе относились ко времени сѣверянскихъ могилъ, но не принадлежали Сѣверянамъ; сюда принадлежатъ два Глинскихъ могильника, датированныхъ диргеомъ X в., сходныхъ по устройству и содержанію съ Бѣлогорскимъ и Миропольскимъ курганными могильниками, датированными западною монетою X в.; къ нимъ принадлежитъ и могильникъ Лохвицкаго уѣзда, о которомъ я получилъ отъ В. А. Городцова, хранителя Имп. Рос. Ист. Музея слѣдующую справку: «Заинтересовавшая Васъ коллекція поступила въ Историческій Музей отъ Н. Н. Стороженко, происходитъ изъ 7 кургановъ, раскопанныхъ въ урочищѣ Оснягъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Найденная въ одномъ курганѣ золотая монета Іоанна Цимисхія 969—976 г. по Р. Х.» Рядомъ съ такими могильниками, я встрѣтилъ въ области Сулы множество могилъ историческихъ эпохъ, предшествовавшихъ образованію разрозненныхъ русскихъ племенныхъ княженій, заключающихъ въ себѣ бытовой матеріалъ, въ которомъ ясно выражается искусство Ассирійскаго царства VII в. до Р. Х., греческаго первыхъ столѣтій до Р. Х. и римскаго императорской эпохи. Количество могильниковъ этого содержанія въ областяхъ Сулы, Псла и Ворсклы громадно. Достаточно сказать, что въ предѣлахъ Роменскаго у., на правомъ берегу Сулы я встрѣтилъ почти непрерывный курганный могильникъ, тянувшійся на протяженіи 50 верстъ, отъ с. Волховцы до с. Волошинова, несомнѣнно родственныи сѣверянскимъ могильникамъ, но бытовые предметы котораго принадлежали глубокой древности и давали возможность установить фактически родство между Сѣверянами послѣднихъ столѣтій язычества и древними скито-сарматскими народами, населявшими южную Россію со времени образованія Сколотскаго царства въ VII в. до Р. Х. до времени образованія въ южной Россіи Козарскаго царства VII в. по Р. Х.

Это открытіе, которому я придавалъ величайшую научную важность, побудило меня къ многолѣтнимъ археологическимъ раскопкамъ въ разныхъ мѣстностяхъ южной Россіи, лежавшихъ между Чернымъ моремъ и областями р.р. Десны, Сейма и Сулы, съ одной стороны, и между областью р. Вислы и областью р. Терека съ другой. Мои раскопки виѣ предѣловъ Сѣверянской земли, въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ Бессарабіи, въ губерніяхъ Кіевской и Екатеринославской, въ области Пятигорья и Владикавказскомъ округѣ имѣли своею задачею сравненіе устройства и содержанія могильниковъ Сѣверянской земли съ могильниками мѣстностей, въ которыхъ, по историческимъ свидѣтельствамъ, въ первыя столѣтія до и послѣ Р. Х. несомнѣнно обитали Скиты-Сколоты, Скиты-Сарматы, Россалане, Геты, Склавины, Анты, Лахи, Россы, Козары и Руссы.

Сравненіе археологическаго матеріала, добытаго мною лично и другими лицами въ могильникахъ разныхъ мѣстностей и народовъ, при помощи изученія географическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній, къ нимъ относящихся, дало мнѣ возможность фактически убѣдиться въ томъ, что древняя Скитія южной Россіи была прародиною славянскихъ народовъ, а древнее государство Россолянъ или Россовъ, лежавшее надъ днѣпровскими порогами, въ предѣлахъ современныхъ губерній Кіевской и Полтавской и южныхъ уѣздовъ губерній Черниговской и Курской, было прародиною Русскаго народа.

2. Прародина и предки Славянь.

Подобно племенамъ древнихъ Кимвровъ и Тевтоновъ, неимѣвшимъ общаго домашняго этнографическаго имени, а получившихъ имя Германцевъ отъ Римлянъ, русскія племена языческой эпохи не знали общаго этнографическаго имени Славянь, а именованъ Руссовъ стали именоваться только со времени объединенія подъ завоевательною властью Кіевскихъ князей Рюрикава рода. Но въ X ст. имя Руси имѣло не этнографическое а политическое значеніе; по лѣтописи: «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ русскимъ; бѣша у него *Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью*» (П. С. Л. I, 10). Послы князей Олега и Игоря, не смотря на различіе ихъ національности, говорятъ Грекамъ: «*Мы*

отъ рода русскаго сѣли и госте, посланіи отъ Игоря великаго князя русскаго, и отъ всякаго княжя, и отъ всѣхъ людей русскія земли» (тамъ-же с. 21, 22, 28).

Общее этнографическое именованіе русскихъ племенъ Славянами входитъ въ употребленіе только со времени Нестора, который въ безгодномъ введеніи къ хронологической части своего лѣтописнаго свода отвѣчаетъ на слѣдующій вопросъ: «Откуда есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть» (с. 1). Въ своемъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ лѣтописецъ утверждаетъ положительно, что русская земля пошла изъ земли дунайской, изъ областей, гдѣ въ его время были государства Болгарское и Венгерское. Здѣсь Славяне поселились очень давно и отсюда часть ихъ выселилась на р. Мораву, гдѣ одно племя назвалось Моравами, а другое Чехами; отъ тѣхъ же дунайскихъ Славянъ произошли Бѣлые Хорваты, Сербы и Хорутане. А когда Волохи завоевали славянскую прародину, поселились въ ней и стали притѣснять Славянъ, то часть Праславянъ вышла на р. Вислу и назвалась тамъ Ляхами, а отъ этихъ Ляховъ произошли Поляки, Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Отъ тѣхъ же дунайскихъ Славянъ, говоритъ Несторъ, вышли Славяне въ разныя области русской земли и назвались разными именами, по различію мѣстъ жительства: одни поселились по Днѣпру и назвались Полянами, а другіе Древлянами, потому что поселились въ лѣсахъ; другіе поселились между Припетью и Двиною и назвались Дреговичами; иные сѣли на Двинѣ и назвались Полочанами, отъ рѣчки Полоты, впадающей въ Двину; такіе же Славяне поселились возлѣ озера Ильменя,—эти сохранили старое свое имя Славянъ; иные сѣли по Деснѣ, по Сейму и по Сулѣ и назвались Сѣверянами. Такъ расселился славянскій народъ, именемъ котораго и грамота называется славянскою (Н. С. Л.; I, 3). Вотъ только славянскій языкъ въ Русской землѣ, добавляетъ Несторъ: Поляне, Древляне, Новгородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, поселившіеся по Бугу, названные послѣ Волянине, а всѣ другіе народы, платящіе дань Руси, говорятъ своими особыми языками (с. 10).

Когда Славяне жили на Дунаѣ, говоритъ лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ, то пришли отъ Скуѳовъ, именуемыхъ Козарами, такъ называемые Болгаре и сѣли по Дунаю, занявъ славянскую землю; послѣ того пришли Бѣлые Угры и наслѣдили ту же славянскую землю (с. 5).

Угры шли съ востока мимо Кіева, пришли къ Днѣпру и стали вежами, потому что они кочевали подобно Половцамъ; а пришедши на Дунай, стали тамъ воевать Волоховъ и Славянь; прежде другихъ жили здѣсь Славяне, а Волохи завоевали славянскую землю, а потомъ уже Угры прогнали Волоховъ и поселились вмѣстѣ со Славянами, покоривши ихъ, и съ того времени славянская земля стала называться Венгерскою. У Славянь дунайскихъ учителемъ былъ апостоль Павель, а отъ этого славянскаго языка происходимъ и мы, русскій народъ, потому что славянскій и русскій языкъ одинъ, со времени Варяговъ мы стали называться русскими, а прежде были Славянами; мы называемся и Полянами, а говоримъ славянскимъ языкомъ; Полянами мы называемся по той причинѣ, что поселились въ поляхъ, а языкъ славянскій у насъ одинъ (стр. 10—12).

Такимъ образомъ, лѣтописецъ убѣждаетъ своихъ современниковъ, что хотя русскія племена въ разныхъ мѣстахъ называются разными именами, но всѣ племена говорятъ однимъ славянскимъ языкомъ, вышли изъ одной дунайской славянской прародины, получили оттуда священныя книги на славянскомъ языкѣ, а потому всѣ русскія племена должны называться Славянами.

Слѣдовательно, именованія племенъ русскихъ Славянь Руссами въ политическомъ значеніи и Славянами въ значеніи этнографическомъ новаго происхожденія. Какъ же назывались въ европейской исторіи племена русскаго народа до времени появленія общихъ именъ,—Руссы и Славяне. Несторъ даетъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ: онъ два раза перечисляетъ русскія племена и заканчиваетъ эти перечни такими словами: «Да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуоъ» (стр. 5); «си вси звахуться Великая Скуоъ» (с. 12).

Скуоами Несторъ называлъ Скитовъ, по свидѣтельствамъ греческихъ историковъ и географовъ, занимавшихъ области, лежавшія надъ Чернымъ моремъ между Дономъ и Дунаемъ со времени образованія въ нихъ царства Сколотовъ до времени объединенія племенъ русскихъ Славянь подъ властью кіевскихъ князей Рюрикава рода.

Согласно съ свидѣтельствомъ Нестора, я встрѣтилъ у греческихъ историковъ и географовъ много прямыхъ указаній на европейскую Скитію эпохи Геродота, какъ на прародину Славянь.

Левъ Діаконъ Калойскій, византійскій лѣтописецъ, столѣтіемъ древнѣе Нестора, Русскую землю называетъ Скитіей, шестидесяти-

тысячное русское войско именуется Скитами, лодки, одежду, вооружение и оружие Руссовъ, русскія вѣрованія и русскій языкъ называетъ скитскими¹⁾ и самаго Святослава Игоревича именуется Скитомъ²⁾; а за описаніемъ сраженія подъ Дористоломъ говоритъ: «Съ наступленіемъ лунной ночи Скиты вышли въ поле, собрали трупы своихъ къ городской стѣнѣ и сожгли ихъ на сложенныхъ кострахъ...; уважая эллинскія таинства, которымъ они научились или отъ философовъ своихъ Анахарсиса и Замолксиса, или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліанія» (кн. IX, г. VI). Анахарсисъ же былъ мудрецъ Скитовъ-Сколотовъ, занимавшихъ въ эпоху Геродота надипонтійскія области, а Замолксисъ былъ обоготворенный мудрецъ Скитовъ-Гетовъ, занимавшихъ придунайскія области, — «древнюю Скитію» Геродота.

Еще столѣтіемъ ранѣе патріархъ Фотій и лѣтописецъ Георгій Амартоль, опредѣляя народность непріятели, осадившаго Константинополь при Михаилѣ III, называютъ его «Руссами, народомъ скитскаго происхожденія», а по свидѣтельству епископа Никиты, «народъ, скитскаго языка, по имени Россы, пришедши отъ Евксинскаго моря, опустошилъ на своемъ пути всѣ области и монастыри»³⁾.

Землеписецъ Равенскій, писавшій около 886 г., перечисляя европейскія страши, называетъ Скитію прародиною Славянъ: «*Sexta ut ora noctis Scytharum est patria, unde Sclavinorum exorta est*»⁴⁾.

Въ VI вѣкѣ Іорданъ дѣлитъ варварскую Европу на двѣ части, — Германію и Скитію; въ Скитіи онъ помѣщаетъ многолюдный народъ венетскій, по различію племенъ и поселеній, называвшійся различными именами, по преимущественно Склавинами и Антами⁵⁾.

Прискъ Панійскій, лично наблюдавшій населеніе областей V-го вѣка, лежавшихъ надъ нижнимъ теченіемъ Дуная и составлявшихъ «древнюю Скитію», нашелъ эту страну населенною наро-

¹⁾ Лев. Д. Кал.; кн. IV, гл. 6, 10; кн. V, гл. 1; кн. VI, гл. 6, 8, 11; кн. VIII, гл. 5—7, 8, 10; кн. IX, гл. 2, 6, 8—10.

²⁾ Тамъ-же; кн. VI, гл. 7: «Ἰωάννης δὲ ὁ αὐτοκράτωρ τὰς τοιαύτας ἀποκρίσεις τοῦ Σχόβου δεξάμενος»...

³⁾ Житіе патріарха Игнатія, по изданію Пагія (ad Baron. Annal.), стр. 554. Ср. Стриттера *Memoriae populorum*; т. II, стр. 958. Cedrinus: «ἔθνος δὲ οἱ Ρῶς Σχυθινόν τε καὶ ἄγριον». Zonaras: «Τὸ δ' ἔθνος τῶν Ρῶς, Σχυθικόν ἐν, τῶν περὶ τὸν Ταύρον ἔθνων»...

⁴⁾ См. у Шафарика: Слав. Древ.; т. II, кн. IV; прил., стр. 56.

⁵⁾ Jordanis: *De goetharum origine*; гл. III и V.

домъ, говорившимъ скитскимъ языкомъ, и сохранилъ три слова этого языка: medos—название наитка, замѣнявшаго вино, samon—название наитка, приготовлявшагося изъ ячменя, и strava—название тризны, погребальнаго стола на могилѣ покойника; «эти слова до сихъ поръ существуютъ въ славянскихъ нарѣчійхъ и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ Гетикѣ или Скитиѣ половины V вѣка, называемый Прискомъ скитскимъ языкомъ, былъ языкъ славянскій»¹⁾).

Вышеизложенныя историческія свидѣтельства не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что классическіе и средневѣковые историки именovali Скитами народы славянскаго происхожденія.

Сравненіе этнографіи древнихъ Скитовъ—Сколотовъ и Славянъ послѣднихъ столѣтій язычества даетъ слѣдующіе факты.

Въ религіи Скитовъ эпохи Геродота и русскихъ Славянъ эпохи язычества много общаго. Геродотовы Скиты и Руссы послѣднихъ столѣтій язычества поклонялись огню, небу, землѣ, солнцу, лунѣ и богамъ борьбы съ природою и людьми²⁾; не имѣли храмовъ, за исключеніемъ Арея, бога войны, поклонялись своимъ богамъ только посредствомъ жертвоприношеній³⁾; имѣли многочисленный классъ гадателей—знахарей—волхвовъ—кудесниковъ, прорицаніймъ которыхъ безусловно повиновались, такъ какъ, по народнымъ вѣрованіямъ, гадатели владѣли способностью узнавать волю боговъ⁴⁾).

¹⁾ Дестунисъ,—„Сказ. Приска Пан.“,—1860 г., стр. 46, 50. Дриновъ,—„Зас. Балк. пол. Славянами“,—1873 г., с. 68, 69.

²⁾ По Геродоту, Скиты поклонялись: Гистіи, Зевсу, Геѣ, Аполлону, Афродитѣ—Ураніи, Гераклу и Арею; кн. IV, гл. 59. Тѣхъ же боговъ, подъ именами Сварога, Дажь-бога, Хорса, Матери-сырой земли, Волоса, Перуна и Егорія Храбраго, почитали русскія племена въ эпоху язычества. См. Бестужева-Рюмина: Русская исторія; т. I, гл. I, стр. 11—16; изд. 1872.

³⁾ „Скиты не имѣютъ обыкновенія ставить божествамъ кумиры, алтари и храмы, за исключеніемъ Арея“... Геродотъ; кн. IV, гл. 59 и 62.—„Были ли у насъ храмы? Лѣтописецъ о храмахъ у Русскихъ Славянъ не упоминаетъ“. Бестужевъ-Рюминъ: Русская исторія; т. I, стр. 31. „Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стояше Перуны“... П. С. Р. Л.; I; стр. 23; см. еще стр. 34, 50; годы: 945, 980, 988.

⁴⁾ „Гадателей у Скитовъ много.. Въ случаѣ болѣзни скитскій царь приглашаетъ трехъ наиболее знаменитыхъ гадателей“... Геродотъ; кн. IV, гл. 67 и 68.—„Что касается до волхвовъ (у Славянъ), то это были гадатели, но никакъ не жрецы“. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 22. „Есть у Славянъ изъ среды ихъ врачи, имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ, что ни вздумается: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ, не исполнить его приказанія нельзя никакимъ образомъ“. „Сказанія о Славанахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста“, изд. Д. А. Хволь-

Описывая скитскія жертвоприношенія, Геродотъ говоритъ: «Способъ жертвоприношенія у всѣхъ Скитовъ для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ же, и состоитъ въ слѣдующемъ: «Ставится жертвенное животное со связанными передними ногами, а позади его стоящій жертвоприноситель тянетъ къ себѣ конецъ веревки и такимъ образомъ опрокидываетъ животное на землю. Пока животное падаетъ, жертвоприноситель взываетъ къ тому божеству, въ честь котораго совершается жертва; затѣмъ накидываетъ петлю на шею животного, поворачиваетъ кругомъ вложенную въ петлю палку и удавливаетъ животное» (кн. IV, г. 60). Эти способы опрокидывать и удавливать (накрутка) крупныхъ домашнихъ животныхъ до сихъ поръ практикуются въ Малороссіи мѣстными коновалами и крестьянами.

Къ области религіи древнихъ языческихъ народовъ принадлежали погребальныя обычаи. Древніе индоевропейскіе народы хоронили мертвыхъ при обычаяхъ и обрядахъ, по отношенію къ которымъ они являются особенно консервативными; а особый консерватизмъ въ этой области древняго права былъ слѣдствіемъ вѣрованія, что всякое уклоненіе отъ установленныхъ издавна погребальныхъ обычаевъ и обрядовъ, могло отразиться на благополучіи будущей жизни мертвеца и вызвать съ его стороны мщеніе оставшимся въ живыхъ родственникамъ. Благодаря консерватизму погребальнаго права, скитскіе обычаи погребенія покойниковъ долго сохранялись Славянами, а отчасти соблюдаются и въ настоящее время.

По Геродоту, тѣло умершаго скитскаго царя бальзамировали, а потомъ везли на колесницѣ по землямъ народовъ, состоявшихъ подъ властью царя, до земли Герровъ, въ которой находилось кладбище царей. Скитскіе народы, встрѣчавшіе трупъ царя, «отрѣзывали себѣ часть уха, обрѣзывали кругомъ волосы, дѣлали себѣ на рукахъ порѣзы, царапали лобъ и носъ и лѣвую руку прокалывали стрѣлами» (кн. IV, г. 71). По свидѣтельству Ибнъ-Даста, славянскія женщины, когда случится у нихъ покойникъ, «царапаютъ себѣ ножомъ руки и лица»¹⁾. Въ «Житіи князя Константина Муромскаго» говорится: Когда князь Константинъ похоронилъ тѣло усопшаго сына своего

сона, — 1869 г.; гл. VI, § 9, стр. 38. — Ср. П. С. Р. Д.; т. I, стр. 16, 75—78; годы 912, 1071.

¹⁾ См. Хвольсона: „Извѣстія Ибнъ-Даста о Слав. и Русскихъ“; стр. 29. — Гаркави: „Сказ. Мусулм. Писат.“, стр. 264.

Михаила по христiанскому обычаю, то «невѣрные люди, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе... ни тризница не дѣяху, ни битвы, ни кожикроенія не творяшеса, ни лицедрапія, ни плача безмѣрнаго, и о томъ безумніи ругахуся»¹⁾.

По Геродоту, въ обширной четырехугольной могильной ямѣ клали трунъ скитскаго царя, а возлѣ него хоронили одну изъ его женщинъ, предварительно задушивши ее, а также виночерпія, повара, конюха, слугу, вѣстника (к. IV, г. 71). «Славяне, говоритъ славянская хроника, сожигаютъ тѣла своихъ государей, а вмѣстѣ съ ними сожигаютъ рабовъ обоюгаго пола, ихъ женъ и всѣхъ тѣхъ, которые находятся при особѣ государя: секретаря, визиря, любимца и лекаря»²⁾.

По Геродоту, надъ могилою Скиты устраивали земляную насыпь, прилагая старанія къ тому, чтобъ она вышла какъ можно больше; по прошествіи года, Скиты справляли помипки покойнаго царя на его могилѣ, принося ему въ жертву 50 юношей и лошадей (к. IV, г. 72). По свидѣтельству Ибнъ-Даста, «Славяне черезъ годъ по смерти покойника» поминали его «на могильномъ холмѣ» тризною, глядя по средствамъ родственниковъ покойнаго³⁾. Годичный поминальный столъ славянскихъ народовъ настоящаго времени, несогласный съ духомъ христiанскаго ученія, представляетъ собою остатокъ годичнаго поминовенія покойника скитской эпохи.

По Геродоту, «что касается прочихъ Скитовъ (не царей), то въ случаѣ смерти ближайшіе родственники везутъ покойника на повозкѣ ко всѣмъ его друзьямъ; каждый изъ нихъ устраиваетъ для сопровождающихъ покойника угощеніе, причемъ отъ всѣхъ яствъ удѣляется часть и покойнику; частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ въ теченіе 40 дней, а потомъ хоронятъ» (к. IV, г. 73). У русскихъ и польскихъ крестьянъ настоящаго времени повсемѣстно распространено вѣрованіе, по которому душа покойника въ теченіе 40 дней не оставляетъ земли, посѣщаетъ оставленное тѣло и домъ, въ которомъ разсталась съ нимъ. Въ теченіе этого срока душа можетъ ѣсть и

¹⁾ А. Котляревскій, въ сочиненіи „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“ (стр. 126—128), за приведеннымъ въ текстѣ извѣстіемъ, говоритъ: „Житіе Константина Муромскаго представляетъ весьма древнее, можетъ быть, современное введенію христiанства свидѣтельство о языческой погребальной старинѣ Русскихъ Славянъ“.

²⁾ См. В. Макушева: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“, — 1860 г., стр., 141, примѣч. 19.

³⁾ Хвольсонъ, 29. Гаркави, 265.

пить: во многих мѣстностяхъ выставляютъ для души покойника, обыкновенно на окно, а иногда «на покутъ», подъ образами, различныя кушанья, блины, медъ, воду и проч., въ предположеніи, что душа, посѣщая въ теченіе 40 дней оставленный ею домъ питается выставленными для нея припасами¹⁾. Повсемѣстно также у русскихъ крестьянъ и другихъ славянскихъ народовъ соблюдается нынѣ, или практиковался до новѣйшаго времени обычай поминовенія покойника обѣденнымъ столомъ въ сороковой день послѣ смерти, когда по народнымъ вѣрованіямъ душа, оставляя землю, окончательно улетаетъ на небо.

Государственное, уголовное и гражданское право Скитовъ эпохи Геродота мало извѣстны, но въ томъ, что извѣстно, мы встрѣчаемъ черты ближайшаго сродства съ правомъ русскихъ Славянъ языческой эпохи.

Подобно народонаселенію Руси X вѣка народонаселеніе Скитіи V вѣка до Р. X. дѣлилось на племена; каждое племя владело ему принадлежавшею областью, а область племени дѣлилась на волости, въ каждой изъ которыхъ былъ кумиръ бога войны, какъ были свои кумиры Перуна въ Новгородѣ, Кіевѣ, Ростовѣ и другихъ русскихъ волостяхъ. Во главѣ Скитіи эпохи Геродота, какъ во главѣ Руси X вѣка, стоялъ царь царей,—великій князь; во главѣ племенъ стояли цари-князья, состоявшіе подъ властью царя царей,—подручники великаго князя, а во главѣ волостей скитской земли стояли «архонты», соотвѣтствовавшіе старѣйшинамъ, мѣстнымъ князьямъ земли Древлянской X вѣка и другихъ славяно-русскихъ земель того времени (к. IV, г. 62, 66, 79)

По Геродоту, «скитскій царь не оставляетъ въ живыхъ и дѣтей осужденныхъ на казнь гадателей,—все мужское поколѣніе ихъ предается казни» (к. IV, г. 69); по Русской Правдѣ, разбойникъ осуждается на потокъ и разграбленіе «вмѣстѣ съ его женою и дѣтьми»²⁾.

По Геродоту, Скитъ, обтянувши черепъ непріятеля кожей, или покрывши золотомъ, употребляетъ его вмѣсто чаши; такъ посту-

¹⁾ Въ новгородѣверскомъ уездѣ, Черниговской губерніи, крестьянскія семьи, живущія по старинѣ, тщательно наблюдаютъ за ежедневною убылью жидкости въ сосудѣ, выставленномъ на окно для утоленія жажды покойника, и смотря по количеству убыли, заключаютъ, посѣщаетъ душа оставленный ею домъ, или не посѣщаетъ, довольна она своими родственниками, или недовольна.

²⁾ Списокъ Троицкій, ст. 5; сп. Карамзинскій, ст. 5.

пають Скиты и съ черепами одноплеменниковъ, въ случаѣ тяжбы между ними, и когда обвинитель одерживаетъ верхъ надъ обвиняемымъ въ присутствіи царя; такой черепъ Скитъ показываетъ уважаемымъ гостямъ, при чемъ напоминаетъ, что это былъ его соплеменникъ, вступившій съ нимъ въ борьбу, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ» (к. IV, г. 65). Левъ Діаконъ Калойскій, въ свидѣтельствѣ о происхожденіи Руссовъ времени Святослава отъ Скитовъ времени царя Анахарсиса, говоритъ слѣдующее: «Тавроскиты (русскіе) и нынѣ имѣютъ обыкновеніе рѣшать свои тяжбы убійствомъ и кровью» (φουφ ἄρ εἰσέτι τὰ νεῖκη Ταυροσχιδαὶ διακρίνεῖν εἰώδασι Л. Д. К.; к. IX г. VI). О судебномъ поединкѣ у Славяноруссовъ X вѣка говоритъ также арабскій писатель Ибнъ-Даста: «Если кто изъ Руссовъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, то исполняется то, что онъ рѣшитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ»¹⁾. Несторъ осуждалъ обычай русскихъ Славянъ, по которому они «убиваху другъ друга». Не смотря на протестъ христіанской церкви, скитскій обычай судебного поединка удержался въ законодательствѣ русскомъ (договоры съ Нѣмцами, Псковская Судная грамота, Судебники) до изданія Уложенія 1649 г.; «выдача головою», потерявъ строгій смыслъ скитской эпохи, практиковалась еще въ московскую эпоху.

По Геродоту, Скиты утверждали клятвенный договоръ слѣдующимъ образомъ: «Въ глиняную чашу наливается вино, а къ нему примѣшивается кровь договаривающихся, при чемъ дѣлаютъ они уколы шиломъ или небольшіе разрѣзы ножомъ на тѣлѣ; потомъ погружаютъ въ чашу мечъ, стрѣлы, сѣкиру и метательное копье. Совершивши это, они долго молятся, а потомъ пьютъ смѣсь, какъ сами договаривающіеся, такъ и знатнѣйшіе изъ присутствующихъ» (к. IV, г. 70). У Славяноруссовъ X вѣка участіе оружія признавалось необходимымъ условіемъ клятвы, утверждавшей договоръ; князь Олегъ и мужи его «по рускому закону кляшася оружіемъ своимъ»; «призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье

¹⁾ Гаркави: „Сказ. Рус. писателей о Славянахъ и Руссахъ“, стр. 269.

свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ Руси»¹⁾. По понятіямъ русскихъ крестьянъ нашего времени, каждую договорную сдѣлку необходимо запить виномъ (магарычъ, liкур), а самая важная сдѣлка, договоръ съ чортомъ, пишется кровью договаривающагося.

Этнографическое сродство древнихъ Скитовъ и позднѣйшихъ Славянъ и Руссовъ выражается также въ наружности и предметахъ внѣшней обстановки быта.

Благодаря археологическимъ изысканіямъ послѣднихъ десятилѣтій, на югѣ Россіи открыты скитскія могилы III и IV столѣтій до Р. Х., а въ нихъ сосуды, монеты, бляхи, перстни и другіе предметы съ художественными изображеніями Скитовъ, передающими черты ихъ наружности до мельчайшихъ подробностей: «На всѣхъ изображеніяхъ Скивовъ мы встрѣчаемъ волосы густые, лобъ высокій, глаза открытые, прямо направленные, носъ узкій и прямой; на многихъ изображеніяхъ, какъ на примѣръ, на монетахъ царей Скилура, Фарзоя и Канитеса, въ изображеніяхъ Скитовъ на Куль-Обской и Никопольской вазахъ, на золотыхъ бляхахъ, изображающихъ скитскихъ всадниковъ и пр., индоевропейскій и въ частности славянскій типъ древнихъ Скитовъ выраженъ отчетливо²⁾».

Академикъ Стефани, изучая изображенія Скитовъ на извѣстныхъ художественныхъ вазахъ скитскихъ могилъ, напелъ слѣдующія черты: «Всѣ человѣскія фигуры, помѣщенныя на фризѣ серебряной вазы (открытой И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ), очевидно, изображаютъ Скивовъ; передъ нами пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей, ни у одного изъ нихъ нѣтъ шапки на головѣ, всѣ отличаются густыми, длинноостриженными волосами, какіе еще и теперь точно такъ же носятъ русскіе крестьяне, и которые повторяются на множествѣ другихъ изображеній Скивовъ. За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ Скивы представлены въ короткихъ сапогахъ; на каждомъ изъ нихъ широкія шаровары, которыя такъ же, какъ на изображеніяхъ Скивовъ золотой Куль-Обской вазы, заткнуты за сапоги, но будучи шире и длиннѣе, болѣе свисли

¹⁾ П. С. Р. Л.; I, 13 и 23; годы: 907, 945.

²⁾ Главнѣйшіе изъ относящихся сюда памятниковъ древности изданы въ „Древностихъ Геродотовой Скивіи“, изд. Имп. Арх. Ком.; вып. I.—1866 г.; вып. II.—1872 г.; а также въ изданіи В. А. Прохорова подъ заглавіемъ: „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“,—1881 г.

надъ ними; извѣстно, что такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ. Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно примыкающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который за исключеніемъ висящихъ спереди концовъ, покроемъ своимъ напоминаетъ казацкій кафтанъ—казакишъ»¹⁾).

И. Е. Забѣлишъ, въ его очеркѣ «Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ», говоритъ слѣдующее: «Простые глиняные горшки скиѳскихъ могилъ имѣютъ весьма разнообразную форму, начиная отъ простой нашей чашки и доходя до кувшина или малороссійскаго глечика; обыкновенная форма очень сходна съ малороссійскою же мокирою... Скиѳы подпоясывались поясомъ, состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, собранныхъ на ремнѣ въ чешую другъ на друга. Переднія полы кафтана кроились косяками, вродѣ фалдъ; по бокамъ, какъ у русскихъ одеждъ, дѣлались прорѣхи; скиѳская рубашка пряталась по-малороссійски въ широчайшія шаровары... Изображенія скиѳскихъ царицъ во многомъ напоминаютъ русскую старину даже XVII вѣка... На скиѳскихъ издѣліяхъ, относимыхъ къ IV вѣку до Р. Хр., мы находимъ форму травчатого узора и каемочнаго бордюрнаго украшенія, очень извѣстную въ нашихъ русскихъ украшеніяхъ на вещахъ и въ рукописяхъ... Любимымъ питейнымъ сосудомъ Скиѳовъ была братина, очень сходная формою съ нашею древнею братиной, и рогъ, тоже любимый сосудъ Славянъ на нашемъ югѣ, на славянскомъ сѣверѣ и на балтійскомъ поморьѣ»²⁾).

В. А. Прохоровъ, бывший профессоръ русскаго искусства въ Петербургской Академіи Художествъ, много лѣтъ посвятившій собранію и сличенію древностей скитскихъ и славянскихъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Многіе этнографическіе признаки, относящіеся къ обстановкѣ быта Скиѳовъ, повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни Славянъ вообще и въ особенности Славяноруссовъ, даже въ періодѣ христіанскомъ, гдѣ они или буквально повторяются или имѣютъ близкое сходство и значеніе».

Въ 1898 году я прочелъ въ Имп. Моск. Историчес. Музеѣ популярную публичную лекцію, на тему «О происхожденіи русскаго народа». По поводу этой лекціи профессоръ Д. Беренсъ, указавъ на

¹⁾ См. Отчетъ Археол. Имп. Коммисіи за 1864 г. Статья Ак. Стефани: стр. 10, 11, 15 и 16.

²⁾ „Исторія русской жизни“; т. I, стр. 640, 642, 645, 647.—Изд. 1879 г.

книгу Ф. Шварца, изданную въ Штутгартѣ въ 1894 году, (Franz v. Schwarz: Sintfluth und Völkerwanderungen. Stuttgart. Verlag von Ferdinand Enke. 1894), высказалъ нижеслѣдующее:

«Въ помѣщенномъ въ № 323 *Московскихъ Вѣдомостей* отзывѣ о лекціи профессора Д. Я. Самоквасова приводится мнѣніе его, что Скиѣы—славянскій пранародъ, а Скиѣія—прародина Славянъ. Осмѣливаюсь подтвердить мнѣніе уважаемаго ученаго слѣдующими данными, почерпнутыми мною изъ чрезвычайно интересной книги Шварца «О потопахъ и переселеніяхъ народовъ».

«Въ этомъ сочиненіи приведено много доказательствъ въ пользу того же мнѣнія, что Славяне и Скиѣы—одинъ и тотъ же народъ. Самое названіе «*Σκῦθη*»—не что иное какъ грецизированное «Скитецъ» отъ слова «скитаться», вмѣсто «скиталець», какъ отъ «писать» «писатель» и «писецъ», «плавать»—«плаватель» и «пловець», «рѣзать»—«рѣзатель» и «рѣзецъ» и такъ далѣе. То же значеніе *скитающихся* или *кочующихъ* имѣеть и нѣмецкое названіе Вендовъ отъ глагола «*vinđan*»—странствовать, или готическаго «*Vinđa*»—пастбище.

«Византійскіе писатели часто называютъ Русскихъ Скиѣами, какъ напримѣръ, Мих. Гликасъ: «Скиѣы, то-есть Росы»; Никита Лѣтописецъ: «Росы, которыхъ зовутъ Скиѣами»; Левъ Діаконъ: «Тавроскиѣы, которыхъ обыкновенно зовутъ Росъ; Діодоръ Сицилійскій пишетъ (II, 34) о Скиѣахъ: «Тогда надъ Саками господствовала женщина, по имени Царина», гдѣ «царина» врядъ ли имя собственное, а скорѣе значить «царица».

«Кромѣ того за тождество Скиѣовъ со Славянами говорятъ не только сходство многихъ обычаевъ, обрядностей и характерныхъ наклонностей, но и изображенія Скиѣовъ на персидскихъ памятникахъ и на найденныхъ въ южной Россіи предметахъ скиѣскихъ гробницъ. Изображенія эти настолько совпадаютъ съ современнымъ русскимъ типомъ, что невольно думаешь, что видишь передъ собой Русскаго мужика.

«Точно также и на основаніи сравнительнаго языковѣднія И. Г. Куно считаетъ Скиѣовъ за предковъ Славянъ, и это мнѣніе признано теперь за правильное, когда Гумбольдтъ, Цейсъ, Диенбахъ и Яковъ Гриммъ безспорно доказали, что Скиѣы были не монгольскаго, а индогерманскаго, племени».

Въ лингвистической литературѣ высказано также ученіе о родствѣ языка Скитовъ—Сколотовъ эпохи Геродота съ языками иранскихъ народовъ, и въ пользу этого ученія, впервые высказаннаго Шафарикомъ, берлинскій академикъ Мюлленговъ собралъ столько же основательныя доказательства, какими являются доказательства родства сколотскаго языка съ языками славянскихъ народовъ, собранные берлинскимъ академикомъ Куно. По археологическимъ фактамъ, указаннымъ въ изданіи «Могилы Русской земли» (см. с. 146), между ученіями Куна и Мюлленгофа нѣтъ противорѣчія: языкъ Сколотовъ—праславянъ долженъ былъ заключать въ себѣ много иранскаго, соотвѣтственно сродству сколотскихъ вѣрованій, погребальныхъ обрядовъ и множеству бытовыхъ издѣлій, вынесенныхъ Сколотами изъ областей Ирана въ VII в. до Р. X.

Вышеизложенные факты исторіи лингвистики, міеологіи, этнологіи, краниологіи и этнографіи, доказываютъ фактически единство происхожденія Скитовъ и Руссовъ, принадлежность ихъ къ одному этнографическому типу. Слѣдовательно, всѣ древніе писатели, оставившіе свѣдѣнія о бытѣ Скитовъ—Сколотовъ составляютъ средства научнаго познанія начальнаго періода исторіи Славянъ¹⁾.

Исторія и исторія права каждаго изъ нынѣ существующихъ народовъ скито-славянскаго происхожденія имѣютъ такое же право на сказанія Геродота и послѣдующихъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ писателей о Скитахъ, какое имѣютъ исторія и исторія права каждаго изъ нынѣ существующихъ народовъ тевтоно-германскаго происхожденія на сказанія Юлія Цезаря и послѣдующихъ историковъ о Тевтонахъ, Кимбрахъ и Германцахъ. По свидѣтельствамъ Юлія Цезаря, такого же перваго историка Тевтоніи, какимъ былъ Геродотъ для Скитіи, Тевтоны, Кимвры и Германцы составляли одинъ народъ, дѣлившійся на племена разнаго образа жизни, но одного происхожденія, одной религіи и одного языка. Поощряя своихъ воиновъ къ битвѣ съ Германцами, Юлій Цезарь говорилъ имъ: «Отцы наши уже имѣли дѣло съ этимъ врагомъ, и пораженіе Кимвровъ и Тевтоновъ К. Маріемъ доставило равную славу и полководцу и его воинамъ»¹⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія о бытѣ народовъ скито-сарматскаго происхожденія см. въ изданіи: „Извѣстія Древнихъ Писателей Греческихъ и Латинскихъ о Скиѣи“, В. В. Латышева. Спб. 1892—1896 гг. Записки Имп. Рус. Арх. общества; приложенія.

²⁾ Зап. о Галль. войнѣ кн. I, гл. 40. См. еще кн. II, 29; книга VII, 77.

Территорія Тевтоніи эпохи Юлія Цезаря, послужившая родиною германскаго этнографическаго типа, и на глазахъ европейской исторіи выдѣлившая изъ себя нынѣ существующіе народы германскаго этнографическаго типа: Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ, Датчанъ, Шведовъ, точно очерчена отцомъ германской исторіи: это была область, лежавшая между Рейномъ, Нѣмецкимъ моремъ, Эльбою, верхнимъ теченіемъ Дуная и Альпами. Подобно Скитіи эпохи Геродота, Тевтонія, прародина народовъ германскаго происхожденія, до времени римскаго завоеванія была изолирована водою, непроходимыми болотами, лѣсами и пустынями, значеніе которыхъ Юлій Цезарь опредѣляетъ слѣдующими словами: «Германцы считаютъ величайшею славою для своего государства то, что на далекое пространство они окружены опустошенными и безлюдными пустынями; по ихъ мнѣнію, это доказываетъ, что ни одинъ сосѣдній народъ не можетъ вынести силы ихъ оружія, да притомъ этимъ способомъ они желаютъ обезопасить себя отъ внезапныхъ нападений; говорятъ, что за границею земли Свевовъ (въ эпоху Юлія Цезаря, занимавшихъ восточную границу Германіи, у рѣки Эльбы) тянется на 600 миль безлюдная пустыня... Герцинскій лѣсъ сопровождаетъ рѣку Дунай съ правой стороны ея теченія и доходитъ до земли Даковъ...; ни одинъ Германецъ, совершивъ отъ начала этого лѣса 60-дневный по немъ путь, не достигалъ его конца и не знаетъ, гдѣ онъ оканчивается»¹⁾).

Указанная Юліемъ Цезаремъ изолированность, географическая и политическая разобщенность Тевтоніи и Скитіи до времени римскихъ завоеваній имѣла своимъ слѣдствіемъ происхожденіе двухъ этнографическихъ типовъ, германскаго и славянскаго. Римскій завоевательный натискъ вызвалъ географическіе и политическіе разрывы въ средѣ тевтонскаго и скитскаго этнографическихъ типовъ и образованіе новыхъ германскихъ и славянскихъ государствъ, въ которыхъ сложились этнографическіе признаки новыхъ, нынѣ существующихъ народовъ тевтово-германскаго и скито-славянскаго происхожденія. Если новые народы германскаго происхожденія, Англичане, Французы, Нѣмцы, начинаютъ первый періодъ своей исторіи и исторіи своего права сказаніями Юлія Цезаря о Тевтоніи и Тевтонахъ, какъ прародинѣ и предкахъ Германцевъ, то и новые народы славян-

¹⁾ Тамъ же; кн. IV, 1, 3; кн. VI, 23, 24.

скаго происхожденія должны начинать научную разработку перваго періода своей исторіи и своего права изученіемъ сказаній Геродота о Скитіи и Скитахъ, потому что это были прародина и предки нынѣ существующихъ славянскихъ народовъ. Только указанное Юліемъ Цезаремъ размежеваніе прародинъ и исторіи Германцевъ и Славянъ можетъ дать научной исторіи Европы направленіе, соответствующее исторической дѣйствительности.

3. Прародина и предки Руссовъ.

Опредѣленіе славянской прародины и праславянъ еще не рѣшаетъ вопроса о происхожденіи русскаго народа. Праславяне—Скиты были одинаково предками всѣхъ славянскихъ народовъ, Болгарь, Чеховъ, Сербовъ, Хорватовъ, Хорутанъ Поляковъ и Руссовъ. У каждаго изъ новѣйшихъ славянскихъ народовъ была въ исторіи своя родина,—то государство, въ которомъ образовалась его этнографическая самобытность,—его языкъ, религія и право, отличные отъ этнографическихъ особенностей другихъ народовъ. Такая родина несомнѣнно была и въ исторіи русскаго народа,—было государство, въ которомъ возникли русскій языкъ, русская религія и русское право. Изъ этого государства выпли колонизаторы побережій верхняго теченія Днѣпра, Двины, Волги, озера Ильменя и вынесли сюда языкъ религію и право, какими отличались отъ другихъ народовъ разрозненныя географически и политически племена русскихъ Славянъ IX и X ст. Когда же отдѣлилась отъ праславянъ часть народа и гдѣ она образовала новое славянское государство, въ которомъ преобразовалась въ русскій этнографическій типъ?

На этотъ вопросъ не имѣется отвѣта у лѣтописца Нестора, или потому, что онъ не зналъ русской прародины, или потому, что ему не было нужды говорить о ней, такъ какъ задача его повѣстей о томъ, откуда пошла русская земля, состояла въ доказательствѣ современникамъ, что она пошла отъ Славянъ дунайскихъ, впервые получившихъ славянскую грамоту, въ указаніи прародины славянской, а не русской.

Умолчаніе лѣтописца о русской прародинѣ повлекло за собою большую неопредѣленность лѣтописныхъ сказаній о происхожденіи русскаго языка и русскаго народа.

Когда Волохи, говоритъ лѣтописецъ, покорили Славянъ дунайскихъ и стали притѣснять ихъ, то часть Славянъ выселилась на Вислу и прозвалась тамъ Ляхами, а отъ тѣхъ Ляховъ произошли Поляки, Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Здѣсь все понятно: выселившаяся часть праславянъ образовала въ области Вислы новое славянское государство, и въ этомъ государствѣ создала новѣйшій польскій этнографическій типъ; послѣдующее разселеніе Ляховъ образовало польскія племена времени лѣтописца.

Но дальнѣйшее сказаніе Нестора, если понимать его въ буквальномъ смыслѣ представляется совершенно невѣроятнымъ. Такіе же Славяне, говоритъ лѣтописецъ, какъ и Поляки, оставили свою дунайскую прародину въ эпоху господства тамъ Волоховъ и выселились на побережья Днѣпра, въ области между Припетью и Двиною, на р. Полоту, на озеро Ильмень, въ верховья Днѣпра, Двины и Волги, на побережья Десны, Сейма и Сулы, и тамъ образовали племенные княженія съ народонаселеніемъ, говорившимъ однимъ славянскимъ языкомъ; а языкъ славянскій и русскій «бѣ имъ единъ». По буквальному смыслу этого свидѣтельства русскій языкъ былъ принесенъ славянскими колонистами изъ славянской прародины въ эпоху господства тамъ Волоховъ, то есть праславяне говорили русскимъ языкомъ въ Гетикѣ, своей прародинѣ; но тогда русскій языкъ долженъ быть общеславянскимъ; а между тѣмъ, въ то время, когда разобщенныя русскія племена говорили однимъ русскимъ языкомъ родственныя имъ польскія племена говорили уже другимъ, польскимъ языкомъ, и является невѣроятнымъ, чтобы разрозненныя русскія племена сохранили русскій языкъ своей прародины до времени лѣтописца, а Поляки измѣнили его въ новый языкъ.

По своей неопредѣленности сказаніе начальнаго русскаго лѣтописца о происхожденіи племенъ русскихъ Славянъ было бесполезно для историка. Это высказалъ уже Карамзинъ слѣдующими словами: «Несторъ пишетъ, что Славяне издревле обитали въ странахъ Дунайскихъ и вытѣсненные Волохами... перешли въ Россію... Самые древніе жители Дакии Геты, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками; сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакии, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣтосчисленіе отъ временъ сего мужественнаго императора... Но историкъ не долженъ

предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. И такъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: «откуда и когда Славяне пришли въ Россію?» опишемъ, какъ они жили въ ней задолго до того времени, въ которое образовалось наше государство... (И. Г. Р.; т. I, с. 18, 19).

Нынѣ имѣются «свидѣтельства современниковъ» и археологическіе факты, ясно показывающіе, кто и какого времени были Волохи лѣтописца Нестора, завоевавшіе древнюю Скитію и побудившіе праславянъ къ движенію въ области Вислы и Днѣпра.

Лѣтописецъ подъ Волохами несомнѣнно разумѣлъ Итальянцевъ: въ перечисленіи европейскихъ народовъ онъ называетъ Италію землею волошскою¹⁾, а въ разсказѣ о движеніи Угровъ въ придунайскія страны говоритъ: «Почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни; сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Вольхове пріяша землю словѣнскую; посемъ же Угри прогнаша Волохи, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны» (с. 10). Славяне называли въ эпоху Нестора и называютъ до настоящаго времени Волохами Итальянцевъ-Римлянъ²⁾.

Къ какому же времени должно отнести лѣтописный фактъ завоеванія дунайскихъ Славянъ Итальянцами? Историки, оставившіе описаніе борьбы Римлянъ съ Гетами и обращенія царства Гетовъ въ римскую провинцію Дакію, свидѣтельствуютъ, что «многія дакійскія племена, убѣгая отъ римскаго рабства, оставили свою родину и выселились за предѣлы Дакіи»³⁾. Только это свидѣтельство соотвѣтствуетъ свидѣтельству русской лѣтописи о завоеваніи Славянъ Волохами на Дунаѣ; а другого завоеванія дунайскихъ областей Волохами-

1) „По тому же морю сѣдять къ западу до землѣ аглянскы, и до волошскы“. П. С. Д.; I, 2.

2) Болгаринъ Святій Климентъ, въ „Житіи Меодіа“, по харатейному списку XII вѣка, называетъ Влахами Итальянцевъ-Римлянъ: „Суть въ ны вышли учители мнози крестьяни изъ Влахъ, изъ Грекъ и изъ Нѣмецъ“. Чтен. Имп. Общ. Ист. Др. Рос. 1865 г., кн. 1, отд. 3, стр. 5. Въ „Полинодіи“ З. Копыстенскаго „Италія называется влошскою землею, и въ то же время Римъ и Влохи являются такими же обозначающими географическими единицами, какъ и у Нестора“. Труды Кіевской Духовной Академіи, 1885 годъ, февраль, № 2; ст. В. Завитневича, с. 281—283. И теперь еще западные и южные Славяне называютъ Итальянцевъ Влохами и Влахами (у Поляковъ—Влохъ, у Чеховъ—Влахъ). Продукты Италіи и теперь еще называются у русскихъ и польскихъ Славянъ волошскими (волошскіе орѣхи, волошскія яблоки, волошская капуста и пр.). Жители славянскихъ селеній въ южной Италіи, на вопросъ: какъ обращаются съ ними Итальянцы? отвѣчаютъ: „Власи су добра челядь“. Макушевъ: „О Славянахъ Молдавскаго Графства“, стр. 7 и 8.

3) См. Мог. Гус. Земли Д. Самоквасова, с. 165.

Итальянцами не знает исторія славянской прародины. Но въ такомъ случаѣ Гетовъ (греческое имя) или Даковъ (латинское имя) древней Скитиі должно признать предками русскихъ и польскихъ Славянъ. Это признаніе дѣйствительно оправдывается нижеслѣдующими фактами.

Левъ Діаконъ Калойскій, описывая погребеніе воиновъ русскаго князя Святослава, убитыхъ подъ Дористоломъ въ войнѣ съ Іоанномъ Цимисхіемъ, называетъ Замолкиса древнимъ учителемъ Руссовъ, научившимъ своихъ соотечественниковъ эллискимъ таинствамъ, соблюдаемымъ при погребеніи (кн. IX, гл. 6); а Замолксисъ былъ Геть, — мудрецъ—учитель Гетовъ¹⁾.

Феофилактъ Симоката часто употребляетъ имена Гетовъ и Славянъ, какъ названія одного народа, и даже прямо утверждаетъ, что названіе Геты есть древнѣйшее имя Славянъ²⁾.

Въ язычествѣ Славянъ русскихъ, польскихъ и болгарскихъ важное значеніе имѣлъ праздникъ календа—коляда; этотъ праздникъ и его названіе несомнѣнно заимствованы отъ римскихъ *calendae*, въ чемъ удостовѣряютъ этимологическое сходство славянскаго и римскаго названія и прямыя историческія свидѣтельства³⁾; но римскій праздникъ и римское его названіе могли быть заимствованы русскими и польскими Славянами только въ эпоху географическаго и политическаго единенія въ дунайской прародинѣ и общаго ихъ столкновенія съ римскимъ вліяніемъ; а такимъ моментомъ въ славянской исторіи была только эпоха господства въ Дакии императора Траяна и его преемниковъ.

Имя царя Траяна играетъ важную роль въ преданіяхъ Славянъ южныхъ, Руссовъ и Поляковъ: «Откровеніе св. апостолъ», изданное по рукописи XIV вѣка, называетъ Трояна въ числѣ славянскихъ

¹⁾ Географія Страбона, кн. VII, гл. VII, § 5. Юрианъ, *De Getharum origine*, гл. V.

²⁾ Феофилактъ, *Исторія*; кн. III, гл. IV; кн. VI, гл. VI; кн. VII, гл. II.

³⁾ Шестой вселенскій соборъ 680 года строго запретилъ христіанамъ отправлять языческіе праздники *латинскаго происхожденія*: воту и „*сице малолемя коляды*“. Буславъ, *Ист. церк.-слав. и русскаго языка*; стр. 381. Въ толкованіи на шестьдесятъ второе постановленіе шестого собора, въ которомъ заключается сказанное запрещеніе, говорится слѣдующее: „*Каланди* суть первіи въ каждомъ мѣсяци дни, въ нихъ же обычаи бѣ Еллиномъ творити жертвы“ (тамъ же, стр. 383). Особенною честью пользовались у Римлянъ календы январскія, относительно которыхъ соборомъ постановлено специальное запрещеніе: „Аще кто въ первый день Января на *каланду* идетъ“... См. Словарь Миклошича, подъ словомъ „коляда“.

боговъ: «Имяше боги мнози: Перуна и Хорса, Дья и Трояна, и инны мнози»; а далѣ поясняется, что «Троянъ бѣше царь въ Римъ»¹⁾; въ «Хожденіи Богородицы по мукамъ», изданномъ по рукописи XII вѣка, рядомъ съ Хорсомъ, Велесомъ и Перуномъ, также именуется богъ Троянъ²⁾; въ «Словѣ о полку Игоревѣ» упоминаются: «трона Трояна», «земля Трояна», «седьмой вѣкъ Трояна» и «вѣчи Трояна», относимые сказаніемъ къ древнѣйшему періоду исторіи Славянъ, отъ которыхъ оно ведетъ свое лѣтосчисленіе³⁾. Древнеболгарская пѣсня воспѣваетъ царя Траяна, какъ владѣтеля несмѣтныхъ сокровищъ; древняя сербская сказка смѣется надъ царемъ Трояномъ, имѣющимъ длинныя уши; и т. д.⁴⁾ Какой же это царь Троянъ, извѣстный сказаніямъ Славянъ восточныхъ, западныхъ и южныхъ? Славянская исторія не знаетъ другого царя Трояна, кромѣ римскаго царя, покорившаго царство Гетовъ или Даковъ и вытѣснившаго, по свидѣтельствамъ Діона Кассія, Евтропія и Флоріана, многія придунайскія племена въ закарпатскія страны, согласно съ русскимъ Несторомъ.

Земля польскихъ и русскихъ Славянъ сохранила множество монетъ и другихъ предметовъ римскаго искусства времени владычества Римлянъ въ Дакии. Новѣйшіе историки пытались объяснить этотъ фактъ предположеніемъ торговыхъ сношеній у древнихъ Римлянъ съ обитателями Балтійскаго побережья ради торговли янтаремъ⁵⁾.

Но по свидѣтельству Юлія Цезаря, всѣ области на востокъ отъ Эльбы, простиравшіяся на шестьсотъ миль, представляли собою безлюдную пустыню⁶⁾.

По свидѣтельствамъ Страбона, Римлянамъ была извѣстна только Германія, лежавшая между рѣками Рейномъ и Эльбою, съ которой Римляне познакомились въ эпоху походовъ Юлія Цезаря. Всѣ страны,

¹⁾ Лѣтоп. русск. литер. и древн. кн. V, отд. матер. стр. 5. Востокова: Словарь церк.-слав. яз., т. II, стр. 282.

²⁾ Тихонравовъ: Памятники Отреч. Лит.: 1863 г., II, с. 23. Срезневскій: Древ. памят. русск. яз. и письма, 1863 г., с. 205.

³⁾ Слово о полку Игоревѣ, изд. Пушкина, стр. 6, 14, 19, 35; изд. Тихонравова, стр. 2, 4, 5 и 10.

⁴⁾ См. Болгар. народ. пѣсни, собр. отъ брат. Милодиновци; стр. 38—41. Чолакова: Болг. народ. сборникъ; 1872 г., стр. 115. Словарь сербск. яз. Караджича, подъ словомъ Троянъ.

⁵⁾ Drogi hand. Grec. i Rzym. przez porzeczca Odry, Wisly, Dniepra i Niemana do wybrz. morza Balt. W Krakowie, 1876 г.

⁶⁾ De bello Gallico, IV cap. III.

лежавшія за Эльбою и простиравшіяся по Балтійскому побережью и далѣе, оставались Римлянамъ совершенно неизвѣстными: «Никто изъ Римлянъ не заходилъ въ мѣстности за Эльбою ни водою, ни сухимъ путемъ»¹⁾).

По свидѣтельствамъ Тацита во II в. по Р. Х. области Европы, лежавшія на востокъ отъ Эльбы и сама Эльба были извѣстны Римлянамъ только по слуху. Римляне имѣли непосредственныя торговыя сношенія только съ народами Германіи, обитавшими вблизи границъ Римской имперіи. Народы сѣверной Германіи, удаленные отъ границъ Римской имперіи, «не цѣнили ни золота, ни серебра и не принимали римской монеты, а торговыя сдѣлки между собою совершали способомъ обмѣна товара на товаръ (гл. V, XLI).

Слѣдовательно, теорія непосредственныхъ торговыхъ сношеній Римлянъ съ «янтарнымъ Балтійскимъ побережьемъ» въ эпоху Юлія Цезаря, Страбона, Плинія и Тацита противорѣчитъ свидѣтельствамъ современныхъ историковъ, по которымъ страны Европы, лежавшія на востокъ отъ рѣки Эльбы, оставались Римлянамъ императорской эпохи совершенно неизвѣстными: «Никто изъ Римлянъ не ѣздилъ и не ходилъ туда ни водою, ни сухимъ путемъ».

Причину и время появленія кладовъ римскихъ монетъ въ предѣлахъ земли русскихъ и польскихъ Славянъ опредѣляютъ вышеизложенныя историческія свидѣтельства о выселеніи Славянъ изъ дунайской прародины подъ натискомъ Волоховъ-Римлянъ и анализъ фактическаго матеріала, относящагося къкладамъ римскихъ монетъ, открытымъ въ предѣлахъ земель Славянъ польскихъ и русскихъ, дающій нижеслѣдующіе выводы²⁾).

1. Клады римскихъ монетъ, открытые въ землѣ русскихъ и польскихъ Славянъ, содержатъ въ себѣ только монеты римскихъ императоровъ I, II и III столѣтій послѣ Рожд. Хр.,—эпохи господства Римлянъ въ Дакіи.

¹⁾ „Что касается Германцевъ, то, какъ я сказалъ, сѣверные изъ нихъ простираются вдоль океана; впрочемъ, извѣстны изъ нихъ только тѣ, которые обитаютъ между устьями Рейна и Альбіемъ, наиболѣе извѣстны Сугамбы и Кимбы. Все, что за Альбіей до океана, совершенно намъ неизвѣстно; мы не знаемъ, чтобы кто-либо изъ предшественниковъ плавалъ вдоль этого берега... Римляне никогда не заходили въ тѣ мѣстности, которыя лежатъ за Альбіей; равнымъ образомъ никто не совершалъ туда путешествія и сухимъ путемъ“ (тамъ же, гл. II, п. 4).

²⁾ Обзоръ относящагося сюда матеріала см. въ нашей „Исторіи Рус. права“; в. II, стр. 111—145. Изд. 1884 г. и въ рефератѣ о происхожденіи русскихъ и польскихъ Славянъ, чит. на VIII арх. съѣздѣ.

2. Въ наибольшемъ количествѣ клады монетъ римскихъ императоровъ встрѣчаются въ областяхъ Вислы и средняго теченія Днѣпра.

3. Монеты римскихъ императоровъ отъ Траяна до Септимія Севера открыты въ землѣ русскихъ и польскихъ Славянъ кладами, содержащими въ себѣ сотни и тысячи экземпляровъ. Въ настоящее время въ литературѣ имѣются свѣдѣнія о находкахъ болѣе 60 такихъ кладовъ, открытыхъ въ предѣлахъ земли древнихъ Руссовъ и Поляковъ, преимущественно за послѣднее 50-лѣтіе. Но эти клады не исчерпываютъ собою всѣхъ находокъ и за этотъ періодъ времени; многіе клады древнихъ монетъ попадаютъ не въ музеи, а въ плавильные горшки, переливаются въ слитки металла, подобно кладу, найденному подъ Калишемъ, содержащему въ себѣ до двадцати тысячъ серебряныхъ римскихъ монетъ I—III столѣтій.

4. Римскія монеты со времени Септимія Севера до времени паденія западной Римской Имперіи встрѣчаются въ землѣ русскихъ и польскихъ Славянъ очень рѣдко, и только отдѣльными экземплярами, а не кладами. Этотъ фактъ говоритъ намъ, что въ эпоху Септимія Севера прекратилось выселеніе нашихъ предковъ изъ областей дунайскихъ въ центральныя области Европы.

5. Римскія монеты до императора Траяна встрѣчаются въ кладахъ древнеславянской земли рѣдкими экземплярами, а монеты со времени Траяна до Септимія Севера содержатся въ нихъ сотнями и тысячами. Этотъ фактъ говоритъ намъ, что выселеніе нашихъ предковъ въ центральной области Европы началось эпохою римскаго императора Траяна.

Такимъ образомъ содержаніе кладовъ римскихъ монетъ, открытыхъ въ предѣлахъ земли русскихъ и польскихъ Славянъ, ограничиваетъ время колонизаціи Дакійцевъ съ одной стороны эпохою Траяна, а съ другой—эпохою Септимія Севера. Присутствіе въ землѣ Поляковъ и Руссовъ массы римскаго серебра можно объяснить только тѣмъ, что предки наши, оставляя свою прародину въ эпоху господства тамъ Римлянъ, вынесли въ новую родину свое имущество въ формѣ легко уносимаго металла, подобно тому какъ испанскіе и англійскіе колонисты уносили съ собою европейское серебро въ Америку, а въ наше время крестьяне-колонисты уносятъ съ собою монету изъ европейской Россіи въ азіатскую, обмѣнивая громоздкое имущество на металлъ.

Слѣдовательно выселеніе на Вислу и Днѣпръ Славянъ съ Ду-

ная под натискомъ Римлянъ-Волоховъ, связанное съ разрывомъ нашихъ предковъ политическимъ и географическимъ, имѣло своимъ слѣдствіемъ происхожденіе новыхъ славянскихъ государствъ, а въ нихъ этнографическое образованіе новѣйшихъ славянскихъ народностей,—польской и русской¹⁾.

Очевидно, какъ у Поляковъ существовала родина польскаго языка,—государство Ляховъ на Вислѣ, такъ и у Руссовъ должна была существовать родина русскаго языка въ области Приднѣпровья.

Здѣсь и должно было искать предковъ русскаго народа, а не между народами каменной культуры Закарпатья, истоковъ Волги, Двины и Днѣпра и въ неизвѣстныхъ странахъ сѣвера и востока.

Исторія южнаго Приднѣпровья послѣ Геродота выражается въ слѣдующихъ главнѣйшихъ историческихъ фактахъ.

Первый историческій народъ, занимавшій землю, лежащую надъ Чернымъ моремъ, именуется Скитами—Киммеріанами у древнѣйшихъ европейскихъ поэтовъ, историковъ и географовъ, начиная съ эпохи Гомера и Гезіода.

По свидѣтельствамъ Геродота въ концѣ VII в. до Р. X. пришелъ изъ Мидіи богатый сколотскій народъ, прозванный Греками

¹⁾ За публикаціей въ 1884 году свѣдѣній о кладахъ римскихъ монетъ, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи и Польши, былъ полученъ рядъ новыхъ свѣдѣній, а въ ихъ числѣ и письмо краковскаго академика Адама Киркора, въ которомъ, по отношенію къ кладамъ римскихъ монетъ, говорится: „Получивъ второй выпускъ вашей „Исторіи Русскаго Права“, съ приложенными къ оному вопросамъ, спѣшу сообщить все, что мнѣ извѣстно по предмету, васъ интересующему, въ отношеніи моихъ археологическихъ изысканій въ Галиціи... Въ 1882 году я привезъ изъ Тарнополя въ Академію 6 римскихъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда и принадлежащихъ императорамъ Нерону, Антонину Пію, Фаустину, Адриану, Коммоду и Криспину; римскія бронзовыя издѣлія, находимыя тоже въ окрестностяхъ вала Траяна, легко отличить по превосходной отдѣлкѣ ихъ и по орнаментовкѣ отъ обыкновенно находимыхъ въ гробахъ Подоліи и Покутья, состоящихъ преимущественно изъ колецъ, серегъ и тому под., болшею частью неуцлюжей работы, и что замѣчательно, совершенно такихъ же, какъ и въ кострищахъ на побережьи Вислы. Особенно замѣчательныя римскія бронзы найдены вблизи Траянова вала. Рисунокъ большаго римскаго зеркала изъ могилы въ Сапоговѣ вы найдете въ „Klosach“ за 1877 годъ, № 622, стр. 356. Любопытно то, что рисунокъ осмиконечной звѣзды, изображенной на зеркальномъ медальонѣ, и до сихъ поръ ежегодно повторяется, конечно безсознательно, на такъ называемыхъ писанкахъ, заготавливаемыхъ народомъ къ Свѣтлому Христову Воскресенію. Римскія бронзовыя издѣлія были находимы мною и другими и въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ отъ вала Траяна, напримѣръ, въ Глубочкѣ Великомъ, близъ Тарнополя, на берегахъ Днѣстра и Стрыни, въ Беремянахъ, Жнибродкахъ и Дуплисахъ,—въ курганахъ. *Что касается до вашей теоріи, то я исполнилъ съ вами согласенъ“.*

Скитами, завладѣвшій Киммерійскою землею и образовавшій обширное и многолюдное государство между Дономъ и Дунаемъ. Въ этомъ государствѣ господствовало племя Паралатовъ или Царскихъ Скитовъ, имѣвшее царское кладбище на сѣверной окраинѣ владѣній Сколотскаго царства,—въ области р. Сулы нашего времени.

Сколотское царство существовало съ конца VII в. по 399 г. до Р. Х., когда оно было разрушено Филиппомъ Македонскимъ. Въ эту эпоху передвинулось изъ за Дона въ предѣлы бывшаго Сколотскаго царства племя скитскаго-же происхожденія, именуемое у Грековъ Савроматами, а у Римлянъ Сарматами, и въ предѣлахъ бывшаго Сколотскаго царства образуются двѣ новыя державы: восточная—царство Россаланъ и Западное—царство Гетовъ или Даковъ.

При римскомъ императорѣ Траянѣ царство Гетовъ обращается въ Римскую провинцію Дакию; а во время господства Римлянъ въ Дакию одна часть туземнаго народонаселенія выселяется на Вислу, гдѣ образуетъ государство Ляховъ,—родину польской народности,—ляшскихъ племенъ, говорящихъ польскимъ языкомъ; другая часть выселяется въ области средняго теченія Днѣпра, лежащія надъ днѣпровскими порогами, въ предѣлахъ современныхъ намъ губерній Кіевской, Полтавской и южныхъ уѣздовъ Черниговской и Курской. Здѣсь колонисты соединяются съ родственнымъ племенемъ Россаланъ, образуютъ обширное и многолюдное государство Арси или Россовъ,—прародину русскаго народа, изобилующую кладами римскихъ монетъ императорской эпохи, могилами гето-дакійскаго и сармато-скитскаго погребальныхъ обрядовъ и топографическими именами, указывающими на время выселенія изъ древней Скитіи гето-дакійскихъ племенъ: Ромны, Ромень, Римовка, Ромейковка, Волохи, Волховцы, Волошки, Волошиновка, Трояны, Троянка и др.

Въ VII в. на юговостокѣ Россіи образуется Козарское государство, завоевательный натискъ котораго побуждаетъ народонаселеніе государства Россовъ къ движенію въ лѣсистыя и болотистыя области запада и сѣвера, гдѣ новыя русскіе колонисты образуютъ русскіе племенные княженія, разрозненныя географически и политически, но говорящія языкомъ своей прародины, —языкомъ Россовъ.

Въ X в., подъ властью князей Рюрикова рода, русскія племенные княженія объединяются въ одну Русскую землю, а русскія племена въ одинъ Русскій народъ.

Объединенныя русскія племенные княженія составили могущественную политическую силу, направленную княземъ Святославомъ противъ Козарскаго царства, обратившую это царство въ русское Тмутороканское княжество.

Слѣдовательно, прародиною славянскихъ народовъ была древняя Скитія, а прародиною русскаго народа было государство Россовъ, лежавшее надъ днѣпровскими порогами, въ предѣлахъ Кіевской и Полтавской губерній и южныхъ уѣздовъ губерній Черниговской и Курской. Юговосточная граница русской прародины еще не достаточно выяснена археологическими изслѣдованіями.

Вслѣдствіе завоевательнаго натиска Козарскаго царства на государства Россовъ, въ VIII в. появились первые русскіе города въ областяхъ Десны и Сейма, положившіе основаніе сѣверянскому племенному княженію, — Сѣверянской землѣ, — родинѣ племени Сѣверянъ.

Историческій моментъ образованія сѣверянскаго племенного княженія засвидѣтельствованъ кладами и могилами Сѣверянской земли, содержащими монеты и другіе предметы восточнаго искусства VIII и IX столѣтій.

Въ X вѣкѣ, по завоеваніи Козарскаго царства княземъ Святославомъ, часть сѣверянскаго народонаселенія возвращается въ русскую прародиinu, — въ область Сулы, и въ это время Сѣверянская земля является въ предѣлахъ областей Десны, Сейма и Сулы, указанныхъ Несторомъ и очерченныхъ сѣверянскими городищами и могильниками сѣверянскихъ погребальныхъ обрядовъ.

V. Культура Сѣверянъ языческой эпохи.

Народное богатство составляетъ культурная обстановка жизни народа, то-есть предметы, извлеченные трудомъ челоуѣка изъ природы и приспособленные къ удовлетворенію его потребностей; богатство въ этомъ смыслѣ выражаетъ степень культуры народа; чѣмъ проще и бѣднѣе культурная экономическая обстановка быта даннаго народа, тѣмъ ниже стоитъ онъ на ступеняхъ развитія цивилизаціи, тѣмъ проще и бѣднѣе институты и отношенія его государственной и гражданской жизни. Къ главнѣйшимъ предметамъ искусства, составляющимъ экономическую обстановку жизни народовъ и выражающимъ степень ихъ культурнаго состоянія, принадлежатъ: частныя

и общественныя жилища, пища, одежда, способы и орудія добыванія пищи и одежды, оружіе и вооруженіе и искусственныя средства передвиженія.

До времени раскопки Черниговскихъ кургановъ послѣдователи ученія Шлецера и Карамзина о первоначальной дикости русскихъ Славянъ языческой эпохи признавали Сѣверянъ наиболѣе некультурнымъ племенемъ, потому что слѣдующее лѣтописное свидѣтельство, послужившее основаніемъ этого ученія, въ числѣ другихъ племенъ именуеть Сѣверянъ: «Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто... И Радимичи, и Вятичи, и *Сѣверъ* одинъ обычай имяху: *живяху въ лѣсѣ якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто...* Си же творяху обычаи Кривичи, прочіи поганіи» (П. С. Л.; I, 6). Но это свидѣтельство не имѣетъ того смысла, въ какомъ толкуеть его Шлецеро-Карамзинская школа. Выраженія Нестора «Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, ядаху вся нечисто...; и Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечисто» значать тоже самое, что значить его выраженіе «якоже и при насъ нынѣ Половцы законъ держать отецъ своихъ..., ядуще мертвечину и всю нечистоту,—хомяки и сусолы» (тамъ-же, с. 7); то-есть, Древляне, Радимичи, Сѣверяне, Кривичи и прочіе язычники, подобно Половцамъ, ѣли нечистоту по понятіямъ христіанскаго монаха, которому употребленіе въ пищу хомяковъ и сусликовъ казалось такимъ же звѣроподобнымъ образомъ жизни, какъ языческія празднества, родственныя браки, многоженство и сожженіе мертвыхъ.

Нижеслѣдующій обзоръ фактическаго матеріала, относящагося къ жилищамъ, промысламъ и обстановкѣ военнаго и домашняго быта, покажетъ намъ истинную степень культуры Сѣверянъ языческой эпохи.

По договорамъ съ Греками *Руссы жили въ домахъ и городахъ; а слова домъ и городъ—праславянскія*, и вмѣстѣ съ праславянскими же словами дворъ, стѣна, крыша, стрѣха, труба, дверь, окно указываютъ, что уже въ дунайской прародинѣ наши предки были осѣдымъ народомъ; соотвѣтственно тому, рядъ историческихъ извѣстій показываетъ, что древнѣйшіе русскіе *дома и города были жилищами неподвижными*,—жилищами осѣдыхъ народовъ.

Дома были частными жилищами семействъ, составлявшихъ городскія общины; а объ устройствѣ ихъ въ источникахъ встрѣчаемъ

два ряда извѣстій; по первому ряду извѣстій, Славяне жили въ деревянныхъ домахъ, по ихъ устройству, очень сходныхъ съ избами русскаго народа позднѣйшихъ историческихъ эпохъ и настоящаго времени, представлявшихъ собою *деревянные срубы*, крытые тесомъ, съ окнами и дверями, обращенными паружу и во внутрь двора; по второму ряду извѣстій древніе Славяне жили въ дрянныхъ хижинахъ и шалашахъ, разбросанныхъ, сплетенныхъ изъ хвороста и едва защищавшихъ отъ дождя и непогоды,—сюда принадлежатъ извѣстія Прокопія и Гельмольда¹⁾. Извѣстія перваго рода относятся къ городскимъ домамъ, представлявшимъ собою постоянныя жилища, въ которыхъ народъ скрывался отъ враговъ и проводилъ зимніе мѣсяцы; извѣстія второго рода относятся къ временнымъ жилищамъ, построеннымъ внѣ городскихъ стѣнъ, на участкахъ земли, подлежащихъ обработкѣ семействъ, составлявшихъ городскія общины; въ нихъ народонаселеніе проводило лѣтнее рабочее время: «Славяне», говоритъ Гельмольдъ, «не заботятся о постройкѣ своихъ жилищъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ хижины изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды; едва раздастся кликъ военной тревоги, они прячутъ хлѣбъ въ яму, вмѣстѣ съ золотомъ, серебромъ и всѣми находящимися при нихъ вещами, а женъ и дѣтей уводятъ *въ надежныя ульжища, въ укрѣпленія*, а то въ лѣса, и не остается на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ однѣхъ хижинъ, о которыхъ они не жалѣютъ нимало». Къ такимъ же загороднымъ, временнымъ жилищамъ относится и извѣстіе Прокопія: «Славяне и Анты живутъ въ дрянныхъ, разбросанныхъ шалашахъ» (*δυσσχημένοι τῶν χωρῶν οἰχοῦσι*). Свидѣтельства этого рода относятся къ лѣтнимъ будкамъ, баракамъ, подобнымъ тѣмъ, какіе и теперь строятъ себѣ Малороссы, выѣзжающіе на продолжительное время для лѣтнихъ работъ на поляхъ, лугахъ и въ лѣсахъ.

Группа деревянныхъ домовъ или избъ, обведенная ровомъ, валомъ и деревянною оградой, съ перекинутымъ черезъ ровъ мостомъ, составляла общественное поселеніе,—городъ. Города уже предкамъ Сьверянъ служили средствомъ военной защиты²⁾. Въ эпоху племен-

¹⁾ См. Прокопія: De bello Gothico lib. III, 14. Гельмольда; Chron. slav.; Hb. II, 13.

²⁾ По сказанію Арріана, Александръ Македонскій рѣшился переправиться черезъ Дунай и завладѣть землею Гетовъ; Геты бросились въ городъ, но вида, что непріятель слѣдуетъ за ними, оставили городъ и бѣжали далѣе внутрь страны... Царь вошелъ въ городъ Гетовъ, разрушилъ его и отправилъ добычу въ Македонію“. Arrian: Eкр.

ныхъ княженій и удѣльныхъ государствъ построеніе города выражалось словами: поставить городъ, створить городъ, сдѣлать городъ и срубить городъ¹⁾. Обстоятельныя извѣстія объ устройствѣ славяно-русскихъ городовъ—крѣпостей въ X столѣтіи принадлежать Ал-Бекри и русской лѣтописи. По свидѣтельству Ал-Бекри: «Славяне, обозначивъ круглое или четырехугольное мѣсто, смотря по формѣ и величинѣ, какія желаютъ дать крѣпости, выкапываютъ вокругъ этого мѣста ровъ, а выкопанную землю сваливаютъ въ валъ, укрѣпляя его досками и сваями, пока стѣна не дойдетъ до желаемой высоты; тогда назначаются ворота съ какой-либо стороны и устраивается ведущій къ нимъ деревянный мостъ»²⁾. По русской лѣтописи, во время войны малолѣтняго князя Святослава и княгини Ольги съ Древлянами, послѣдніе встрѣтили кіевскія войска въ открытомъ полѣ; но, потерпѣвъ здѣсь пораженіе, «побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ». Кіевляне подступили къ городу Искоростѣню; осада длилась цѣлый годъ, но безъ успѣха; тогда Ольга взяла городъ посредствомъ извѣстной хитрости: предложила осажденнымъ миръ, подъ условіемъ легкой дани, и потребовала «отъ двора», въ знакъ покорности, по три голубя да по три воробья. Горожане доставили эту дань въ станъ Ольги. Отпустивъ пословъ, княгиня приказала своимъ воинамъ привязать къ каждой птицѣ труть и лоскутъ полотна, а съ наступленіемъ ночи, зажечь труть и выпустить птицъ: «Голуби же и воробьева полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ *голубники*, вробьева же *подъ стрѣхи*; и таково возгарохуса голубьници, ово *кльти*, ово *вежъ*, ово ли *одрины*; и не бѣ двора, идѣже не горяще; и не бѣ льзѣ гасити, вси бо дворы возгорѣшася, и побѣгоша люде изъ града; и повелѣ Ольга имати ё; тако взя градъ и пожже и». Слѣдовательно, русскій градъ (П. С. Л.; I, 25) языческой эпохи представлялъ собою, подобно праславянскимъ городамъ, деревянную ограду съ башнями (вежи), заключавшую въ себѣ скученную группу дво-

Алех; I, 2—4. Страбонъ; 141, III, 8. На Траяновой колоннѣ изображены, а Прискомъ Панійскимъ описаны города славянской прародины, по ихъ устройству, совершенно сходные съ городами Руссовъ языческой эпохи.

¹⁾ Князя Кій, Щекъ и Хоривъ „створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ“. Князь Кій „приде къ Дунаеву, возлюбилъ мѣсто, и сруби градокъ малъ, хоташе съѣсти съ родомъ (народомъ) своимъ“.

²⁾ *Хвольсона*—„Извѣстія Ал-Бекри о Руси и Славянахъ; ч. I, с. 48. Изд. 1878 г.“

ровъ, клѣтей и одринъ, что и оправдали раскопки сѣверянскихъ городищъ.

Соотвѣтственно осѣдлому состоянію, искони *главнымъ промысломъ Сѣверянъ было земледѣліе*. Праславянское земледѣліе выражается въ словахъ общеславянской терминологіи: плугъ, рало, серпъ, снопъ, копа, гумно. По историческимъ свидѣтельствамъ, славянская прародина была обитаема земледѣльцами въ эпоху Геродота и всѣ послѣдующія историческія эпохи¹⁾. Руссы языческой эпохи представляются источниками преимущественно земледѣльческими народами. Во время осады древлянскаго города Искоростѣня княгиня Ольга «посла ко граду глаголющи: чего хотите досѣдѣти? а вси гради ваши передашася мнѣ, и ялися по дань, и *дѣлаютъ нивы своя и землю своя*» (с. 25). Князь Святославъ «иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичамъ: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ по шлягу *отъ рала* даемъ» (с. 27). По тексту договорныхъ условій, предложенныхъ Святославомъ Іоанну Цимисхію, Греки должны были «дозволить привозить къ себѣ хлѣбъ, и посланныхъ для торговли въ Византію признавать своими друзьями, по прежнему установленію» (Левъ Д. Кал. кн. IX гл. 10). Въ могилахъ языческихъ Сѣверянъ открыты серпы и зерна ржи, овса, ячменя пшеницы.

О *скотоводствѣ* Руссовъ, какъ специальномъ народномъ промыслѣ, въ источникахъ нѣтъ извѣстій; занимая лѣсистыя области, они не могли промышлять скотоводствомъ, какъ специальностью, свойственною народамъ пастушескимъ, номаднымъ, занимающимъ

¹⁾ По свидѣтельствамъ Геродота: „Надъ Алазонами живутъ Скиты-пахари, сѣюще хлѣбъ для продажи... Съ переходомъ черезъ Бористенъ вступаемъ въ ближайшую отъ моря землю—Гилею; выше ея живутъ Скиты-земледѣльцы... Эти Скиты-земледѣльцы занимаютъ пространство къ востоку на три дня пути, простираясь до рѣки, называемой Пантикапомъ, а на сѣверъ вверхъ по теченію Бористена на одиннадцать дней“. Исторія; IV, 17, 18. Страбонъ, характеризуя отношеніе номадовъ къ георгамъ въ древней Скитіи, говоритъ, что „первыя, господствуя надъ послѣдними, предоставляютъ землю ихъ владѣнію и обработкѣ, и за то получаютъ умѣренную плату, а если арендаторы не дадутъ имъ условленной платы, то объявляютъ имъ войну“. Географія; кн. VII, г. IV, п. 6. Въ рассказъ Страбона о царствованіи Беробисты въ Гетикѣ говорится: „Доказательствомъ повинненія Гетовъ своему царю можетъ служить слѣдующее обстоятельство: онъ заставилъ ихъ вырубить виноградъ и жить безъ вина“ Тамъ же; гл. III, п. 11. По сказанію Приска Панійскаго: „Скиты Дакіи времени Аттилы воздѣлывали просо и ячмень“. Сказанія; стр. 36. По свидѣтельству Маврикія, славянская земля изобиловала культурными животными и растеніями, а особенно просомъ и пшеницею. Strat.; XIV, 275.

открытыя, степныя области; скотоводство у Сѣверянъ, какъ и у другихъ русскихъ племенъ, было только подспорьемъ, дополненіемъ земледѣльческаго промысла.

Пчеловодство было стародавнимъ промысломъ Славянъ. По свидѣтельству Геродота тѣло умершаго царя Скиты покрывали воскомъ (кн. IV, гл. 68). По свидѣтельству Приска, Скиты древней Дакии угощали его туземнымъ напиткомъ—медомъ (Ск. II: Пан; с. 50). Князь Святославъ, исчисляя преимущества дунайскаго города Переяславца, говорилъ, что туда сходятся всякія блага изъ разныхъ странъ, а «изъ Руси скоря, воскъ, медъ и челядь» (с. 28).

О *торговлѣ* русскихъ Славянъ языческой эпохи сохранилось въ источникахъ множество свидѣтельствъ. Къ главнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ: множество кладовъ, открываемыхъ въ славяно-русской землѣ и состоящихъ изъ монетъ и другихъ предметовъ искусства народовъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ; свидѣтельство Ибнъ-Хордадбе (IX вѣка) о торговлѣ русскихъ купцовъ въ Византіи, Хазарской столицѣ, на берегахъ Каспійскаго моря и въ Багдадѣ; свидѣтельство Ибнъ-Фадлана (первой полов. X в.) о торговлѣ Руссовъ въ Булгарѣ; свидѣтельство Нестора о давнихъ водныхъ путяхъ изъ центральныхъ областей Русской земли въ моря Каспійское, Черное и Балтійское, а оттуда до Рима и Константинополя; свидѣтельство Константина Багрянороднаго о русскихъ торговыхъ флотахъ, плававшихъ по Днѣпру въ Черное море и Византію. По договорамъ съ Греками, русскіе славяне вели торговля сношенія съ Византіей въ такихъ размѣрахъ, что Греки сочли нужнымъ отвести русскимъ купцамъ для жительства особое предмѣстье въ окрестностяхъ Константинополя (Св. Мамы) и ограничить одновременный пропускъ русскихъ купцовъ въ крѣпость Царьграда партіями не болѣе пятидесяти человекъ (с. 13).

Въ связи съ торговымъ промысломъ стоялъ у древнихъ народовъ *промыселъ военный*. Въ древности война была не только средствомъ рѣшенія международныхъ тяжбъ, но и средствомъ наживы, промысломъ. Каждый народъ смотрѣлъ на сосѣдніе народы, не принадлежавшіе къ одной съ нимъ религіи, къ одному государству, и несостоявшіе съ нимъ въ договорныхъ или данническихъ отношеніяхъ, какъ на своихъ враговъ и какъ на средство собственнаго обогащенія, если чувствовалъ себя достаточно сильнымъ. Отъ того

владѣнія сильныхъ народовъ древности были окружены на далекія пространства пустынями. Слабые народы не могли жить въ сосѣдствѣ сильныхъ народовъ, должны были или признать ихъ союзъ и покровительство на извѣстныхъ условіяхъ или, сохраняя свободу, оставить родину, удалиться (свид. Юлія Цезаря).

Всякій промыселъ древнихъ народовъ требовалъ соединенія личныхъ силъ. Земледѣіе опиралось на силу городской общины и городского укрѣпленія, а торговля съ иноземными народами могла опереться только на личную силу предпринимателей. Отсюда иноземная торговля производилась въ древности не единичными силами, а общественными, при посредствѣ многолюдныхъ дружинъ, ватагъ, артелей, каравановъ, подъ предводительствомъ выборныхъ начальниковъ, главъ, предводителей, позднѣйшихъ ватамановъ или атамановъ. Такія ватаги имѣли не только торговое, но и военное значеніе; они должны были имѣть силу защищаться, гдѣ нужно, и нападать, гдѣ можно. По своему устройству, древняя купеческая дружина—ватага не отличалась отъ вооруженнаго военного отряда¹⁾. Подобно позднѣйшимъ новгородскимъ ушкуйникамъ и казакамъ, промысловыя дружины въ однихъ мѣстахъ занимались мирными промыслами, звѣроловствомъ, рыболовствомъ и торговлею, а въ другихъ—грабежомъ²⁾.

¹⁾ Константинъ Богрянородный слѣдующими чертами характеризуетъ русскія купеческія партіи, производившія торговлю съ Византіей: „Русскія лодки приходятъ въ Константинополь изъ Новгорода, Смоленска, *Любеча*, *Чернигова*, Вышгорода. Русскіе Славяне, Кривичи, Лучане и другіе рубятъ зимою лѣсъ на своихъ горахъ и строятъ лодки; а по вскрытіи Днѣпра, приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ лодки. Въ Апрѣль мѣсяцъ собирается весь русскій флотъ въ городкѣ Витичевѣ, откуда отправляется къ порогамъ. Дошедши до Неяснтя, четвертаго и самаго опаснаго, купцы выгружаютъ товары и ведутъ по сушѣ скованныхъ невольниковъ около 6000 шаговъ. За порогами обыкновенно ожидаютъ ихъ Печенѣги, близъ такъ-называемаго Крарійскаго перевоза. Отразивъ сихъ разбойниковъ и доплывъ до острова св. Григорія, Русскіе приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности, и уже не встрѣчаютъ опасности до самой рѣки Селины, рукава Дуная; но тамъ, если вѣтеръ прибьетъ ихъ суда къ берегу, то они снова должны сражаться съ Печенѣгами; а миновавъ Конопку, Констанцію и устья болгарскихъ рѣкъ Варны и Дицины, достигаютъ Месимвріи, перваго греческаго города“. Мешог. роруі.; II, 982. Изъ договоровъ съ Греками видно, что русскіе купцы являлись въ Грецію вооруженными, но обязаны были снимать оружіе при входѣ въ Константинополь. Начальникъ русской купеческой партіи, прибывшей въ Вулгаръ во время пребыванія тамъ посольства Сулеймана, называется Ибнъ-Фадланомъ предводителемъ, главою, княземъ,—это позднѣйшій атаманъ. Ср. А. А. Э.; I, № 1.

²⁾ Греки особою статьею договора 907 года обусловили: „Да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ пакости въ селѣхъ въ странѣ нашей“ П. С. Л.; I, 22.

Рядомъ съ предпріятіями торгово-военнаго характера, Руссы часто составляли дружины спеціально военнаго характера, съ цѣлью пріобрѣтенія новыхъ земель, новыхъ данниковъ и обогащенія военною добычею. Во главѣ такихъ предпріятій становились князья, а военныя дружины комплектовались изъ охотниковъ, безъ различія національностей¹⁾. Съ такими дружинами князья Рюриковичи подчинили своей власти всѣ племена русскихъ Славянъ, обязавъ ихъ платить дань, и предпринимали военные походы въ Хазарію, на Кавказъ, въ Болгарію и Грецію, возвращаясь оттуда съ добычею, представлявшею собою всѣ предметы цивилизаціи того времени²⁾. Добыча, по распоряженію князя, дѣлилась равномерно между членами дружины, предпринимавшей военный походъ, какъ позже, по распоряженію атамана, дѣлилась военная добыча въ земляхъ казацкихъ³⁾.

Важнымъ промысломъ Славяноруссовъ языческой эпохи была также *служба въ сосѣднихъ государствахъ*. Какъ войска кievскихъ князей, такъ и войска сосѣднихъ государей комплектовались изъ воиновъ разныхъ національностей. По договору Олега 911 года русскіе военнопленные и купленные Греками рабы русскаго происхожденія, получившіе свободу за условную плату, имѣли право по своей волѣ оставаться въ Греціи на службѣ у византійскаго императора (с. 25). Это право имѣли и всѣ русскіе люди свободнаго состоянія. По свидѣтельствамъ Константина Багрянороднаго, въ его время на службѣ у византійскаго императора состояло 700 русскихъ гребцовъ; а въ 935 году, при Романѣ Лекапинѣ, въ походъ противъ Лонгобардовъ участвовало 7 русскихъ кораблей и 415 человекъ воиновъ⁴⁾. Наемныя войска за свою службу получали жалованье и участвовали въ раздѣлѣ военной добычи. Жалованье и

1) Дружину князя Олега составляли: „Варяги, Чудь, Словѣни, Мера, Вель и Кривичи“; „Варяги, Словѣни, Чудь, Кривичи, Мера, Поляне, Сѣверяне, Древляне, Радимичи, Хорваты, Дулебы и Тиверцы“. Игорь, приготавливаясь къ походу на Грековъ, „совокупивъ вои многихъ: Варяги, Русь, Поляны, Славѣни Кривичи, Тиверцы и Печенѣги“ Тамъ-же, с. 18, 21, 27.

2) „И приде Олегъ къ Киеву, неся золото, и поволоки, и овощи, и вина, и всяко узорочье“. Тамъ-же с. 22.

3) „И заповѣда Олегъ дань даяти на 2.000 кораблѣи по 12 гривнѣ на человекѣ, а въ кораблѣи по 40 мужъ“. Тамъ же. „И вдаша ему (Святославу) дань; имашеть же и за убьенныя, глаголя, „яко родъ его возметъ“. Тамъ же, с. 40.

4) De Cerem. aulae. В.; с. LXIV.

добыча составляли ихъ личную собственность, въ случаѣ смерти собственника, переходившую по наслѣдству къ его ближайшимъ родственникамъ. Особая статья договора Олега съ греками опредѣляетъ порядокъ охраны и передачи въ Русь собственности русскихъ людей, умершихъ въ Греціи, на службѣ у византійскаго императора (с. 15).

Общеславянская терминологія, вещественные памятники и показанія историковъ-современниковъ согласно свидѣтельству о богатствѣ экономическаго быта Сѣверянъ и вообще русскихъ Славянъ языческой эпохи. Историки-современники сравнивали Русь IX и X столѣтій съ Греціей, называли Кіевъ вторымъ Константинополемъ и признавали Русскую землю изобилующею всѣми благами міра, «*omnibus bonis affluentem*¹⁾. Ибнъ-Фадланъ видѣлъ, какъ на предводителя купеческой русской ватаги, умершаго въ Булгарѣ были надѣты при погребеніи шаравары, носки, сапоги, куртка, кафтанъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, калансува, (шапка) изъ дибаджа съ соболемъ; тѣло его посадили на коверъ и подперли его подушками, а возлѣ тѣла положили горячій напитокъ, плоды, благовонныя растенія, хлѣбъ, мясо, лукъ и оружіе. Каждый русскій имѣлъ при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и сѣкиру; а ихъ жены имѣли на шеѣ золотыя и серебряныя цѣпи. Если мужъ приобрѣталъ 10,000 диргемовъ, то дѣлалъ онъ женѣ цѣпь, а когда 20,000, то двѣ цѣпи и т. д., «на каждые 10,000 диргемовъ прибавлялъ онъ женѣ новую цѣпь, такъ что часто онѣ носятъ на шеѣ много цѣпей».

Въ могилахъ Сѣверянъ языческой эпохи открытъ способъ погребенія, описанный Фадланомъ, а также предметы быта, перечисленные имъ, и множество другихъ: шлемы, щиты, мечи, сабли, копыя, дротики, стрѣлы²⁾, серпы, замки, ключи, роговые кубки, обтянутые серебромъ, костяные гребенки, разнообразныя ожерелья, серебряныя и золотыя пуговицы, бляхи, и т. д. Въ предѣлахъ земли

¹⁾ Адамъ Бременскій, — *Hist. Eccles.*; кн. II, гл. 13. Дитмаръ, — *Chronica*, Лейпц. изд., с. 426. Стурлезонъ, — *Hist. Regum.*; Sept.; ч. I, с. 449. Гельмольдъ, — *Chronica*, с. 3, 4.

²⁾ Заключая договоръ съ Греками 945 года, Русскіе клялись, „полагая щиты своя и мечѣ своя наги, обручѣ своя и прочая оружья“ П. С. Л.; I, 22. Кольчужная броня и щитъ спасли Святослава отъ удара Анемаса. Послѣ сраженія подъ Дористоломъ Греки собрали на полѣ битвы „двадцать тысячъ щитовъ и множество мечей“, принадлежавшихъ Скитамъ-воинамъ Святослава. Левъ д. Кал., кн. IX, гл. 8.

Славяноруссовъ языческой эпохи открыто уже болѣе 260 имущественныхъ кладовъ, заключавшихъ въ себѣ монеты различныхъ государствъ VIII, IX и X столѣтій, часто вмѣстѣ съ разнообразными, серебряными и золотыми предметами, цѣнностью отъ десятковъ до тысячъ рублей¹⁾. По договорамъ съ Греками, русскіе купцы владѣли денежными капиталами, дававшими возможность покупать предметы роскоши въ такомъ количествѣ, что Греки сочли нужнымъ ограничить продажу дорогихъ шелковыхъ тканей 50 золотыми на одно лицо (с. 21).

Слѣдовательно, по фактамъ безспорнымъ, подлинность которыхъ и смыслъ не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, Сѣверяне и вообще Руссы языческой эпохи были народомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ и производившимъ отдаленныя торговля, военныя и служебныя сношенія, обогащавшія Русь всѣми предметами цивилизаціи Европы и Азіи IX и X столѣтій. По экономическому богатству Русь эпохи договоровъ съ Греками стояла не ниже Руси первыхъ столѣтій христіанскаго времени; а можетъ быть была богаче: послѣдовавшая за рецессіей христіанства почти непрерывныя домашнія войны между удѣльными князьями ослабили Русскую землю въ политическомъ отношеніи; прекратились военныя походы въ Грецію; прекратилось дѣйствіе договоровъ Руссовъ съ Греками, а съ нимъ и торговля сношенія Руси съ Византіей; взамѣнъ приѣма русскихъ военныхъ, торговыхъ и служебныхъ партій, вывозившихъ въ Русь греческіе капиталы, Византія высылала къ намъ христіанское духовенство, обогащавшееся въ Россіи на основаніи новыхъ законовъ о церковной десятинѣ и вывозившее русскіе капиталы въ Грецію. Послѣдующая политико-экономическая исторія Руси еще хуже: Русь, обезсиленная княжескими междоусобіями, должна была признать надъ собою монголо-татарское иго, за которымъ послѣдовало такое же теченіе русскихъ капиталовъ на востокъ, въ Азію, каковымъ было въ IX и X столѣтіяхъ теченіе греческихъ и восточныхъ капиталовъ въ Россію. Со времени сверженія монголо-татарскаго ига и объединенія Русской земли подъ властью московскихъ государей начинается новый періодъ въ исторіи экономическаго быта Россіи.

¹⁾ См. Мог. Рус. земли. Д. Самоквасова: Клады, с. 261.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Указатель городищъ Черниговской губерніи *).

1. Черниговскій уѣздъ.

Городище въ г. Черниговѣ.

Городище въ Сѣдневской вол., въ м. Сѣдневѣ, на берегу р. Снова (№ 864).

Городище въ Салтыково-Дѣвицкой вол., между с. Ковчинымъ и м. Салтыковой Дѣвицей, въ 5 вер. отъ перваго и 4 вер. отъ послѣдняго, надъ р. Убѣдью. Городище обнесено вокругъ большими насыпными валами въ три ряда, имѣло 6 въѣздовъ, какъ это вполне и нынѣ замѣтно. Въѣзды направлены: два на В., два на Ю., одинъ на З., и одинъ на С. По срединѣ городища находится ровная площадь, нынѣ пашется, при чемъ вырываются пуговицы, пряжки, ножи и старая монета. Городище занимаетъ пространство около 5-ти десятинъ (№ 410). Верстахъ въ трехъ отъ Салтыковой Дѣвицы на З. понынѣ видна большая древняя земляная крѣпость, расположенная надъ р. Убѣдью, нѣкогда судходною. Это памятникъ до-татарскаго городка, откуда Салтыкъ перевелъ жителей на нынѣшнее мѣсто. (Ч. Е. И., 1864 г., 216).

Городокъ въ Козлянской вол., у д. Гуцино, надъ лугомъ; имѣетъ форму неправильно-овальную, въ основаніи имѣетъ длины съ В-ой стороны около 60 саж., съ С-ой до 30 саж., съ З-ой до 35, съ Ю-ой до 20; вышиною съ В-ой стороны около 5 саж. а съ прочихъ около 4-хъ саж.; вокругъ насыпи канава; на З-ой сторонѣ, за канавою, насыпной валъ не болѣе двухъ арш. вышины (№ 588).

Городище въ той же вол. въ с. Шестовицѣ; надъ лугомъ; валъ въ основаніи до 6 саж., а площадь вала наверху два саж.; въ длину насыпь около полуверсты; выш. болѣе двухъ саж., насыпь эта имѣетъ фигуру дугообразную и обоими концами уни-

*) Составленъ на основаніи: 1) донесеній волостныхъ правленій; 2) свѣдѣній, собранныхъ преосвященнымъ Филаретомъ, напечатанныхъ въ Черниговскихъ епархіальныхъ извѣстіяхъ за 1862—1870 гг. и 3) личныхъ свѣдѣній издателя. Въ скобкахъ текста означены номера волостныхъ донесеній.

рается въ рѣчку, которая протекаетъ подь самымъ с. Шестовицею (№ 588).

Въ дачахъ с. Коала, на южной сторонѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ села есть мѣсто, наз. Княгиня, имѣеть форму полуострова, съ 3-хъ сторонъ окружено естественными оврагами, впирающимися въ болото; бока этого мѣста были сдѣланы насыпною землею; пространство этого мѣста, примѣрно, десятинь на 6,—пашется, и при паханіи, вырываютъ разныя мѣдныя и желѣзныя вещи и черепки глиняной посуды.

Въ Редьковской волости:

Городокъ у с. Редьковки, въ уроч. Бѣлые, на берегу р. Днѣпра.

Городокъ у с. Редьковки, въ уроч. около Затона, на берегу р. Днѣпра.

Городокъ при с. Неданчичахъ, въ уроч. Высокая Гряда, близъ р. Днѣпра,

Городокъ въ 4-хъ вер. отъ с. Неданчичи, въ уроч. Заводы.

Городокъ при д. Губичахъ, въ уроч. Днѣприкъ, близъ р. Днѣпра.

Городокъ при д. Мысахъ, въ уроч. Дощици, при р. Днѣпрѣ.

Городокъ при д. Мысахъ, въ уроч. Ульево близъ р. Днѣпра (№ 338).

Городокъ въ Пакульской вол., у с. Пакуль, въ уроч. Росаши, на берегу р. Рѣчицы; окопанъ рвомъ; площадь городка дл. и шир. по 10 саж.; обсаженъ вокругъ грушами (№ 576).

Городокъ въ Халявинской вол., въ с. Рогощѣ, на берегу р. Бѣлоуса; круглый; окопанъ рвомъ (№ 662).

Городище въ Березинской вол., при д. Дурняхъ, на берегу Старой Десны; высокая гора, песчаная, пространствомъ десятинь на 5; на немъ жители находятъ выдуваемаыя вѣтромъ изъ подь песка черепки разнаго рода, желѣзныя орудія, треугольныя ратица, кресты, ножи и мѣдныя кольца. По преданію на этомъ мѣстѣ жили, и потому оно носить названіе „городище“ (№ 607).

Городище въ той же волости въ г. Березнѣ (№ 607).

Городокъ въ той же вол., у с. Брусилова, при слияніи Снова съ Десною, на правомъ берегу первой (№ 607).

2. Городнянскій уѣздъ.

Городище въ Любечской вол., въ м. Любечѣ, на срединѣ его (№ 1598).

Городокъ въ той же вол., у д. Новоселовъ, въ уроч. Боблово, у озера Людвича (№ 1598).

Городокъ въ Мощенской вол., у с. Сеньковки (№ 1110).

Городокъ въ Яриловичской вол., въ болотѣ Замглай, близъ линіи Кіевскаго шоссе, противъ третьей версты отъ Замглайской станціи на Кіевъ, отъ линіи въ правую сторону на 300 саж. по направленію на Лоевъ; кругомъ окопанъ и обсыпанъ валомъ, вышиною въ полтора аршина; пространствомъ, примѣрно, на 100 квад. саж.; какъ площадь этого окопа, такъ равно и валы заросли густымъ, дровянымъ лѣсомъ. По преданію, въ этомъ городкѣ нѣкогда укрывалась шайка разбойниковъ въ 300 человекъ (№ 661).

Городокъ въ Тупичевской вол. у с. Великаго Листвена, въ разстояніи не болѣе одной версты, по направленію къ с. Смичину; вышина насыпи не менѣе 4-хъ арш., дл. же и шир. простирается до 100 саж. (№ 599).

Городище въ той же вол., у с. Звиничева, при болотѣ р. Замглай; квадратной формы, дл. и шир. до 50 саж., выш. до 8 аршинъ, съ 2 воротами или входами въ оный (№ 599).

Два городка въ Петрушинской вол., у с. Малаго Листвена, на берегу р. Бѣлоуса, пространствомъ каждый на полдесятины, и одинъ отъ другаго отстоятъ на три сажня (№ 347).

3. Новозыбковскій уѣздъ.

Городокъ въ Новобобовичской вол., между с. Новыми и Старыми Бобовичами, въ 1½ верстѣ отъ послѣдняго, на правомъ высокомъ берегу р. Ипути; небольшая мѣстность, окопанная съ незапамятныхъ временъ отъ поля землянымъ валомъ, который однимъ концемъ упирается въ крутой берегъ р. Ипути, а другимъ въ огромный оврагъ, впадающій въ ту же р. Ипутъ; ворота въ городокъ и нынѣ видны; площадь ровная, на ней сѣютъ хлѣбъ. (№ 416).

Городокъ въ Брахловской вол., у с. Куразнова, въ двухъ вер. на СВ., на берегу р. Снова; изображаетъ фигуру почти круглую: насыпь сдѣлана кругомъ выше сажня, на подобіе крѣпостныхъ валовъ; діаметръ площади до 20 саж., а въ ширину немного уже; кругомъ вала канава, шир. вверху саженой около трехъ, а внизу около сажени; глубина канавы въ 15 арш. Устройство городка доказываетъ, что онъ былъ защитою при военныхъ дѣйствіяхъ. Преданіе гласитъ, будто бы въ древнія времена былъ здѣсь городъ, подъ названіемъ Лебединь, отъ чего онъ и получилъ названіе городокъ. Около городка, при распашкѣ, вырывается мелкій кирпичъ, известка, черепки глиняной поливанной посуды и кости (№ 542).

Городокъ въ той же вол. въ д. Бобки; насыпь дл. 125, а шир. въ 60 арш., поверхность ея ровная и окружена со всѣхъ

сторонъ рвомъ; земля на ней сверху черноземъ, а въ срединѣ пепельная. Преданіе говоритъ, что этотъ городокъ сдѣланъ княземъ Мосальскимъ, и что въ немъ, будто-бы, есть желѣзная дверь, засыпанная землею отъ древности (№ 542).

4. Суражскій уѣздъ.

Городокъ въ Попогорской вол., близъ с. Поповой горы, на лѣвомъ берегу р. Бесяды. На немъ существуетъ кладбище жителей села Поповой горы (№ 613).

Городокъ между хут. Щедринымъ, д. Кашковой и с. Летахами, на правомъ берегу р. Бесяды; при входѣ на городокъ съ поля сохранились еще два насыпные вала, а также сохранилось и то мѣсто, которымъ былъ входъ на городокъ.

Городокъ близъ д. Баласуновъ, на правомъ берегу р. Бесяды (№ 613).

Городокъ въ Голубовской вол., между с. Голубовкою и колоніей новые Мезиричи, у хут. Сухопаровскаго, на высококомъ берегу р. Влечи; насыпь кругообразная; площадь распаивается подъ посѣвы; окруженъ со всѣхъ сторонъ сѣнокосами, и подлѣ него протекаетъ небольшой ручеекъ. На немъ, по преданію стариковъ, еще въ недавнее время жили два старика, а также, по преданію, на немъ находились постройки, забранныя жителями посада Ардони (№ 466).

Городокъ въ Лялической вол., въ самомъ с. Ляличахъ. На немъ съ давнихъ временъ существуетъ кладбище (№ 608).

Городокъ въ той же вол., у хут. Лагутовки (№ 608).

Городокъ въ Верещацкой вол., у с. Верещакъ, въ $\frac{3}{4}$ версты отъ него, въ направленіи къ д. Увелью, на высококомъ берегу р. Виховки, въ уроч. Мостовой; поверхность распаивается подъ посѣвы; занимаетъ пространство на $\frac{1}{2}$ десятины (№ 448).

Городище въ той же вол., у д. Янова, на берегу р. Столбунки; окружено тремя насыпными валами; занимаетъ пространство на $\frac{3}{4}$ десятины (№ 448).

Городокъ въ той же вол. между с. Яловкою и д. Увельею, на берегу р. Виховки, въ уроч. Каменка; окруженъ тремя насыпными валами; занимаетъ пространство земли $\frac{1}{2}$ десятины (№ 448).

Городокъ въ Гордѣвской вол., въ д. Корецкомъ заводѣ, на берегу р. Ипути (№ 470).

Городокъ въ Овчинской вол. у с. Новый Дроковъ, на берегу рѣки Ипути. Насыпь въ два аршина высоты; поверхность ровная; величиною около десятины; распаивается подъ пашню. По сказанію стариковъ, сдѣланъ Шведами (№ 738).

Городокъ въ той же вол. у хут. Софеевкова; окопанъ кругомъ канавою; нынѣ заросшій лѣсомъ. Сдѣланъ, по преданію, Шведами (№ 738).

5. Мглинскій уѣздъ.

Городецъ въ Воробейнской вол., въ 200 саж. на З. отъ с. Воробейни, на берегу р. Теремушки, въ видѣ укрѣпленія; величина площади около десятины; видъ круглый; съ З-ой и Ю-ой стороны примыкаетъ къ берегу р. Теремушки, а съ В-ой и С-ой отрѣзана отъ косогора канавою, имѣющею до 4-хъ саж. ширины и до трехъ саж. глубины; выс. насыпи около четырехъ саж. со всѣхъ сторонъ; по канавѣ или рву растутъ вѣковыя деревья; поверхность площади насыпи ровная, къ краямъ покатая; имѣетъ дл. и шир. до 50 сажень; входъ или въѣздъ на насыпь, какъ замѣтно, былъ съ СЗ-ной стороны. Въ 1866 году, при паханіи этой насыпи, сдѣлался провалъ въ глубину до полутора саж., въ которомъ найдены мѣстнымъ священникомъ Іоанномъ Нѣмцовымъ заржавѣлыя ядра, величиною въ гусиное яйцо, свинецъ и ящикъ, который былъ съ порохомъ, побѣлѣвшимъ отъ времени; въ настоящее время провалъ тотъ до половины засыпался землею. Преданій о немъ въ народѣ никакихъ нѣтъ (№ 397 Ч. Е. И., 1865 г., 413).

Городище въ одной верстѣ отъ с. Норина, въ направленіи къ д. Козловкѣ, при р. Усѣ (Ч. Е. И., 1865 г., 431).

Въ Алексѣевской волости:

Городокъ при д. Волжинѣ.

Городище при д. Шумировѣ.

Городище при д. Запольи.

Городище при д. Пошковѣ.

Городище между д. Игрушинымъ и с. Доманичами (№ 729 Ч. Е. И., 1865 г., 596).

Въ Котляковской волости:

Городище при с. Роговѣ, на берегу р. Судости; батарея, видомъ круглая, со впадиною на срединѣ, имѣющая три отверстія, какъ бы ворота для въѣзда.

Городище у д. Изокотовки, на берегу р. Калиновки; круглой формы (№ 426).

Городокъ въ Дереманской волости, между д. д. Малышевкою и Бѣловскомъ, на берегу р. Косты (№ 386).

Городецъ въ Старопочепи, на берегу р. Косты; это возвышенная, круто и ровно со всѣхъ сторонъ обрѣзанная площадь; дл. ея съ З. на В. 43 саж., а шир. 16 саж.; съ Ю-ой и съ С-ой сторонъ отъ поселенія жителей отдѣляется глубокими провальями; по В-ой

сторонѣ, при подошвѣ горы, протекаетъ рѣка Коста; на 3-ой сторонѣ узкимъ перешейкомъ соединяется съ горою; на этомъ перешейкѣ стоятъ храмы—старый обветшалый и новый на каменномъ фундаментѣ, тотъ и другой во имя Св. Николая. „Вотъ остатокъ до-татарскаго городка“ (Ч. Е. И., 1865 г., 440).

Городище въ двухъ вер. къ Ю. отъ г. Мглина; на высококомъ и крутомъ берегу Судынки, неприступное по положенію съ З.; укрѣплено было съ С. и Ю. искусственными рвами. „Вотъ памятникъ древняго до-татарскаго Мглина“ (Ч. Е. И., 1865 г., 218).

6. Стародубскій уѣздъ.

Въ Нижневской волости:

Городокъ у с. Нижняго, на берегу р. Титвы.

Городокъ въ дачахъ с. Душкина, въ разстояніи отъ него на одну версту, въ направленіи на З., на берегу р. Титвы.

Городокъ въ дачахъ с. Листовска, въ одной верствѣ отъ него на С., въ урочищѣ Каменный логъ, у р. Титвы (№ 456).

Городокъ на южномъ концѣ с. Старыхъ Халеевичъ,—памятникъ, укрѣпленія бывшаго когда-то до татаръ (Ч. Е. И., 1865 г., 695).

Городокъ въ Стародубской вол., въ с. Печеникахъ (№ 302).

Городище у с. Мериновки, въ уроч. Зарѣчье, поросшее лѣсомъ, надъ р. Ваблю; круглой формы; сохранились рвы и валы.

Городище у с. Левинки надъ рѣкою; распаивается подъ посьвы.

Городище въ г. Стародубѣ.

Городокъ у с. Осколокъ, на Ю. отъ него, за рѣчкой; это круглая высокая насыпь, образованная изъ угла горы, только часть которой насыпная. По формѣ укрѣпленія это—до-татарское укрѣпленіе (Ч. Е. И., 1866 г., 313).

Городокъ въ Лыщицкой вол., у с. Найтоповичъ, въ урочищѣ Калиновка, у р. Березовки (№ 259).

Городище въ Яцковской волости, между д. д. Невструевымъ и Гориславлемъ (№ 536).

Городокъ въ Гарцовой вол., въ с. Гарцовѣ (№ 340).

Городище въ Гриневской вол., при с. Мишковѣ (№ 398).

Городище въ той же вол., при д. Жигалкахъ (№ 398).

Городище въ Юдиновской вол., въ с. Подсудичахъ, на берегу р. Судости (№ 534).

Городокъ въ той же вол., при д. Храповкѣ, на берегу р. Бойны (№ 534).

Городокъ у с. Синина, на берегу р. Вабли; насыпной валъ до 3½ саж. выс. и до 60 шир.; это остатокъ до-татарскаго укрѣпленія (Ч. Е. И., 1865 г., 733).

Городокъ у с. Городища, на р. Варѣ; недалеко отъ впаденія ея въ Судость; площадь возвышается надъ окрестностью арш. три; засажена липами однимъ изъ праѣдвовъ нынѣшняго ея владѣльца (Ч. Е. И., 1865 г., 736).

Городокъ въ $\frac{1}{4}$ версты отъ усадьбы Чубарова, въ направленіи къ селу Суворову, на берегу р. Судости; со всѣхъ сторонъ окруженъ оврагами и крутыми спусками къ лугу, и только узкимъ перешейкомъ соединяющійся съ полемъ; величина площади болѣе 300 шаговъ въ окружности; форма площади неправильная, съ закругленными очертаніями, поверхность ровная, распахивается подъ посѣвы. При распашкѣ, выпахиваютъ глиняные черепки, кости, битый камень, уголь, проверченныя глиняныя шарики и глиняныя круглыя слѣпки величиною до кулака.

Городокъ на ЮЗ-ой сторонѣ с. Андрейковичъ,—это полукруглый большой курганъ; входъ на него съ запада; старожилы называютъ его городкомъ и говорятъ, что съ этого кургана казаки села Андрейковичъ бились съ Шведами; на двухъ концахъ городка видны небольшія насыпи, ихъ называютъ могилами своихъ и шведовъ; безъ сомнѣнія, во время нашествія шведовъ казаки воспользовались древнимъ городкомъ для своей защиты, но огромный курганъ вовсе несходенъ съ охранительными окопами времени Петра Великаго; это—остатокъ до-татарскаго укрѣпленія“ (Ч. Е. И., 1866 г., 244).

7. Новгородсѣверскій уѣздъ.

Городокъ—замокъ въ чертѣ города Новгородсѣверска, за соборною церковью, на высокомъ берегу р. Десны; это высокая гора, со всѣхъ сторонъ окруженная глубокими оврагами и крутыми спусками къ Деснѣ, оканчивающаяся вверху кругообразною площадью до 200 арш. въ діаметрѣ; поверхность площади холмистая, какъ будто была когда-то прорѣзана нѣсколькими перекрещивающимися траншеями; была обведена вокругъ насыпнымъ валомъ.

Городище въ 2-хъ вер. отъ Новгородсѣверска, на высокомъ мысѣ; защищено съ СВ. глубокимъ оврагомъ, съ ЮВ. и ЮЗ. крутыми спусками къ Деснѣ, а съ СЗ. примыкаетъ къ полю, отдѣленному отъ площади городища двумя выкопанными рвами и насыпнымъ валомъ; величина площади около 350 шаговъ въ окружности; форма площади кругообразная; поверхность площади занята еврейскимъ кладбищемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи; входъ обращенъ на сѣверозападъ.

Въ Рыковской волости:

Городокъ въ 2-хъ вер. отъ с. Команя по дорогѣ въ Новгород-

сѣверскъ, на высокомъ берегу Десны; окруженъ съ С., В. и Ю. естественными глубокими оврагами и спусками къ р. Деснѣ, а съ З., со стороны примыкающей къ полю, обведенъ выкопаннымъ рвомъ; площадь городка занимаетъ пространство до 100 шаговъ въ длину и до 80 въ ширину; форма площади неправильная, съ закругленными очертаніями; поверхность ровная, распахивается подъ посѣвы; входъ въ городище съ СЗ.

Городище въ одной верстѣ отъ д. Юхнова, по дорогѣ къ Пироговскому парому, на высокомъ берегу Десны, извѣстномъ въ народѣ подъ названіемъ Путивльской горы; состоитъ изъ двухъ насыпей, лежащихъ въ 50 шагахъ одна отъ другой, раздѣленныхъ оврагомъ; занимаютъ два мыса яйцеобразной формы; только съ СЗ-ной стороны примыкаютъ къ полю, а съ остальныхъ сторонъ окружены глубокими оврагами и крутыми спусками къ Деснѣ; отъ поля отдѣлены валами и рвами, нынѣ мало замѣтными, потому что съ давнихъ временъ распахиваются подъ посѣвы; величина площадей городковъ почти одинакова, каждый около 350 шаг. въ окруж.; форма площадей неправильная, съ круглыми очертаніями; поверхность ровная.

Городокъ у с. Горокъ, на высокомъ мысѣ берега Десны; съ трехъ сторонъ окруженъ крутыми спусками, а съ четвертой примыкаетъ къ полю, отъ котораго былъ отдѣленъ выкопаннымъ рвомъ, слѣды котораго нынѣ едва замѣтны, потому что соха уже проходить съ поля на городокъ и обратно; величина площади около 400 шаг. въ окруж.; форма площади сердцевидная; поверхность ровная.

Городокъ въ одной верстѣ отъ с. Дегтяревки по дорогѣ въ село Горки, на высокомъ мысѣ, защищенномъ съ ЮВ., ЮЗ. и СЗ. крутыми спусками въ овраги и къ лугу Десны, а съ СВ. примыкающемъ къ полю; отъ поля площадь защищена насыпнымъ валомъ и глубокимъ рвомъ; форма площади кругообразная; дл. площади около 120, а шир. около 70 шаг.; поверхность ровная и распахивается подъ посѣвы; входъ СВ.

Городокъ въ одной верстѣ отъ д. Кудлаевки, по дорогѣ въ усадьбу Самоквасова, на высокомъ берегу рѣчки Малотечны; съ СЗ. и ЮЗ. защищено крутыми спусками въ овраги и къ рѣкѣ, а съ СВ. и ЮВ. примыкаютъ къ полю, отъ котораго площадь городка отдѣлена двумя параллельными глубокими вырытыми рвами и насыпнымъ валомъ; форма площади—правильный кругъ, 120 шаговъ въ діаметрѣ; поверхность площади ровная и распахивается подъ посѣвы.

Городокъ у с. Стагорщины, въ уроч. Чайкинъ логъ; со всѣхъ сторонъ защищено глубокими оврагами и только съ З-ой стороны

узкимъ перешейкомъ примыкаетъ къ полю, отъ котораго отдѣлено выкопаннымъ рвомъ; величина площади около 350 шаговъ въ окружности; форма—кругообразная, поверхность ровная, поросшая старымъ лѣсомъ.

Городокъ у с. Лариновки, на лѣвомъ берегу р. Малотечны; защищено оврагами и выкопаннымъ рвомъ; величина площади около 300 шаг. въ окруж.; форма неправильная, при округленныхъ очертаніяхъ; поверхность ровная, поросшая лѣсомъ.

Городокъ въ Мабекинской вол. у с. Шептаковъ, въ уроч. Селище, въ разстояніи отъ с. на одну версту по направленію къ г. Новгородѣверску (№ 709).

Въ той же волости имѣются древнія земляныя укрѣпленія еще при слѣдующихъ селеніяхъ: Леньковѣ, Лѣсконогахъ, Смячѣ, Воробьевкѣ и деревнѣ Домоткановѣ; носятъ они названія городковъ или городищъ въ донесеніи Волостнаго правленія не сказано.

Городокъ въ Слободско-Каменской волости, у с. Пушкири, на берегу р. Десны; видъ круглый (№ 392).

8. Глуховской уѣздъ.

Городище въ Есманской вол., въ самомъ с. Есмани, на лѣвомъ берегу р. Есмани; величина площади 300 арш. въ окруж.; поверхность площади занята кладбищемъ; до 1738 г. стояла на немъ приходская церковь; по возвышенной на 1½ арш. окраинѣ площади городища, по обрывамъ, замѣтны слои насыпи изъ угля и кирпича; форма площади кругообразная; внѣшнихъ искусственныхъ укрѣпленій не сохранилось; съ В. и З. сторонъ къ городищу примыкають естественные овраги, идущіе отъ поля къ рѣкѣ; входъ въ городище не сохранился; преданій о его основаніи, значеніи, а равно о находкахъ на немъ или воалѣ него, не сохранилось (Сообщ. прих. Священника с. Есмани о. Порфирія № 285).

Городокъ у с. Пустогорода, лежащій надъ болотомъ. „Это возвышенная площадь, окруженная валомъ и глубокимъ рвомъ. Здѣсь стоялъ храмъ Св. Георгія до поздняго времени. По преданію, во время очень давнее жители городка защищались противъ сильнаго непріятеля съ твердостію. Для защиты своей они наносили бревна и пускали ихъ подъ ноги осаждавшаго врага; это было въ день Св. Георгія. Съ молитвами Побѣдоносцу, они отбили врага; и послѣ того, Пустогородъ долго былъ убѣжищемъ для окрестныхъ жителей во время разореній татарскихъ; но потомъ опустѣлъ и мѣсто стало называться Пустогородъ“ (Ч. Е. И., 1866 г. 663).

Городокъ-Звенигородокъ въ Улановской вол., въ дачахъ с. Иванова, въ 4-хъ вер. отъ него, а отъ с. Ястребщины въ 3-хъ вер.;

помѣщенъ на высокомъ мѣстѣ; внизу имѣется колодезь съ хорошею ключевою водою. „По сказанію старожилонъ, на немъ жили когда-то люди, подъ названіемъ Ляхи“ (№ 439).

Въ Тулиголовской волости;

Городище въ дачахъ с. Тулигорова, въ смѣнѣ къ с. Ярославцу, въ разстояніи отъ Тулигорова до $2\frac{1}{4}$ вер.; на высокомъ мѣстѣ, надъ болотомъ; земля на немъ распахивается подъ посѣвы (№ 554). Въ дачахъ Тулигорова есть городище; это валъ, окруженный болотомъ р. Рети и только узкимъ перешейкомъ соединяющійся съ твердою землею (Ч. Е. И., 1864 г., 735).

Городокъ въ дачахъ с. Щербы, въ смѣнѣ къ с. Тулиголову, въ разстояніи отъ с. Щербы около $3\frac{1}{2}$ вер., въ уроч. Вербоватицѣ; на высокомъ пунктѣ; вокругъ окопанъ канавою, которая отъ древности ея существованія начала обрушиваться.

Городокъ у того же села, въ смѣнѣ къ с. Полошкамъ, за улицею Ковалевскою, надъ р. Ретью; на высокомъ мѣстѣ, окруженномъ р. Ретью (№ 554).

Въ Ярославцевой волости;

Городокъ въ самомъ с. Ярославцѣ, на берегу озера Бычка, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ приходской храмъ; круглая площадь на возвышенномъ холмѣ, обведенная валомъ и глубокимъ рвомъ. Когда въ 1841 г. разрывали насыпь вокругъ церковной ограды и ровняли площадь для сада, то найдены были три ядра, величиною съ большое яблоко; одно изъ нихъ было или казалось въ родѣ стеклянаго (Ч. Е. И., 1864 г., 697).

Городокъ въ лѣсныхъ дачахъ с. Ярославца, въ 5-ти вер. отъ него на В., въ уроч. Каменьи, на высокой горѣ, обведенной валомъ; на небольшомъ пространствѣ этого вала нѣтъ насыпи, каковой промежутокъ называется воротами, куда и въ настоящее время въѣзжаютъ (№ 331). Понинѣ въ лѣсныхъ дачахъ Ярославца, въ 5-ти вер. отъ нынѣшняго поселенія, есть городокъ. На одномъ изъ холмовъ, образующихъ собою длинную цѣпь надъ глубокою и широкою логовиною, сдѣлана насыпь вышиною въ сажень, обведенная рвомъ глуб. до 2-хъ саж.; огражденная валомъ площадь въ поперечникѣ 20 саж.; на ней есть яма, которая по преданію осталась послѣ колодца; въ сторонѣ, обращенной къ яру, входъ въ городокъ между двухъ огромныхъ столбовъ, изъ которыхъ одинъ многіе еще видѣли лѣтъ за сорокъ назадъ; теперь на мѣстѣ столбовъ остаются углубленія (Ч. Е. И., 1864 г., 697).

Городокъ въ дачахъ с. Воргла, въ 2-хъ вер. отъ него на Ю., надъ лугомъ рѣчки Клевени, недалеко отъ впаденія ея въ р. Сеймъ (№ 331). Воргольское городище помѣщено на высокомъ мысѣ и состоитъ изъ двухъ насыпей, лежащихъ рядомъ, отдѣленныхъ

рвомъ, шириною около 10 саж.; объ насыпи съ В., Ю. и З. защищены естественными оврагами и крутыми спусками къ болоту, а съ С. стороны, примыкающей къ открытому полю, были отдѣлены валомъ и рвомъ, длиною въ 100 шаг. Величина площади обоихъ городковъ болѣе 1000 шаг. въ окруж.: одинъ около 500 шаг. а другой болѣе 550. Форма площадей неправильная, съ закругленными очертаніями; поверхность площадей ровная и распахивается подъ посѣвы; при распашкѣ, выпаживаютъ глиняные черепки, кости животныхъ и глиняные, проверченые шарикки. Входъ въ оба городка съ СЗ.

Городокъ въ с. Литвиновичахъ, гдѣ нынѣ стоитъ храмъ Петра и Павла, на берегу рѣки Воргла; возвышенная, кругообразная площадь, 70 саж. въ діаметръ, окруженная высокимъ валомъ (Ч. Е. И., 1864 г., 731).

Въ Холоповской волости:

Городище у д. Дорошевки, въ разстояніи $\frac{1}{4}$ версты отъ нея по дорогѣ въ с. Волокитино, на берегу рѣки Клевени (№ 1065). Это городище помѣщено на высокомъ шпилѣ, защищенномъ съ СЗ-ой и ЮЗ-ой сторонъ естественными, глубокими оврагами, а съ ЮВ-ой крутымъ и высокимъ спускомъ къ берегу р. Клевени и только съ СВ-ой стороны примыкающимъ къ открытому полю; состоитъ изъ двухъ насыпей, раздѣленныхъ выкопаннымъ рвомъ, около 4-хъ саж. гл. и 6-ти саж. дл.; малаго городища величина площади приблизительно 250 шаговъ въ окружности, а втораго болѣе 400 шаговъ; форма площадей неправильная, съ округленными очертаніями: поверхность площадей ровная, распахивается подъ посѣвы. Въ 1871 году часть малаго городища была разрыта мѣстнымъ помѣщикомъ А. М. Микляшевскимъ, при чемъ были найдены рабочими заостренная кость и желѣзный, съѣденный ржавчиною, военный топоръ; на поверхности городища найдены желѣзный ножъ и желѣзная шпора; сверхъ того, попадается множество различныхъ глиняныхъ черепковъ, костей животныхъ, угля и проверченые глиняные шарикки; входъ въ городище съ СВ.

Городище у с. Ротовки, въ одной верстѣ отъ него по направленію къ с. Антикамъ, Путивльскаго у., на высокомъ берегу р. Клевени.

Городокъ между с. Ротовкою и д. Вязенкою, въ разстояніи трехъ верстъ отъ перваго, на высокомъ берегу р. Клевени.

Городище у с. Ховзовки, въ одной верстѣ отъ него, на высокомъ берегу р. Клевени.

Городище въ разстояніи 5 верстъ отъ с. Холопкова и 3 верстъ отъ д. Будищъ, надъ болотомъ р. Клевени.

Городище въ 3-хъ верстахъ отъ с. Викторова и въ одной верстѣ отъ хутора Марковича, надъ болотомъ р. Есмани.

Городище за с. Сварковымъ, по дорогѣ на с. Есмань, въ одной верстѣ отъ с. Сваркова, надъ р. Клевенью (№ 1065).

9. Кролевецкій уѣздъ.

Городокъ въ Оболонской вол., у с. Городища, при вѣздѣ въ него изъ д. Савинокъ, на берегу р. Быстрицы; устроенъ, по народному преданію, Шведами въ началѣ XVIII-го столѣтія, во время войны короля шведскаго Карла XII съ Русскими, до одержанія надъ нимъ побѣды подъ Полтавою царемъ Петромъ Великимъ. Насыпь эта простирается на разстояніи 100 саж. въ дл. и около 15 саж. въ шир.; имѣетъ незначительную вверху площадку, занимающую около 500 кв. саж.; съ лѣвой стороны этой насыпи, въ разстояніи отъ нея не болѣе $\frac{1}{4}$ версты лежитъ небольшое, но глубокое озеро, называемое Старая Десна, съ правой же стороны течетъ небольшая и узкая р. Быстрица, впадающая въ р. Новую Десну (№ 1112). Въ верстѣ отъ села Городища, на югѣ, имѣется возвышенное мѣсто, окруженное валомъ, извѣстное понынѣ подъ именемъ городка. Лѣтъ за 100, по словамъ старожиловъ, городокъ окруженъ былъ непроходимыми болотами и лѣсами, которыхъ нынѣ и слѣда нѣтъ. Во время весенняго разлива Десны городокъ представляетъ собою островъ, соединяющійся съ селомъ Городищемъ только узкимъ перешейкомъ. Нынѣ здѣсь кладбище. Это памятникъ древняго укрѣпленія, до-татарскаго городка (Ч. Е. И. за 1869 г. 112).

Городокъ въ Коропской вол., у с. Райгородка, на лѣвомъ берегу р. Десны; занимаетъ пространства, примѣрно, около 1 десятины, сдѣланъ въ древнее время изъ земли, насыпанной вокругъ валомъ, а въ срединѣ вала ровная площадь; отстоятъ онъ отъ р. Десны саж. на 30; помѣщенъ на очень возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго видно вокругъ большое пространство. По рассказамъ и по образу этого городка, полагать можно, что онъ устроенъ для военныхъ дѣйствій (№ 909). Въ Райгородкѣ, на С. отъ храма, въ верстѣ отъ него находится городокъ, укрѣпленіе весьма древнее. Площадь съ трехъ сторонъ,—СЗ-ой и Ю-ой обнесена глубокимъ ровомъ и огромнымъ валомъ, а съ В-ой защищена озеромъ; восточный и южный валъ еще цѣлы, но сѣверный почти совсѣмъ размытъ полою водою Десны; ровъ вокругъ крѣпости такъ великъ, что въ немъ свободно можно проѣхать одною и даже двумя повозками; ворота въ крѣпость съ З. Въ разрушенной Десною сѣверной части вала жители находили серебряные крестики, металлическіе остатки конской сбруи и мѣдныя подковы (Ч. Е. И. за 1869 г., 26).

Городокъ въ Алтыновской вол., въ с. Спасскомъ. „Въ Спас-

скомъ замокъ и городокъ, нынѣ уже почти невидные, а въ верстѣ отъ Спасскаго Лобанова гора, искусствомъ обращенная въ укрѣпленіе“ (Ч. Е. И., 1868 г., 1047). У с. Спасскаго имѣется насыпь колесообразной формы; высота и глубина оной, съ прїѣзда отъ села Алтыновки до 3-хъ саж. (№ 828).

Городище у с. Божка, на правомъ берегу р. Сейма. „По описи имѣній Крупицкаго монастыря 1744 года видимъ въ числѣ земель с. Божка городище; и такъ, вблизи нынѣшняго поселенія былъ когда то городъ, съ своимъ языческимъ божкомъ, передавшимъ свое имя поселенію“ (Ч. Е. И. 1868 г., 1050).

Въ Понорницкой вол.:

Городище въ двухъ вер. отъ с. Разлетъ, въ уроч. Никольскомъ, на берегу р. Десны; окопано рвомъ, глуб. и шир. въ три косыхъ сажня; дл. 44, а шир. 24 саж.; на городкѣ нынѣ находится образъ св. Николая (№ 846). Въ трехъ вер. ниже Разлетъ, на скатѣ горы, — городище, называемое Николка; начинаясь отъ подошвы горы въ 20 саж. оканчивается круглою площадью въ 80 саж., окопанною рвомъ въ три саж. гл. Съ Ю-ой низменной стороны примыкая къ лугу, съ В-ой и З-ой отрѣзано отъ сосѣднихъ горъ глубокими оврагами, тогда какъ съ С-ой, граничащей съ полями, защищено глубокимъ рвомъ. И по нынѣшнему виду своему, городище памятникъ сильнаго, укрѣпленнаго города (Ч. Е. И. 1869 г., 99).

Городокъ въ с. Крыскахъ. По преданію, на этомъ городкѣ жили нѣкогда Шведы. (Дон. Вол. Прав. № 846). Внутри нынѣшняго поселенія Крысокъ есть городокъ; гора выш. отъ подошвы до 50 саж.; три стороны ея весьма круты и обрывисты, съ четвертой стороны, отъ поля, въѣздъ на гору; на площадкѣ, по угламъ, еще видны ямы, — надобно полагать, что городокъ былъ окруженъ стѣною. Внизу горы недавно было топкое болото. Это памятникъ города, исчезнувшаго въ татарщину (Ч. Е. И., 1869 г. 118).

Въ Покошичской волости:

Городокъ въ дачахъ с. Радичева, въ уроч. Фостенскомъ, на берегу р. Десны.

Городокъ въ дачахъ с. Радичева, въ уроч. Мѣщанскомъ въ двухъ вер. отъ Фостенскаго городка, на берегу р. Десны.

Городище въ дачахъ с. Радичева, въ уроч. Хотинскомъ, въ одной верстѣ отъ Мѣщанскаго городка, на берегу р. Десны.

Городокъ въ дачахъ с. Радичева, въ уроч. Московскомъ, въ одной верстѣ отъ городка Хотинскаго, на берегу, р. Десны.

Городокъ въ дачахъ с. Псаревки, въ уроч. Хоромки, на берегу р. Десны.

Городище въ дачахъ с. Псаревки, въ уроч. Водопойло, въ $\frac{3}{4}$ версты отъ городка Хоромскаго, на берегу р. Десны.

Городокъ въ дачахъ с. Псаревки, въ уроч. Распутновщина, въ одной верстѣ отъ городка Водопойловскаго, на берегу р. Десны.

Городокъ у с. Мезина, гдѣ сельское кладбище, на берегу р. Десны (№ 730). Въ Мезинѣ, въ двухъ шагахъ отъ кладбища, — городокъ, въ длину 40 саж., а въ ширину 30 саж. „Это памятникъ древняго до-татарскаго Мезина; онъ былъ городкомъ, — укрѣпленнымъ мѣстомъ“ (Ч. Е. И., 1869 г., 96).

10. Конотопскій уѣздъ.

Городище въ Голенской вол., въ 4-хъ вер. отъ с. Гайворона и въ 7-ми вер. отъ м. Голенокъ, на Э-омъ берегу р. Ромна; площадь насыпи болѣе 100 саж.; поверхность ровная, на ней сѣютъ хлѣбъ; форма кругообразная; насыпной валъ выш. въ 3 саж.; входъ съ Э. (№ 753).

Городище въ Великосамборской вол., при селѣ Великомъ Самборѣ, около $\frac{1}{4}$ версты отъ него, въ направленіи на ЮВ. (№ 275).

Городокъ въ той же волости, у самого с. Гиревки, съ Э-ой его стороны. Лѣтъ за 100 назадъ, какъ говорятъ старожилы, на этомъ городкѣ находились капитальныя строенія, неизвѣстно кѣмъ и когда уничтоженныя (№ 275).

11. Сосницкій уѣздъ.

Въ Александровской вол.:

Городокъ въ д. Шкробовѣ, на берегу р. Бречи; кругообразной формы; обсыпанъ валомъ и окопанъ рвомъ; пространства внутри имѣеть до 300 саж.; поверхность поросшая лѣсомъ.

Городокъ у д. Буды, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ нея; окопанъ вокругъ тремя рвами и обведенъ тремя земляными валами; пространства внутри имѣеть до 300 саж.; лежитъ надъ водянымъ протокомъ, называемымъ Продъ; канавы и валы заросли мелкимъ лѣсомъ.

Городокъ въ Шишковской лѣсной дачѣ, въ $3\frac{1}{2}$ вер. отъ д. Буды; называется Калядинъ; окопанъ въ окружности тремя канавами и обсыпанъ тремя земляными валами; пространство внутри имѣеть до 300 саж.; состоитъ подъ сѣнокосомъ; валы и канавы позаросли мелкимъ лѣсомъ. Около этого городка находится водяной колодезь, въ настоящее время заваленный. У этого городка найденъ былъ мѣстными жителями молотокъ изъ красной мѣди.

Городокъ у д. Верхолѣсья, въ Александровской лѣсной дачѣ; называется второй Калядинъ; окопанъ въ окружности рвомъ глубиною болѣе полутора аршина; пространство имѣеть до 1200 саж.; состоитъ подъ сѣнокосомъ и лѣсною зарослью.

Городокъ въ лѣсной дачѣ с. Киселевки, въ урочищѣ Городище надъ водянымъ протокомъ; называется Уснѣжинъ; вокругъ окопанъ канавою и обсыпанъ землянымъ большимъ валомъ; внутри пространства имѣетъ отъ В. къ З. 150 арш., а отъ Ю. къ С. 56 арш. (№ 520).

Городокъ въ Волынской вол., между с. Кудровкою и д. Ляшковцами, въ шести вер. отъ перваго, надъ р. Убедью; вокругъ окопанъ (№ 1272).

Городокъ въ Перелюбской вол., въ уроч. Нарвенки, при слияннн рѣкъ Снова и Ревны, въ семи верстахъ отъ деревни Шишковки; окруженъ болотомъ (№ 444).

Городище въ Менской вол., внутри мѣстечка Мены; по преданію, валъ, окружавшій древній городъ Мену (№ 583).

Городище въ той же волости у села Феськовки, на берегу р. Мены, круглой формы, окопанъ рвомъ (№ 583).

12. Борзенскій уѣздъ.

Городокъ въ Борзенской вол., между с.с. Ядутами и Холмами, у рѣки Лоши (№ 466).

Городокъ въ Шаповаловской вол., при хуторѣ Дочи, у большой дороги изъ г. Борзны на м. Батуринь, съ правой стороны, надъ болотомъ (№ 419).

Городище у Бѣлой Вѣжи (Ч. Е. И., 1868 г., 429).

Городище въ Иванъ Городѣ (Ч. Е. И., 1868 г., 585).

Городище въ Сиволожи (Ч. Е. И., 1868 г., 293).

Древнее укрѣпленіе въ городѣ Боранѣ (Ч. Е. Из., 1868, 129).

13. Нѣжинскій уѣздъ.

Городище въ Талалаевской вол., въ с. Дорогинкѣ, на берегу р. Удая (№ 802. Ч. Е. И. 1862 г.).

Городище въ Плосковской вол., въ 2-хъ вер. отъ с. Плоскаго въ направленн къ ЮВ, при болотахъ Пески и Голо; занимаетъ земли болѣе 8 десятинъ; въ немъ видны двое развалившихся земляныхъ воротъ, изъ которыхъ одни называются Кіевскими, а другіе Нѣжинскими; оно окопано неизвѣстно кѣмъ и когда тремя глубокими рвами, съ такимъ же числомъ земляныхъ валовъ, довольно возвышенныхъ. Площадь поросла лѣсомъ (№ 609).

Городокъ въ Монастырищенской вол., между мѣстечкомъ Монастырище и селомъ Зайдайки, на рѣкѣ Удаѣ, на разстоянн отъ м. Монастырища въ $\frac{1}{2}$ верстѣ; круглой формы; обнесенъ землянымъ валомъ; занимаетъ пространство до $\frac{1}{2}$ десятины; въ среди-

нѣ этой насыпи, имѣющей ровную площадь, существуетъ колодезь, устроенный съ незапамятныхъ временъ и поддерживаемый мѣстными жителями для водопоя; вокругъ городка былъ широкій ровъ; сообщеніе съ городкомъ производится по плотинамъ.

Въ дачахъ мѣстечка Монастырища въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ хут. Панскаго Колодца, а отъ м. Монастырища въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ на З.,— земляныя насыпи, носящія въ народѣ названія Два брата, частію уже разрыты; представляютъ видъ древняго укрѣпленія; валы разбросаны въ разныхъ направленіяхъ, а между ними, по срединѣ, довольно глубокое углубленіе.

Тамъ-же, въ дачахъ м. Монастырища, въ 2-хъ верстахъ отъ хут. Веприка, и отъ м. Монастырища въ 3 вер. на Ю.,— земляная насыпь кругомъ возвышеннаго мѣста, носящая въ народѣ названіе Разгребельный, представляющая также видъ небольшого укрѣпленія, судя по довольно широкой и глубокой въ срединѣ онаго площади.

Въ дачахъ с. Бакасаки, въ 6-ти вер. отъ него на ЮЗ,—земляныя насыпи, носящія въ народѣ названіе Жовакъ, совершенно схожія съ насыпями Два брата, съ тою разницею, что насыпи здѣсь сравнительно большія и устройство ихъ сдѣлано какъ бы для защиты съ Ю. стороны, тогда какъ насыпи Два брата, сдѣланы какъ бы для защиты С-ной стороны (№ 872).

Городокъ въ Носовской вол., въ м. Носовкѣ; по преданію, въ прежнее время былъ крѣпостью для защиты отъ набѣговъ непріятеля; выш. его въ настоящее время не болѣе 3-хъ, а въ иныхъ мѣстахъ 4-хъ арш.; середина этой крѣпости,—центръ мѣстечка Носовки, гдѣ находится 4 церкви и базарная площадь (№ 747).

Городище въ Володько-Дѣвницкой волости, у с. Дѣвицы; площадь поросла лѣсомъ (№ 735).

14. Козелецкій уѣздъ.

Городокъ въ Ново-Быковской вол., въ м. Новомъ Быковѣ, во дворѣ г-жи Протасовой, на лѣвомъ берегу Супоя; круглой формы, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ (№ 524).

Городокъ въ той же вол., у с. Петровки, въ усадьбѣ г. Васильчикова, на островѣ рѣки Супоя; круглой формы, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ (№ 524).

Городище въ Ново-Басановской вол., въ м. Новой Басани на р. Недрѣ, четырехугольное (№ 521).

Городокъ въ той же вол., въ селѣ Ядловкѣ; въ настоящее время на немъ приходская церковь (№ 521).

Городокъ въ Бобровицкой вол., въ центрѣ мѣстечка Боброви-

цы; въ родѣ четырехугольной крѣпости, въ которой жители прятались отъ непріятелей; кругомъ была вода; имѣеть въ окружности 2 вер.; высоты 3 саж. (№ 725).

Городище въ той же вол., близъ м. Бобровицы, въ разстояніи отъ него на $1\frac{1}{2}$ версты; окружено двумя валами съ промежуткомъ воротъ (№ 725).

Городокъ въ Ярославской вол., въ с. Заворичахъ, возлѣ болота Трубойла; круглой формы. (№ 621).

15. Остерскій уѣздъ.

Городище въ Броварской вол., при с. Выгуровщинѣ, въ разстояніи на С. отъ с. на $\frac{1}{4}$ версты; насыпь выш. 12 аршинъ, мѣрою вокругъ на одну десятину, и кругомъ обведена канавою въ четыре арш. глубины; для входа въ городище имѣются признаки существовавшихъ воротъ (№ 1353).

Городище въ той же вол. внутри селенія Выгуровщины; такая же самая насыпь, какъ и предыдущая; на ней нынѣ дворъ Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1353).

Городище въ Остерской вол., въ трехъ вер. отъ с. Крыхаева, по направленію къ юго-востоку, въ урочищѣ Киськово; насыпь обнесена землянымъ валомъ въ выш. до 6 арш. на пространствѣ около 1 версты со всѣхъ 4-хъ сторонъ; съ ЮВ-ой стороны имѣеть въѣздъ,—предполагать должно, что въ прежнее время тамъ были ворота; площадь поросла кустарникомъ (№ 1519).

Городокъ въ Сорокошитской вол., при д. Сивкахъ, у р. Днѣпра, въ уроч. Прикалѣ; обнесенъ валомъ вышиною въ $2\frac{1}{2}$ арш. (№ 682).

Городокъ въ той же вол., въ 5 верстахъ отъ д. Новаго Глыбова, при устьи рѣкъ Днѣпра и Припети; обнесенъ валомъ вышиною въ 3 арш. (№ 682).

8 p

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
WIDENER
FEB 11 2003
SEP 10 2003
CANCELLED
LOOK DUE

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve
library collections at Harvard.

